

SLAVICA HELVETICA

Ekaterina Velmezova (éd./Hrsg.)

Contributions suisses au
XVIIe congrès mondial des slavistes
à Paris, août 2025

Schweizerische Beiträge zum
XVII. Internationalen Slavistenkongress
in Paris, August 2025

PETER LANG

Ce recueil a été préparé à l'occasion du XVIIème congrès mondial des slavistes à Paris (août 2025). Il reflète plusieurs aspects de la slavistique helvétique, en premier lieu la linguistique et l'analyse littéraire. Les auteurs des contributions sont des slavistes de plusieurs universités suisses (Zurich, Saint-Gall, Berne, Lausanne et Genève).

Dieser Sammelband wurde anlässlich des 17. Internationalen Slavistenkongresses in Paris (August 2025) zusammengestellt. Präsentiert werden verschiedene Forschungsarbeiten aus der Schweizer Slavistik, wobei der Schwerpunkt auf der Linguistik und der Literaturwissenschaft liegt. Die Beiträge stammen aus Slavistik-Instituten mehrerer Schweizer Universitäten (Zürich, St. Gallen, Bern, Lausanne und Genf).

Ekaterina Velmezova est professeure ordinaire de linguistique slave et d'épistémologie de la linguistique d'Europe orientale à l'Université de Lausanne, ainsi que professeure invitée de linguistique slave à l'Université de Tartu. Ses principaux domaines de recherche comprennent l'histoire et l'épistémologie des idées linguistiques et l'ethnolinguistique slave.

Ekaterina Velmezova ist ordentliche Professorin für Slavische Linguistik und Epistemologie der Osteuropäischen Linguistik an der Universität Lausanne sowie Gastprofessorin für Slavische Linguistik an der Universität Tartu. Ihre Hauptforschungsgebiete sind die Geschichte und Epistemologie linguistischer Konzepte sowie slavische Ethnolinguistik.

ISBN 978-3-0343-5549-0

www.peterlang.com

Contributions suisses au XVIIIe congrès mondial
des slavistes à Paris, août 2025

Schweizerische Beiträge zum XVII.
Internationalen Slavistenkongress in Paris, August 2025

SLAVICA HELVETICA

Dirigé par / Herausgegeben von
Anastassia Forquenot De La Fortelle
Thomas Grob
Jens Herlth
Jean-Philippe Jaccard
Sylvia Sasse
Ulrich Schmid
Barbara Sonnenhauser
Ekaterina Velmezova

Vol. / Band 88

PETER LANG

Lausanne · Berlin · Bruxelles · Chennai · New York · Oxford

Ekaterina Velmezova (éd./Hrsg.)

Contributions suisses au XVIIe congrès
mondial des slavistes à Paris, août 2025

Schweizerische Beiträge zum XVII. Internationalen
Slavistenkongress in Paris, August 2025

PETER LANG

Lausanne · Berlin · Bruxelles · Chennai · New York · Oxford

Information bibliographique publiée par « Die Deutsche Nationalbibliothek »
« Die Deutsche Nationalbibliothek » répertorie cette publication dans la
«Deutsche Nationalbibliografie»; les données bibliographiques détaillées
sont disponibles sur Internet sous <<http://dnb.d-nb.de>>.

Cet ouvrage a été publié grâce au soutien de l'Académie suisse des sciences humaines (ASSH).

Die Drucklegung dieses Bandes wurde ermöglicht
durch die finanzielle Unterstützung der Schweizerischen Akademie der Geistes- und
Sozialwissenschaften (SAGW).

ISSN 0171-7316
ISBN 978-3-0343-5549-0 (Print)
ISBN 978-3-0343-6051-7 (e-PDF)
ISBN 978-3-0343-6052-4 (e-PUB)
DOI 10.3726/ b23114

© Ekaterina Velmezova (éd./Hrsg.), Olga Burenina-Petrova,
Elena Denisova-Schmidt, Olga Inkova, Katrin Karl, Alexander Meienberger,
Sébastien Moret, Daniel Weiss. 2025

Peter Lang Group AG, Lausanne (Suisse)
Déplacé par Peter Lang AG, Lausanne (Suisse)
info@peterlang.com – www.peterlang.com

Open Access: Cette oeuvre est mise à disposition selon les termes de la Licence
Creative Commons Attribution 4.0. Pour consulter une copie de cette licence, visitez
le site internet <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Cette publication a fait l'objet d'une évaluation par les pairs.

Table des matières / Inhaltsverzeichnis

О сборнике работ швейцарских славистов	9
<i>Ольга Буренина-Петрова (Цюрихский университет)</i>	
Об анимационных источниках берлинской прозы Владимира Набокова	11
1. На перепутье двух романов. Принцип организации прозы в романах Владимира Набокова <i>Камера обскура</i> и <i>Смех в темноте</i>	11
2. Берлинская проза Владимира Набокова и анимация 1910-1920-х гг. (Владислав Старевич, Лотта Райнигер)	18
<i>Елена Денисова-Шмидт (Санкт-Галленский университет)</i>	
Вклад лингвистических дисциплин в изучение коррупции	31
1. Введение	31
2. Теория лакун	32
3. Социолингвистика	34
4. Другие теории	36
4.1. Эвфемизмы	36
4.2. Невербальная коммуникация	37
5. Языковые игры	37
6. Заключение	40
<i>Ольга Инькова (Женевский университет)</i>	
Семантика дискурсивных отношений и их синтаксическое оформление: некоторые тенденции	45
1. Введение	45
2. Логико-семантические отношения и синтаксические структуры	46
3. Логико-семантические отношения и их показатели	53
4. Заключение	56
<i>Katrin B. Karl (Universität Bern)</i>	
Variation in Narrativen von Erwachsenen mit Russisch als Herkunfts- und Deutsch als Umgebungssprache: Eine kontrastive Studie auf der Grundlage von Bildergeschichten	59
1. Einleitung	59
2. Forschungshintergrund: Terminologie	63
3. Methodisches: Design, Proband*innen und Auswertung	71
4. Analyse	73
4.1. Vorkommen von makrostrukturellen Komponenten	75
4.2. Muster der Realisierung von makrostrukturellen Komponenten	77
4.3. Tempusformen	80
4.4. Verwendung von Verweisen auf Bilder/narrative Formeln	82
4.5. Diminutiva	84

5. Zusammenführung	86
6. Fazit	89

Alexander Meienberger (Universität St. Gallen)

Krankheitsnarrative in Oksana Vasjakinas Trilogie <i>Rana, Step'</i> und <i>Roza</i>	95
1. Einleitung	95
2. Struktur und Form	96
3. Neue Sprache und Intermedialität	101
4. Krankheitsnarrative	104
4.1. Krebsnarrativ	106
4.2. HIV-Narrativ	109
4.3. Narrativ der Tuberkulose	113
4.4. Narrativ der Depression	116
5. Schlussbetrachtung	118

Sébastien Moret (Université de Lausanne)

Aurélien Sauvageot et Nikolaï Marr	123
1. Introduction	123
2. Le marxisme d'Aurélien Sauvageot	124
2.1. « Linguistique et marxisme »	
3. Conclusion	130

Екатерина Вельмезова (Лозаннский университет)

Московско-тартуская / Тартуско-московская семиотическая школа: страница истории славистики глазами современных семиотиков	133
1. О Ю.М. Лотмане: интерес к работам ученого за пределами славистики. Концепт <i>семиосферы</i>	135
2. Ю.М. Лотман и другие участники Московско-тартуской / Тартуско-московской семиотической школы	138
3. Московско-тартуская / Тартуско-московская семиотика... без Лотмана (?)	140
4. Некоторые выводы	142

Даниэль Вайс (Цюрихский университет)

<i>Какой (не)приятный сюрприз!</i> Миративные русские конструкции типа « <i>Отец взял да (и) умер</i> »: их грамматикализация в 19-ом и 20-ом вв. (на основе данных из Национального корпуса русского языка)	145
1. Введение	145
2. Этапы грамматикализации в XIX-ом веке	146
3. Дальнейшая грамматикализация в XX-ом веке	148
3.1. Отрицание второго глагола: конструкции типа <i>взять и не сделать</i>	148
3.2. Появление несовершенного вида: конструкции типа <i>брать и делать</i>	149
4. Тенденции развития за последние пятьдесят лет	150
4.1. Общая характеристика	151
4.2. Семантические инновации последних пятидесяти лет	154

Liste des illustrations / Abbildungsverzeichnis

Tableaux / Tabellen

Ольга Буренина-Петрова (Цюрихский университет)

Об анимационных источниках берлинской прозы Владимира Набокова

- Таблица 1. Фрагменты из романов Владимира Набокова
Камера обскура и *Смех в темноте*16
- Таблица 2. Принцип организации прозы в романах
Владимира Набокова *Камера обскура* и *Смех в темноте*27

Елена Денисова-Шмидт (Санкт-Галленский университет)

Вклад лингвистических дисциплин в изучение коррупции

- Таблица 1. Терминология граждан vs терминология экспертов 38
- Таблица 2. Опрос населения vs терминология экспертов 39
- Таблица 3. Ведение бизнеса в украинских компаниях 39

Katrin B. Karl (Universität Bern)

Variation in Narrativen von Erwachsenen mit Russisch als

Herkunfts- und Deutsch als Umgebungssprache: Eine kontrastive
Studie auf der Grundlage von Bildergeschichten

- Tabelle 1. Mittelwert, Standardabweichung und Spannweite der
Vorkommen der makrostrukturellen Komponenten in den
Narrativen nach Adressat und Sprachkontext76
- Tabelle 2. Verwendung von Verweisen auf Bilder bzw. narrative
Formeln, nach sprachlichem Kontext und Adressat.....83
- Tabelle 3. Vorkommen von Diminutivformen in den
russischsprachigen Narrativen85

Даниэль Вайс (Цюрихский университет)

Какой (не)приятный сюрприз! Миративные русские конструкции типа
«*Отец взял да (и) умер*»: их грамматикализация в 19-ом и 20-ом вв.
(на основе данных из Национального корпуса русского языка)

- Таблица 1. Развитие всех миративных конструкций в XIX-ом
веке по данным НКРЯ, из работы Д. Вайса147
- Таблица 2. Миративные конструкции со значением конца и
начала по данным НКРЯ (1964–2016)163

Figures et graphiques / Abbildungen

Ольга Инькова (Женевский университет)

Семантика дискурсивных отношений и их синтаксическое оформление: некоторые тенденции

Рисунок 1.	Схемы отношений в Теории риторической структуры.....	47
График 1.	ЛСО с предикативными и непредикативными фрагментами текста.....	49
График 2.	ЛСО на стыке самостоятельных предложений.....	51
График 3.	Синтаксические структуры для ЛСО одновременности и контактного предшествования	52
График 4.	Синтаксические структуры для ЛСО сопутствования	53

Katrin B. Karl (Universität Bern)

Variation in Narrativen von Erwachsenen mit Russisch als
Herkunfts- und Deutsch als Umgebungssprache: Eine kontrastive
Studie auf der Grundlage von Bildergeschichten

Diagramm 1.	Vorkommen der makrostrukturellen Komponenten in allen Narrativen adressiert an Erwachsene, sortiert nach sprachlichem Kontext, Kategorien und Episoden	78
Diagramm 2.	Vorkommen der makrostrukturellen Komponenten in allen Narrativen adressiert an Kinder, sortiert nach sprachlichem Kontext, Kategorien und Episoden	78
Diagramm 3.	Überwiegend verwendete Tempusformen, sortiert nach sprachlichem Kontext und Adressat	81

О сборнике работ швейцарских славистов

Сборник, который читатель держит в руках, – особый, хотя бы потому, что готовился он в той особой и трагической ситуации, о которой еще несколько лет назад мы не могли и подумать. XVII-ый Международный съезд славистов должен был состояться в Париже летом 2023 года; после долгих дискуссий, споров, сомнений, отсрочек и непростых решений съезд действительно состоится в Париже, но в 2025 году. За время, прошедшее после предыдущего съезда славистов, который был организован в 2018 году в Белграде, ситуация в славистике – как и ситуация в мире в целом – действительно сильно изменилась, что отчасти отразилось и на работе по составлению и подготовке этого сборника. Это книга меньшего объема, по сравнению с изданиями прошлых лет в ней представлено не так много статей – однако тем более ценно то, что сборник работ швейцарских славистов к парижскому («экстраординарному») съезду 2025 года все-таки выходит.

В книгу включены работы исследователей из пяти швейцарских университетов (Цюриха, Санкт-Галлена, Берна, Женевы и Лозанны), в которых преподается славистика. Все их авторы входят в Швейцарское Академическое Общество по изучению Восточной Европы (ШАОВЕ), и большинство из них примут участие в парижском съезде. Тематика этого сборника, конечно, лишь отчасти отражает то разнообразие славистических исследований, которые ведутся в Швейцарии в настоящее время. Тем не менее, определенное представление о сегодняшней швейцарской славистике сборник, конечно, дает: опубликованные в нем статьи посвящены анализу языковых фактов и литературных текстов, культурологии и истории идей. Кроме того, некоторые статьи отражают общий междисциплинарный характер славистики в самом замечательном его понимании, именно поэтому – как и в предыдущих швейцарских славистических сборниках – в этой книге мы не группировали статьи по славистическим поддисциплинам (литературоведение, лингвистика, история науки...): статьи в сборнике расположены в алфавитном порядке в соответствии с написанием фамилий авторов латиницей.

Как сможет убедиться читатель, академические традиции швейцарской славистики, конечно, не прерываются, славянские языки и литературы, история славистики и другие смежные славистические дисциплины по-прежнему преподаются в швейцарских университетах. И всё же – все мы надеемся, что и подготовка к следующим славистическим съездам, и организация публикаций к ним будут проходить уже в совсем иной обстановке, мирной и спокойной.

Благодарю за помощь в подготовке этого сборника своих коллег Арианну Салливэн, Ульриха Шмида, Сильвию Зассе, Ольгу Буренину-Петрову, Себастьяна Морэ и Александра Маенбергера.

Екатерина Вельмезова

Ольга Буренина-Петрова (Цюрихский университет)

Об анимационных источниках берлинской прозы Владимира Набокова

Abstract:

This work examines Vladimir Nabokov's interest in early experiments in animation, in particular in the puppet cartoons of the French-Russian filmmaker Władysław Starewicz and in the silhouette animation of the German filmmaker Lotte Reiniger. The text demonstrates not only that a number of animation sources can be found in Nabokov's Berlin prose, but also that a special optics of "microvision", of "wandering" vision, begins to form in this work thanks to techniques Nabokov borrowed from animation. This specific quality of the text would later contribute to the evolution of Nabokov's prose into an ornamental prose.

Keywords: Vladimir Nabokov, Władysław Starewicz, Lotte Reiniger, literature of Russians abroad, cinema, animation, film adaptation, ornamental prose

1. На перепутье двух романов. Принцип организации прозы в романах Владимира Набокова *Камера обскура* и *Смех в темноте*

Оказавшись в эмиграции, в берлинский период (1922–1937 гг.) Владимир Набоков не только часто ходил в кино, но и подрабатывал статистом на киностудии «Уфа», снявшись в целом ряде фильмов, в том числе в первой части трилогии Фрица Ланга *Доктор Мабузе*¹. В Берлине у писателя сложился широкий доступ к кинопродукции того времени, включая творчество эмигрировавших из России (не только в Германию) режиссеров – Виктора Туржанского, Александра Волкова, Михаила Чехова, Григория Хмары, Федора Оцепа, Владислава Старевича и др.² Берлинский период Набокова совпал не только с расцветом кинематографа и немецкого киноэкспрессионизма, но и с появлением в это время целого ряда важных исследований, посвященных теории и поэтике кино (среди которых работы таких авторов, как Жермен Дюлак, Луи Деллюк, Борис Эйхенбаум, Лев Кулешов). Связь Набокова с кинематографом, его умение вербализовать кинематографические эффекты, включать в ткань текстов разные киносцены и киномотивы, обыгрывать кинематографическую технику, прибегать к жанру

1 См. об этом подробно в работах Appel 1974 и Шлоттхауэр 2000.

2 Деятельности режиссеров российского кинематографа в Берлине, а также в Париже посвящен сборник Schöning (Hrsg.) 1995.

кино-романа изучены достаточно хорошо (Янгиров 2006: 399). Однако тот факт, что берлинский период Набокова совпал с эпохой развития анимации, в том числе немецкой, до сих пор оставался за пределами внимания исследователей³.

Роман *Камера обскура* был опубликован Набоковым в декабре 1933 года издательствами «Современные записки» и «Парабола» (Берлин – Париж). Первый английский перевод выполнил Уинфред Рой; в январе 1936 года этот перевод под названием *Camera obscura* напечатало лондонское издательство «John Long». Позже Набоков существенно переработал английскую версию романа. Он переводил сам, а также вносил правки в текст Уинфреда Роя. Роман под новым заглавием *Laughter in the Dark* вышел в американском издательстве «New Directions» 6 мая 1938 года. 10 ноября 1960 года тем же издательством выпущена новая редакция *Laughter in the Dark*, в которой предыдущий текст подвергся незначительной правке (Люксембург 1938 [2008: 653]).

В новой версии романа Набоков изменил имена героев, исключил некоторые элементы повествования, переписал сюжетные линии, ввел дополнительные аллюзии, заново написал главы 1, 28, 29 и 37. Включил он в новую версию и отсутствовавший в первоначальном варианте развернутый пассаж о мультипликации, который необходимо привести целиком:

Будучи художественным критиком и знатоком живописи, он часто развлекался, представляя под пейзажами и лицами, которые сам он, Альбинус, встречал в реальной жизни, подпись того или иного Старого Мастера, и тогда получалось, что жизнь его – картинная галерея, все экспонаты которой – очаровательные подделки. И вот как-то вечером, когда Альбинус надумал дать отдохнуть своему ученому уму и написать небольшое эссе (не Бог весть какое блестящее, так как человек он был умеренно даровитый) о кинематографическом искусстве, ему в голову пришла прелестная мысль.

Связана она была с цветной мультипликацией, которая только-только заявляла о себе в те годы. Как заманчиво, подумалось ему, использовать этот метод и, взяв какую-нибудь хорошо известную картину фламандской школы, сперва воспроизвести ее на экране во всем буйстве красок, а затем оживить – и тогда движения и жесты, запечатленные на полотне в статическом состоянии, разовьются в полном соответствии с законами гармонии; допустим, мы видим таверну, где мелкие людишки жадно пьют за деревянными столами, и кусочек солнечного двора, где ждут оседланные лошади, – и тут все вдруг оживает, одетый в красное старичок опускает кружку, девушка с подносом вырывается из чьих-то пытающихся ее обнять рук, а курица начинает клевать. А ведь картину можно и развивать, выведя маленькие человеческие фигурки на природу, – ландшафт кисти того же мастера, где, вероятно, как всегда, коричневое небо, и замерзший канал, и люди на причудливых коньках, которыми пользовались в те стародавние времена, выписывающие старомодные восьмерки, подсказанные полотном; или же мокрая дорога в дымке тумана и пара всадников: они возвращаются в ту же таверну и постепенно приводят за собой все фигурки и все краски, и те занимают

3 В работе «О даре “странствующего” зрения (Владислав Старевич и Владимир Набоков)» мною были намечены первые подступы к исследованию анимационных источников берлинской прозы Набокова (Буренина-Петрова 2024).

одна за другой положения, в которых находились прежде, всадники водворяют их, так сказать, по своим местам, после чего с первой картиной можно расстаться. А потом можно было бы так же испробовать итальянцев: на расстоянии виднеется голубой конус горы, вьется излучистая бело-восковая тропинка, и маленькие пилигримы взбираются вверх по ней. (Набоков 1938 [2008: 396])

Рассмотрим детально этот весьма примечательный пассаж. Главный герой романа Альбинус, размышляя о ранних опытах мультипликации, описывает приближенные к глазу крошечные фигурки людей и животных, изображенные на полотне мастера фламандской школы. В центре фрагмента, как не раз уже замечали исследователи, представлен ряд картин Питера Брейгеля Старшего, эксплицитная отсылка к которому всплывает в другом фрагменте романа, когда Аксель Рекс обращается к Альбинусу с предложением: «Почему бы не попробовать Брейгеля – скажем, его “Пословицы”» (*ibid.*: 398). Здесь Рекс имеет в виду картину Брейгеля «Нидерландские пословицы» [*Nederlandse Spreekwoorden*] (1559), изображающую дословные толкования разных голландских и фламандских пословиц. Набоков видел ее в Государственном музее Берлина.

В пассаже о мультипликации Альбинус размышляет о том, что фламандские (а вслед за ним и итальянские) мастера зачастую показывают человеческое бытие как микромир таким образом, что объект изображения соотносится с макромиром человека. И «маленькие человеческие фигурки», и «маленькие пилигримы», и даже «мелкие людишки» – не что иное, как мир людей. И на самом деле сюжеты Брейгеля, как следует из приведенного фрагмента, нетрудно перевести на язык мультипликации, поскольку мультипликатор, как и Брейгель, тяготеет к изображению микромиров и наделен «особым видением», «странствующими» глазами, необычной оптикой, подобной оптике Брейгеля: «Какую повесть можно поведать, повесть об особом видении художника, о счастливом странствии глаза и кисти, можно создать мир, соответствующий манере мастера, насыщенный тонами, которые нашел он сам!» (*ibid.*: 397). Иными словами, мастер мультипликации, вне зависимости от объекта изображения, обладает даром обостренного, подвижного, «странствующего» зрения.

Говоря о романах *Камера обскура* и *Смех в темноте*, набоковеды, как правило, придерживаются точки зрения, что это два разных романа, написанных на один сюжет, ведь их образную систему организуют различные метафоры (Кулешов 1969). Обычно во внимание принимается выдвинутое Ходасевичем предположение о том, что *Камеру обскуру* организует метафора «киноглаза» (Ходасевич 2000: 107–111).

Существует мнение, что и роман *Смех в темноте*, несмотря на отличие от его первого варианта, также организует метафора «киноглаза». Однако это не совсем так. Принцип «киноглаза», например, в понимании Дзиги Вертова, заключается в том, что глаз воспринимает видимый мир как отдельные части:

Я – киноглаз. Я – глаз механический. Я, машина, показываю вам мир таким, каким только я смогу его увидеть [...] Я в непрерывном движении, я приближаюсь и удаляюсь

от предметов, я подлезаю под них, я влезая на них, я двигаюсь рядом с мордой бегущей лошади, я бегу перед бегущими солдатами, я поднимаюсь вместе с аэропланами, я падаю и взлетаю вместе с падающими и взлетающими телами, расшифровываю поновому неизвестный вам мир. (Вертов 1966: 55, 57)

На принципе фрагментарности строил теорию киносъемки Лев Кулешов. Он писал, что подобно тому, как в литературном тексте «действие, поступки героев, мысль автора» всегда выражаются «рядом фраз», так и в кино все события разворачиваются благодаря сцеплению «монтажных фраз» (Кулешов 1969: 82).

В отличие от романа *Камера обскура*, мир которого организует фрагментарная оптика «киноглаза», роман *Смех в темноте* организован на оптике анимации, о которой не случайно сообщается на первых страницах, и раскрывается буквальное прочтение значения этого слова, берущего начало в латинском языке (*animare*) и означающего 'оживление'.

В целом речь идет об оптике микророзрения, то есть о способности видеть настолько мизерные предметы, что их трудно, а порой и совершенно невозможно разглядеть невооруженным глазом. Оптика микророзрения конструирует зону «близкого», в которой во внимание попадают невидимые или очень маленькие вещи. Оптику такого рода Михаил Ямпольский охарактеризовал как «недистанцированное», «немиметическое зрение» (Ямпольский 2001: 6). Добавлю, что в такой зоне создается ситуация непосредственно переживаемого момента. Оптика микророзрения имеет сходство и с методом «расширенного смотрения» Михаила Матюшина. В книге *Даниил Хармс и конец русского авангарда* Жан-Филипп Жаккар посвятил этому методу Матюшина отдельный подраздел. Вот что он пишет:

Матюшин, руководивший Отделением органической культуры в ГИНХУКе, работал вместе со своей группой «Зорвед» над проблемами физиологического восприятия действительности, вводя понятия «расширенное смотрение» и «затылочное восприятие мира». Матюшин предлагает смотреть на реальный мир не только посредством «центрального» зрения, с помощью которого воспринимают лишь глазами, но также и через затылок, благодаря нервной системе. Зрение в таком случае переходит от 90 к 360°, что увеличивает познавательные возможности искусства, которое, в силу того же расширенного смотрения, может быть только абстрактным, поскольку появляется целая серия дополнительных элементов (психологических, метафизических или каких-либо других), ускользающая от системы реалистического изображения. Следует понимать, что работа художника ни в какой мере не сводится к чисто механическому физиологизму, как можно было бы подумать, опираясь на некоторые методы его творчества и отдельные размышления. (Жаккар 1995: 77–78)

Жаккар ссылается на ряд работ Матюшина и, в частности, на его «Опыт художника новой меры». Кроме того, Жаккар замечает, что у Матюшина

есть очень интересная мысль о том, что история искусств показывает: человек всегда был способен увидеть лишь отдельные, изолированные части реального мира. И самое

лучшее, что он мог сделать, это копировать части, не умея соединить их в единое целое: «Живой пример постепенного расширения угла зрения от старых мастеров до настоящего времени. Самые первые изображения относятся к отдельным предметам, к зверям, к человеку, но не к пейзажу.

Глаз не охватывал и не воспринимал ничего, кроме отдельных частей». (*Ibid.*: 79)

Глаз, который «не охватывал и не воспринимал ничего, кроме отдельных частей», по сути, можно уподобить методу «киноглаза» в концепциях Ходасевича, Вертова и Кулешова.

Роман *Камера обскура* – стилизация мира немого кино, в котором царит киноглаз. На уровне формы наблюдаются фрагментарность, линейность, суженная оптика. На уровне семантики текста – авангардный принцип абсолютизации фрагмента; иллюзия охвата бытия с помощью фрагментов; сюжетный принцип организации повествования. По мнению Аппеля (Appel 1974: 262), Набоков считал этот роман своим худшим произведением, а его героев безнадежными штампами. Авторские штампы обыгрываются в первом абзаце романа *Смех в темноте*, представляющем собой краткий пересказ романа *Камера обскура*: «В Берлине, столице Германии, жил да был человек по имени Альбинус. Он был богат, добропорядочен и счастлив, в один прекрасный день он бросил жену ради юной любовницы; он любил, но не был любим, и жизнь его завершилась катастрофой» (Набоков 1938 [2008: 395]).

Смех в темноте построен на другом визуальном и структурном методе, нежели *Камера обскура*, а именно на стилизации мира кукольного и анимационного кинематографа, что существенно расширило структурные и семантические возможности романа. Методу киноглаза в этом романе противопоставлен метод «странствующего зрения». Его признаки на уровне формы – синтетичность, нелинейность и многомерность, расширенная оптика, принцип техники «стоп-моушен»⁴. Стоп-моушн – техника кино, при которой иллюзия движения создается путем съемки отдельных кадров неподвижных объектов и последующего их соединения. Чтобы создать такого рода иллюзию, с каждым кадром объект слегка перемещается. Эта кинотехника использовалась уже в первых анимационных фильмах, а также в качестве спецэффекта в фильмах других жанров. Отправной точкой всегда является стоп-фокус. Как и монтаж, стоп-моушен является не только техническим, но и творческим процессом. Однако в отличие от техники стоп-моушен, монтаж – процесс, монтирующий произведение из отдельных разрозненных фрагментов. Стоп-моушен, напротив, предполагает расширение, развитие исходного стоп-фокуса.

На уровне семантики текста оптике «странствующего зрения» свойственны: эффект микроразрения, видения «внутреннего» или «незримого»; символистский

4 В рамках данной техники были созданы многие первые кукольные мультфильмы, например *Цирк Лилипутов* режиссера Джеймса Стюарта Блэктона (1897 или 1898 г.), *Цирк Шалтая-Болтая* режиссера Артура Мельбурн-Купера (1914) и ряд других.

принцип «всё во всем»; орнаментальный тип прозы: организация прозаического текста по законам поэтического текста. Сюжет как организационная форма повествования отходит на второй план. Вместо него важны: повтор образов, лейтмотивы, ритм, метафоры и ассоциации. Композиция строится не на сюжетном принципе организации повествования, а на рифмовке образов и взаимосвязи лейтмотивов. Оптика «незримого» дополняет микроречение, давая возможность увидеть трансцендентное, то есть то, что находится «по ту сторону».

В роман *Смех в темноте* вошли именно те фрагменты из *Камеры обскуры*, которые Набоков считал синтетичными, многомерными, построенными на принципе «расширенного» зрения. Приведу пример одного из фрагментов романа *Камера обскуры*, перенесенного Набоковым в роман *Смех в темноте*.

Таблица 1. Фрагменты из романов Владимира Набокова *Камера обскуры* и *Смех в темноте*.

<i>Камера обскуры</i>	<i>Смех в темноте</i>
<p>Старуха, собирающая на пригорке ароматные травы, видела, как с разных сторон близятся к быстрому виражу автомобиль и двое велосипедистов. Из люльки яично-желтого почтового дирижабля, плывущего по голубому небу в Тулон, летчик видел петлистое шоссе, овальную тень дирижабля, скользящую по солнечным склонам, и две деревни, отстоящие друг от друга на двадцать километров. Быть может, поднявшись достаточно высоко, можно было бы увидеть зараз провансальские холмы и, скажем, Берлин, где тоже было жарко, – вся эта щека земли, от Гибралтара до Стокгольма, озарялась в этот день улыбкой прекрасной погоды. Берлин, в частности, успешно торговал мороженым; Ирма, бывало, шалела от счастья, когда уличный торговец близ белого своего лотка лопаткой намазывал на тонкую вафлю толстый, сливочного оттенка, слой, от которого сладко ныли передние зубы и начинал танцевать язык. Аннелиза, выйдя утром на балкон, заметила как раз</p>	<p>Старуха, собиравшая на пригорке ароматные травы, видела, как с разных сторон близятся к быстрому виражу автомобиль и двое велосипедистов. Из кабины почтового самолета, летящего по ослепительно голубому небу к морю, летчик видел петлистое шоссе, тень крыльев, скользящую по солнечным склонам, и две деревни, отстоящие друг от друга на двадцать километров. Быть может, поднявшись еще выше, можно было бы увидеть зараз провансальские холмы и далекий город в другой стране – скажем, Берлин, – где тоже было жарко, – вся эта щека земли, от Гибралтара до Стокгольма, окрасилась в тот день сочным солнечным светом.</p> <p>Берлин, в частности, успешно торговал мороженым. Ирма, бывало, шалела, жадно преисполняясь предвкушением счастья, когда уличный торговец намазывал на тонкую вафлю толстый, сливочного оттенка слой, от которого начинал танцевать язык и сладко ныли передние зубы. Элизабет, выйдя утром</p>

<i>Камера обскура</i>	<i>Смех в темноте</i>
<p>такого мороженника, и странно было, что он – весь в белом, а она – вся в черном. В то утро она проснулась с чувством сильнейшего беспокойства и теперь, стоя на балконе, спохватилась, что впервые вышла из состояния матового оцепенения, к которому за последнее время привыкла, но сама не могла понять, чем нынче так странно взволнована. Она вспомнила вчерашний день, совершенно обыкновенный – деловитую поездку на кладбище, пчел, садившихся на цветы, которые она привезла, влажное поблескивание буковой ограды, ветерок, тишину, мягкую зелень. «Так в чем же дело? – спросила она себя. – Как это странно». С балкона был виден мороженник в белом колпаке. Солнце ярко освещало крыши – в Берлине, в Париже и дальше, на юге. Желтый дирижабль плыл в Тулон. Старуха собирала над обрывом ароматные травы; рассказов хватит на целый год: «Я видела... Я видела...» (Набоков 1933 [2006: 364])</p>	<p>на балкон, заметила как раз такого мороженщика, и странно было, что он – весь в белом, а она – вся в черном.</p> <p>В это утро она проснулась с чувством сильнейшего беспокойства и теперь спохватилась, что впервые вышла из состояния матового оцепенения, к которому за последнее время привыкла, но сама не могла понять, чем нынче так странно взволнована. Стоя на балконе, она вспомнила вчерашний день, совершенно обыкновенный – деловую поездку на кладбище, пчел, садившихся на цветы, которые она привезла, влажное поблескивание ограды вокруг могилы, тишину, мокрую землю.</p> <p>«Так в чем же дело? – спросила она себя. – Почему мне сегодня не по себе?»</p> <p>С балкона был виден мороженник в белом колпаке. Балкон, казалось, взмывал все выше и выше. Солнце ярко освещало крыши – в Берлине, Брюсселе, Париже и дальше, на юге. Почтовый самолет летел в Сент-Кассьен. Старуха собирала над обрывом ароматные травы. Потом по меньшей мере год она будет рассказывать, как она увидела... такое увидела... (Набоков 1938 [2008: 532–533])</p>

Как видим, фрагмент из романа *Смех в темноте* дополнен не только делением текста на абзацы, но целым рядом отсутствующих в *Камере обскуре* деталей, расширяющих взгляд на происходящее. Подобное расширение можно сопоставить с «матрешечным» принципом организации прозы Набокова, подробно описанным Сергеем Давыдовым в работе «“Тексты-матрешки” Владимира Набокова»:

Литературное произведение, которое содержит один или несколько написанных героем текстов, я предлагаю называть «текст-матрешка», по аналогии с куклой-матрешкой. «Внешний» авторский текст соответствует внешней кукле, в то время как «внутренний» текст героя, вошедший в авторский текст, соответствует внутренней кукле (или куклам, если текстов несколько). В своем творчестве Набоков тяготеет именно к такому типу текста. (Давыдов 2004: 6–7)

Теория Давыдова о «матрешечном» принципе построения прозы Набокова сопоставима с полифонией Михаила Бахтина:

«Текст-матрешка» дает писателю возможность двупланного построения текста, причем планы «внешнего» и «внутреннего» текстов развиваются совместно и синхронно, перекрывая друг друга, как на дважды экспонированной фотографии. В «текстах-матрешках», как правило, выступают два автора, два рассказчика. Первый из них, автор «внешнего» текста, сам автор, второй, автор «внутреннего» текста, – герой-писатель.

Сосуществование в тексте двух авторов и их произведений принимает в «текстах-матрешках» разные виды: от полного антагонизма (как в рассказе «Уста к устам» или в романе «Отчаяние») до полного слияния двух голосов, двух текстов. В случае разногласия между словом героя и словом автора, между «внутренним» текстом героя и «внешним» текстом автора – текст героя, прочитанный на контрастном фоне авторского текста, воспринимается читателем как «чужое слово», как «чужой текст». (*Ibid.*: 8–9)

Давыдов пишет о том, что «микроформой отдельных внутренних кукол матрешки определяется макроформа внешней куклы», и замечает, что «во всех “внутренних” текстах Набоков старается разомкнуть созданный ими круг» (*ibid.*: 137).

Камера обскура – еще не роман-«матрешка». Он строится на монтажном методе «киноглаза», главными принципами которого являются фрагментарность, линейность и суженная оптика. Набоков обыгрывает в этом романе авангардный принцип абсолютизации фрагмента, иллюзию охвата бытия с помощью фрагментов, он склонен к сюжетному принципу организации повествования.

В отличие от романа *Камера обскура*, *Смех в темноте* строится на методе кукольно-анимационного «странствующего» зрения, для которого характерны синтетичность, нелинейность, многомерность, расширенная оптика. Набоков прибегает к эффектам микрозрения, видения «внутреннего» или «незримого», тяготеет к символистскому принципу «всё во всем» и, как следствие, орнаментальному типу прозы, организованному по законам поэтического текста.

2. Берлинская проза Владимира Набокова и анимация 1910-1920-х гг. (Владислав Старевич, Лотта Райнигер)

Именно поэтому техника мультипликации описана Набоковым в романе *Смех в темноте* с энтомологической скрупулезностью. По сути, Набоков проводит параллель между энтомологией с ее точностью описания деталей и мультипликацией с ее фиксацией на микромирах. Богатство морфологических

форм органов зрения у насекомых – образец идеального «глаза», позволяющего перекодировать мир насекомых в мир человека и наоборот.

Мультипликатор, в совершенстве владеющий спецификой художественных приемов минимализации и децентрации образа, как правило, прибегает и к приемам так называемого «фасеточного» зрения, влияющим, к примеру, на восприятие цвета, формы, расстояния, движения. Фасеточные глаза способны видеть то, что не может видеть человек. Увидеть невидимое – одна из задач искусства. Поэтому мультипликатор представляется не только Альбинусу, но и самому Набокову идеальным художником, наделенным идеальным (особым) зрением, сходным со зрением насекомых. При этом для Набокова таким зрением обладает не только насекомое, но и сам исследователь-энтомолог.

Интерес Набокова к энтомологии и, в частности, к лепидоптерологии, проявился, по его воспоминаниям, очень рано⁵. Данный интерес окреп не в последнюю очередь благодаря детским художественным впечатлениям Набокова от фильма 1907 года *Золотой жук* (*Le scarabée d'or*) Фернана Зекки и Сегундо де Шомона. Фильм был выпущен на студии «Пате». По замечанию Л.Д. Бугаевой, золотой жук из этого фильма считается одним из первых насекомых на экране (Бугаева 2011). Премьера состоялась во Франции в 1907 году. Затем фильм был показан в других странах, включая Россию. Как пишет Жоэль Шапрон, у фирмы «Пате» «на пике ее деятельности имелось в царской России целых семь филиалов. Французские кинодеятели были в таком почете, что в 1913 году, к 300-летию юбилею династии Романовых, царь Николай II подарил французскому директору компании братьев Пате золотой портсигар с рельефным изображением двуглавого орла. На этот факт также указал Жоэль Шапрон, писавший и о большой популярности французского кинематографа в России конца 19 – начала 20 века (Шапрон 2021). Примечательно, что именно на киностудии «Пате» были произведены самые первые в мире эксперименты по микросъемке. С.В. Комаров в *Истории зарубежного кино* писал о том, что Жорж Коммандон, возглавлявший на этой киностудии отдел научной съемки, снимал разные явления природы через микроскоп (Комаров 1965: 25).

5 К 1908-му году Набоков «совершенно овладел европейской лепидоптерой», а к 1910-му «грезил наяву над страницами первого тома изумительно иллюстрированного труда Зайтца “Die Gross-Schmetterlinge der Erde”» и «запоем читал энтомологические журналы» (Набоков 1928 [2004: 419]). Конечно, мотив насекомых, игравший важную роль в литературном творчестве Набокова, восходит не только к энтомологическим источникам, но и к мотивам насекомых в разных мифопоэтических и литературных традициях. Научная литература, посвященная интересу Набокова к изучению насекомых, а также энтомологическим мотивам в его творчестве, довольно объемна, поэтому затруднительно перечислить все интересные исследования. Упомяну лишь некоторые из них: Джонсон 2011; Степанова 2020: 86-94.

В трехминутном цветном фильме *Золотой жук*, имевшем весьма отдаленную связь с одноименной повестью Эдгара По, старик-алхимик находит большого золотого жука и, совершая магический обряд, бросает его в котел с огнем. Но жук мистическим образом превращается в шестикрылую женщину, обладающую сходством одновременно и с бабочкой, и со стрекозой, а огненное пламя трансформируется сначала в разноцветные струи фонтана, а затем в фейерверк, разбрасывающий искры золотых монет. Кажется бы, цель достигнута. Огонь, вода, земля, воздух, участвуя в акте тетрасоматы, превращают inferнальное насекомое в золото. Однако через несколько мгновений загадочная женщина-насекомое появляется в огненном колесе, при этом пурпурное колесо похоже на глаз, а сама девушка – на зрачок. Золото, вызвавшее восторг алхимика, исчезло. В порыве жадности алхимик утратил главную цель – поиск философского камня, символизирующего трансмутацию низшей, животной, природы человека в высшую, божественную. Женщина-насекомое с помощью своей свиты бросает алхимика в огненный котел, лишая его не только жизни, но и столь важного для философии алхимии духовного освобождения.

Эту короткую киноленту можно рассматривать не только как эксперимент по монтажу кадров, взятых из кино и мультипликации, но и как отказ от оптики игрового кино в пользу особой оптики микророзрения, характерной для мультипликации. Фильм не был бы так примечателен, не будь в нем монтажа игрового кино с кукольной мультипликацией.

После Фернана Зекки и Сегундо де Шомона к съемкам фильмов о насекомых и «с участием» насекомых приступил Владислав Старевич, российский режиссер кукольной анимации польского происхождения. Начиная с 1909 года фильмы Владислава Старевича один за другим стали появляться на экранах петербургских кинотеатров, располагавшихся в то время главным образом на Невском и Большом проспектах, а также на Садовой улице. Мультифильмы Старевича могли привлечь внимание юного Набокова еще и потому, что Старевич создавал своих кукольных героев не из искусственных материалов, а работал с засушенными насекомыми, делая их подвижными с помощью разного рода проволочек. Так, например, в лапки засушенных жуков он вставлял проволоку, а суставы смазывал воском, поэтому получил возможность фиксировать и в то же время изменять позы этих насекомых.

Примечательно, что Старевич, подобно Набокову, с детства увлекался энтомологией, читал специальную литературу, позже вел переписку с энтомологами, обменивался с ними редкими экземплярами насекомых. Описывая раннюю привязанность Старевича к животному миру, Ирина Багратион-Мухранели сообщает, что «в доме его родственников Легоцких было полно всяческой живности – зверей, птиц. Жил скворец, для которого дед Старевича насвистывал бравурную мелодию, а по вечерам играл на флейте вальс Шопена, жил тетерев, который любил, чтобы ему аккомпанировала на фортепьяно сорока...» (Багратион-Мухранели 1999: 56).

Нетрудно перечислить список мультфильмов Старевича, которые могли быть знакомы Набокову. Это: *Жизнь стрекоз*, *Жуки-скарабеи* (оба – 1909 года), *Licapus Cervus* (*Жук-олень*), *Развитие головастика* (оба – 1910 года), *Прекрасная Люканида*, или *Война рогачей с усачами*, *Месть кинематографического оператора*, *Авиационная неделя насекомых*, *Рождество у обитателей леса* (все – 1912 года), *Стрекоза и муравей*, *Четыре черта*, *Петух и Пегас*, *Веселые сценки из жизни животных* (все – 1913 года) и *Лилия Бельгии* (1915 г.)⁶. При этом *Жизнь стрекоз*, *Жуки-скарабеи* (1909), *Licapus Cervus* и *Развитие головастика* представляли собой короткие документальные киноленты. Р.М. Янгиров писал о том, что фильм *Стрекоза и Муравей*, показанный при дворе Николая II, так всем понравился, что в дворцовой фильмотеке оставили его копию и затем часто демонстрировали детям императорского семейства (Янгиров 1999). Этот мультфильм пользовался большой популярностью и в массовом кинопрокате, во многом благодаря рекламе, опубликованной в журнале *Вестник кинематографии* (1913, № 2). В рекламной информации сообщалось о том, что акционерное общество Александра Ханжонкова «А. Ханжонков и К^о» преподнесло цесаревичу Алексею кинокартину *Стрекоза и муравей* и что она «удостоилась Высочайшей благодарности». В отличие от опубликованного годом ранее в том же *Вестнике кинематографии* (1912, № 30) рекламного плаката к фильму *Прекрасная Люканида, или Война рогачей с усачами*, сопровождавшегося несколькими кинокадрами, в рекламе к фильму *Стрекоза и муравей* иллюстрации отсутствовали. «Благодарность» цесаревича Алексея, по мнению авторов текста, уже сама по себе должна была заинтересовать читателей журнала.

Другие фильмы Старевича Набоков мог смотреть, уже находясь в Берлине (*Муравей и кузнецик*, *Королева бабочек* [оба – 1927 года] и др.). По приглашению фирмы «Икарус-фильм», Старевич уехал из России в том же, что и Набоков, 1919 году – сначала в Италию, а затем во Францию, где снял около тридцати художественных фильмов и двадцати рекламных киноминиатюр. В 1920–1930-х гг. кукольные фильмы Старевича с успехом шли в кинотеатрах Берлина. Но, между прочим, и ранние фильмы Старевича с успехом показывали в кинотеатрах Европы еще в дореволюционный период. Кукольная кинокартина Старевича *Рождество обитателей леса* была, к примеру, охарактеризована в *Вестнике кинематографии* (1912, № 54) как «прошедшая за границей в колоссальном тираже» (Иванова, Мыльникова, Сковородникова, Цивьян, Янгиров 2002: 123).

Набоков, будучи приобщенным в Берлине к событиям киномира, наверняка знал о том, что экранизация Старевичем басни Жана де Лафонтена *Как*

6 Не все фильмы Старевича с героями-насекомыми сохранились. Среди утраченных – самые ранние ленты 1909–1910 гг.: *Жизнь стрекоз*, *Жуки-скарабеи*, *Licapus Cervus*, *Развитие головастика*, а также фильмы 1912–1913 гг.: *Авиационная неделя насекомых*, *Четыре черта*, *Петух и Пегас*.

лягушки выпросили себе короля (*Les grenouilles qui demandent un roi*, 1922), а также Голос соловья (*La Voix du Rossignol*, 1923) были удостоены высшей кинематографической награды того времени – золотой медали Розенфельда.

Набоков и Старевич не были лично знакомы. Старевич впервые ненадолго приехал в Берлин вместе со своей супругой Анной Циммерман в 1937 году. Его фильм *Рейнеке-лис* приобрела и озвучила киностудия «Уфа», и организовала в Берлине 3 октября 1937 года премьеру этой ленты. Набоков покинул Берлин и отправился в Брюссель и Париж еще в январе 1937 года с тем, чтобы участвовать в презентации книг, вышедших в переводах на французский язык. В Германию он так больше и не вернулся, однако нет сомнений в том, что новости берлинской киножизни продолжали его интересовать. Успех мультипликационной ленты в Германии был настолько огромным, что не мог пройти незамеченным для Набокова. В сущности, сходящие у Набокова с полотен картин фигурки людей и животных повторяют некоторые действия героев, показанных в первых кадрах *Рейнеке-Лиса*, где на глазах у зрителей обезьянка листает огромную книгу сказок, со страниц которой, отделяясь от своих графических изображений, сходят куклы животных. Последним оказывается сам Рейнеке-лис. Он протыкает страницу острой лисьей мордочкой. Возникает впечатление, что за всеми последующими событиями, происходящими в мире животных и людей, зритель наблюдает сквозь отверстие, проделанное Рейнеке-лисом в книжном листе. Более того, Старевич изображает книгу сказок как энтомологическую коллекцию. Кукольные животные (курица и петух, заяц, собаки, волки, барсук и лис) напоминают собрание насекомых, словно отобранных, засушенных и наколотых энтомологической булавкой на специальные листы. Обезьянка, выступающая посредником между аниматором и кукольными героями, отменяет «условную природу» всех персонажей. Куклы, по замечанию Багратион-Мухранели, покинув пространство книги, «должны были убедить зрителя в своей подлинной природной естественности» (Багратион-Мухранели 1999: 58). Фигура обезьянки – шуточный отклик Старевича на события знаменитого «обезьяньего процесса» по делу школьного учителя Джона Скоупса, обвинявшегося в преподавании теории эволюции Дарвина. Судебный процесс проходил в 1925–1926 гг. в уголовном суде штата Теннесси в городе Дейто и сказался негативным образом на судьбе Скоупса, поскольку в дальнейшем его образ высмеивался многими карикатуристами и мультипликаторами.

Старевич делает обезьянку соавтором мультфильма. Хотя появлением и исчезновением обезьянки и управляла «рука творца», то есть аниматора, однако отнюдь не эта рука, а лапки обезьянки вращали волшебный фонарь и открывали книгу. Старевич подсмеивается здесь как над дарвинистами, так и над креационистами. Упрощенность одних и прямолинейность других перечеркиваются волшебной силой природы.

В работе над созданием своих кукольных киногероев Старевич отвергал также и дарвиновское объяснение миметизма насекомых. Дарвин утверждал, что насекомые, преодолев в борьбе за выживание несколько стадий переходных

форм и наследственных вариаций, со временем обрели способность подражать объектам органического и неорганического мира. Таким образом, мимикрия, согласно Дарвину, – это и есть результат приспособления насекомых к внешнему миру с помощью маскировочной окраски, трансформации формы и разного рода других защитных адаптаций, скрывающих их от «постороннего» глаза в разводах древесной коры и сплетении ветвей, в красках листьев, цветов, мхов, лишайников и орнаментах природных ландшафтов.

Для Старевича, напротив, мимикрия насекомых – всецело область эстетического. Красота не может быть детерминирована. Насекомое – часть красоты природы. На одном из ранних рисунков Старевича «Ковенская авиация. Изобретение веселых юношей», опубликованном в журнале *Ковенское зеркало*, несмотря на метафорику темы, муха изображена без антропоморфных черт⁷. Хотя перед нами карикатура, насекомое сохраняет на рисунке сходство со своими собратьями и выглядит намного симпатичнее, чем терзающие ее юноши (между прочим, свои первые рисунки Старевич подписывал псевдонимом «Мухобой»).

Как и Старевич, Набоков считал, что мимикрия имеет исключительно эстетическое объяснение. Рассуждая о красоте окраски, строения поверхности и движений насекомых, он писал:

«Естественный подбор» в дарвиновском смысле не может служить объяснением чудотворного совпадения внешнего и раздражительного поведения; с другой же стороны, и к «борьбе за существование» апеллировать невозможно, когда защитная уловка доводится до такой точки миметической изощренности, изобильности и роскоши, которая находится далеко за пределами того, что способен оценить мозг врага. (Набоков 1951 [1999: 421])⁸

Старевич эстетизирует насекомых, никогда, однако, не уподобляя их человеку. Михаил Ямпольский предположил, что предтечей образов насекомых у Старевича могли стать гравюры художника Жана Гранвиля из сборника *Сцены из общественной и частной жизни животных. Наблюдения за современными нравами*, составленного из произведений известных французских писателей Жорж Санд, Оноре де Бальзака, Шарля Нодье и др. (Ямпольский 1988). Такое влияние представляется возможным еще и потому, что для миропонимания великого мультипликатора насекомые – такое же произведение искусства, как сама природа или полотно художника. Не случайно в кадрах мультфильма *Лилия*

7 О карикатурах Старевича писал Юрий Михайлин в статье «Мухобой и черти – Неизвестные рисунки Владислава Старевича». Михайлин отмечает, что Старевич, будучи гимназистом, выпускал в Юрьеве (Тарту) вместе со своими товарищами самодельный юмористический журнал, а позже, уже в Ковно (Каунасе), помимо работы в журнале *Ковенское зеркало*, издавал самодельный журнал *Оса* (Михайлин 2020).

8 Об отношении Набокова к теории Дарвина подробно писал В.Е. Александров (Александров 2001).

Бельгии старец восседает на фоне гербариев, а на заднем плане виден шкафчик с энтомологическими коробками. Скорее всего, элементы интерьера – отнюдь не декорации, а часть коллекции бабочек, жуков и других насекомых, которую к тому времени успел собрать Старевич. Приведенный пример указывает на характерное для режиссера доминирование эстетического критерия: коллекция насекомых уравнивается с картиной и, тем самым, обретает не столько научное или коммерческое значение, сколько эстетическую ценность. Кстати, книга о бабочках, подаренная Набокову дядей Василием Рукавишниковым, выглядит на фотографии 1907 года (Выра, 1907 г.) как альбом по искусству, а не энтомологический труд. Книга красива сама по себе.

Культ красоты насекомых, легший в основу кинематографической эстетики Старевича, а также прием «странствующего» зрения (всё во всем) и микрозрения восхищали Александра Куприна, искавшего в кинематографе новаторские формы эстетического восприятия⁹. Свой очерк, посвященный мастеру мультипликации, Куприн озаглавил «Добрый волшебник». По Куприну, чудеса, творимые мультипликатором, восходят к оптике детского видения: ребенок воспринимает сказочный мир не как удаленное, отчужденное, несуществующее пространство, а как неотъемлемую часть своего бытия, мир близкого:

Когда же [...] пьеса готова и ее показывают на экране, то с удивлением видишь, как разрешилось вдруг колдовство, тяготевшее над уснувшими героями г. Старевича, и как они, внезапно пробудившись, зажили той таинственной чудной сказочной жизнью, которую мы в раннем детском возрасте так близко, так ярко знали и чувствовали у Перро, и Андерсена, и Мамина-Сибиряка. (Куприн 1928 [2015: 435])

Трудно сказать, был ли знаком писателю тот факт, что в ранних документальных киноопытах Старевич снимал живых насекомых, терпя при этом неудачу: насекомые реагировали разным образом на звук и свет и, тем самым, постоянно мешали ходу съемки. Отказавшись от первоначальных замыслов запечатлеть жизнь и развитие стрекозы рода *Libellula* или стадии развития молодых головастиков, Старевич обратился к объемной мультипликации и, как было сказано выше, стал использовать муляжи насекомых из своей коллекции, «оживляя» их с помощью искусства кино. Во всяком случае, говоря о «пробуждении» героев Старевича, Куприн точно имел в виду технические открытия режиссера.

С очерком Куприна, впервые опубликованным в парижском журнале *Театр и жизнь* (1928, № 1), Набоков был, безусловно, знаком. Встретившись с Куприным только в 1930-е годы и не зная писателя лично, Набоков всегда тепло отзывался о его творчестве, следил за новыми публикациями, поэтому не мог не обратить внимания на восторженную заметку Куприна о творчестве Старевича.

Проза Набокова, в особенности берлинского периода, содержит многочисленные аллюзии на фильмы Старевича, во-первых, на сюжетном

9 Об интересе Куприна к киноискусству подробнее см. Хеллман 2013.

уровне. Сюжеты кукольных лент Старевича, часто пародирующие бульварную беллетристику того времени, можно рассматривать в качестве анимационных киноисточников целого ряда произведений Набокова. Так, любовный треугольник – Курт Драйер, его красавица-жена Марта и ее возлюбленный Франц из романа *Король, дама, валет* – отсылает к образам из фильма *Прекрасная Люканида, или Война рогачей с усачами*, в котором граф Герос влюбляется в жену короля Цервуса Люканиду. В *Машеньке, Камере обскуре* и *Соглядатае* Набокова варьируются сцены и сюжетные коллизии из *Мести кинематографического оператора* Старевича, где отношения главных героев – господина Жукова и его жены (жуки-олени), художника Усачини (жук-усач), оператора Кузнечика и стрекозы-танцовщицы Либель – выстраиваются в поистине детективную историю любовных треугольников, подобную, к примеру, взаимоотношениям Кречмара, Магды, Горна. Через огромную замочную скважину Кузнечик снимает на камеру любовные сцены Жукова и балерины, а затем устраивает показ своего фильма, на котором присутствуют Жуков с супругой. Кинокамера Кузнечика – живая метафора энтомологического микрозрения: зритель получает возможность увидеть не просто мизерные предметы, но и то, что скрыто за дверью.

Во-вторых, Набоков постоянно обыгрывает тему «умерщвления» / «оживления» насекомых, например, в романе *Смех в темноте* вводится подробное описание кузнечиков, попавших в мотор автомобиля.

В рассказе *Венецианка* Симпсон переходит из реального мира на полотно картины. При этом он ощущает, что не может дышать, повернуть шею и чувствует, что «увяз, как муха в меду» и «как кровь его и плоть и платье превращаются в краску, вырастают в лак, сохнут на полотне» (Набоков 1924, 1995 [1999: 105]). Набоков описывает происходящее таким образом, словно рисует процесс усыпления, засушивания и накалывания насекомого энтомологической булавкой на поверхность листа. Холст картины превращается в энтомологический лист, а Симпсон загадочным образом вырастает в полотнолист так, что его странная фигура похожа сразу и на несовершенный портрет, и на жука из энтомологической коллекции: «Это был отличный, хотя и наскоро сделанный портрет Симпсона. Тощий, в черном жакете, резко выступавшем на более светлом фоне, странно вывернув ноги, он протягивал руки, как будто в мольбе, и бледное лицо его было искажено жалким и безумным выражением» (*ibid.*: 106).

В конце концов, садовник находит Симпсона в черном одеянии, «лежавшим ничком на мураве» (*ibid.*: 107). Герой сохраняет связь с миром насекомых, но к нему возвращаются и антропоморфные свойства: «двинул рукой и повернулся», «встал на ноги» (*ibid.*). Пильграм, из одноименного рассказа Набокова, практически неотделим от экземпляров своей коллекции, а его движения похожи на язык тела экранных насекомых Старевича. В романе *Король, дама, валет* Набоков описывает жука-адмирала, сохраняющего связь с миром людей «в цилиндрах» и миром насекомых:

Прошли два господина в цилиндрах; цилиндры, как пробки на воде, проплыли над оградой. Совершенно непонятно, почему они в цилиндрах. И потом, откуда ни возьмись, скользнул над террасой вялый облетевший адмирал, опустился на край столика, раскрыл бархатные крылья и медленно ими задвигал, как будто задышал. Малиновые полоски вылиняли, бахрома изорвалась, но он был еще так нежен, так наряжен... (Набоков 1928 [2004: 158–159])

В финале романа *Король, дама, валет* Франц воспринимает действительность под знаком инсектного кода: «На рассвете он почему-то оказался стоящим на каком-то мосту. На столбе, подле спасательного круга, были пожелтевшие иллюстрации под стеклом. Усатый мужчина в штанах и жилете плывет, держа под мышку другого усача» (*ibid.*: 302–303). Усатый мужчина в описании Набокова похож и на человека, и на представителя семейства жуков-усачей.

Следует добавить, что, интересуясь анимационной оптикой Старевича, Набоков не мог не обратить внимания и на анимационные эксперименты Лотты Райнигер, которая еще в 1916 году начала сотрудничать с режиссером Паулем Вегенером, одним из основоположников немецкого киноэкспрессионизма, и смастерила для его фильма *Свадьба Рюбецаля* (1916) красивые силуэтные титры. С 1919 года Райнигер приступила к съемкам собственных фильмов, первым из которых стал *Орнамент влюбленного сердца* (1919). С 1920 по 1924 год она сняла несколько рекламных короткометражных силуэтных фильмов. Все они демонстрировались в кинотеатрах «Уфа» почти год и, конечно, Набоков был с ними знаком. Кроме того, в 1923 году Райнигер сняла эпизод «Сон сокола» для фильма Фрица Ланга *Нибелунги* (в фильм, однако, не включенный). В 1926 году ею была снята анимационная кинолента *Приключения принца Ахмеда*, премьера которой состоялась в берлинском кинотеатре «Глория-Паласт»¹⁰. Успех этого фильма был ошеломляющим.

Произведения Набокова берлинского периода содержат целый ряд сюжетных аллюзий и на фильмы Райнигер, анализ которых требует отдельного исследования. Намного важнее другое: принцип «незримого» и орнаментальность техники Райнигер отразились на орнаментальности прозы Набокова, которая начинает развиваться именно в берлинский период и достигает своего пика в более позднее время¹¹. Литературный критик, современник Набокова Георгий Адамович в книге *Одиночество и свобода* написал, что в набоковском романе *Отчаяние* «по самому замыслу все двойится и отбрасывает фантастически-зловещие тени» (Адамович 1955: 214). На первый взгляд, он раскритиковал Набокова за то, что ему «недостает ощущения разницы между организмом и вещью, у него как будто нет животворящей влаги в образах» (*ibid.*). Однако на самом деле Адамович сделал Набокову комплимент, охарактеризовав его художественную оптику как оптику театра теней, что по сути является признаком близкой символизму

10 Подробно об этом фильме см. в сборнике Biberstein (ed.) 2022.

11 Об орнаментальной прозе Набокова писала Мария Медарич в работе Медарич 2000.

орнаментальной прозы¹² и сопоставимо с силуэтной мультипликацией Лотты Райнигер.

Владимир Вейдле, говоря о романах берлинского периода (*Отчаяние*, *Защита Лужина*, *Приглашение на казнь*) и указывая на их символистский подтекст, также подметил сходство произведений Набокова с театром теней:

Внимание Сирина не столько обращено на окружающий его мир, сколько на собственное «я», обреченное, в силу творческого призвания своего, отражать образы, видения или призраки этого мира. Бессознательные или осознанные мучения этого «я», какое-то беспомощное всемогущество его, непрощенная власть над вещами и людьми, которые на самом деле совсем не вещи и не люди, а лишь порождения его собственного произвола, от которых ему тем не менее некуда бежать. (Вейдле 1936: 185–186)

Оптика театра теней и орнаментальность силуэтной мультипликации Райнигер дополнила в берлинской прозе Набокова игру с эстетикой символизма. И конечно, не авангардный «киноглаз», а почерпнутое, с одной стороны, из символизма, а с другой стороны, из искусства кукольно-анимационной мультипликации (прежде всего, у Старевича и Райнигер) «странствующее», «расширенное» микрозрение с его нелинейностью и многомерностью подтолкнуло Набокова к орнаментальному типу прозы, то есть к «театру теней» – вместо сюжета.

Таблица 2. Принцип организации прозы в романах Владимира Набокова *Камера обскура* и *Смех в темноте*.

<i>Камера обскура</i> : метод «киноглаза» (монтаж) (Дзига Вертов, Лев Кулешов и др.)		
фрагментарность	линейность	суженная оптика
<ul style="list-style-type: none"> • Авангардный принцип абсолютизации фрагмента • Иллюзия охвата бытия с помощью фрагментов • Сюжетный принцип организации повествования 		
<i>Смех в темноте</i> : метод кукольно-анимационного «странствующего» зрения (стоп-моушен) (Владислав Старевич и Лотта Райнигер)		
синтетичность	нелинейность, многомерность	расширенная оптика
<ul style="list-style-type: none"> • Эффект микрозрения, видения «внутреннего» или «незримого» • Символистский принцип «всё во всем» • Орнаментальный тип прозы: организация прозаического текста по законам поэтического текста. Сюжет как организационная форма повествования отходит на второй план. Вместо него важны: повтор образов, лейтмотивы, ритм, метафоры и ассоциации. Композиция строится не на сюжетном принципе организации повествования, а на рифмовке образов и взаимосвязи лейтмотивов (ср. «тексты-матрешки») 		

12 О символистских источниках в творчестве Набокова см., например: Aleksandrov 1995a; 1995b; Буренина-Петрова 2000.

Библиография

- АДАМОВИЧ Г., 1955: *Одиночество и свобода*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова
- АЛЕКСАНДРОВ В.Е., 2001: «К вопросу об антидарвинизме Набокова, или Почему в “Даре” обезьяны питаются бабочками». Перевод Т. Стрелковой, in Аверин Б.В. (сост.), *В.В. Набоков: Pro et contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова*, т. 2. Санкт-Петербург: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 227–235
- БАГРАТИОН-МУХРАНЕЛИ И., 1999: «Похвала объему и тени: Феномен Старевича», in *Искусство кино*, 1999, № 12, 54–61
- БУГАЕВА Л.Д., 2011: «Насекомое: динамика кинематографического образа», in *Теория искусства и художественное воображение XXI века искусства*, 2011, № 2 (3), 89–90
- БУРЕНИНА-ПЕТРОВА О., 2000: «Отчаяние как “олакрез” русского символизма (Федор Сологуб и Владимир Набоков)», in Smirnov I. (Hrsg.), *Hypertext Otchajanie / Sverchtekst Despair. Studien zu Vladimir Nabokovs Roman-Rätsel* [Die Welt der Slaven, Sammelbände 9]. München: Sagner, 163–186
- БУРЕНИНА-ПЕТРОВА О., 2024: «О даре “странствующего” зрения (Владислав Старевич и Владимир Набоков)», in Федотова С.Б. (ред.), «...И не кончается строка»: *Сборник в честь Марии Наумовны Виrolайнен*. Санкт-Петербург: ООО «Издательство “Росток”», 197–212
- ВЕЙДЛЕ В.В., 1936: «Сирин. Отчаяние», in *Альманах «Круг»*. Берлин: Парабола, 185–187
- ВЕРТОВ Д., 1966: *Статьи. Дневники. Замыслы*. Москва: Искусство
- ДАВЫДОВ С., 2004: «Тексты-матрешки» *Владимира Набокова*. Санкт-Петербург: Кирцидели
- ДЖОНСОН Д.Б., 2011: *Миры и антимирy Владимира Набокова*. Санкт-Петербург: Symposium
- ЖАККАР Ж.-Ф., 1995: *Даниил Хармс и конец русского авангарда*. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект»
- ИВАНОВА В., МЫЛЬНИКОВА В., СКОВОРОДНИКОВА С., ЦИВЬЯН Ю., ЯНГИРОВ Р., 2002: «Рождество у обитателей леса (“Сон куклы”, “Святочные чудеса в решетке”)», in Иванова В., Мыльникова В., Сквородникова С., Цивьян Ю., Янгиров Р. (сост.), *Великий кинемо: Каталог сохранившихся игровых фильмов 1908–1918*. Москва: Новое литературное обозрение, 122–123
- КОМАРОВ С.В., 1965: *История зарубежного кино*. Т. 1: *Немое кино*. Москва: Искусство
- КУЛЕШОВ Л., 1969: *Азбука кинорежиссуры*, 2-е изд. Москва: Искусство
- КУПРИН А.И., 1928 [2015]: *Пестрая книга: Несобранное и забытое*. Пенза: [б.и.], 2015

- ЛЮКСЕМБУРГ А. 1938 [2008]: «Смех в темноте (Laughter in the Dark)», in Набоков В. *Собрание сочинений американского периода*: В 5 т., т. 2. Санкт-Петербург: Симпозиум, 653–667
- МЕДАРИЧ М., 2000: «Владимир Набоков в русле орнаментальной прозы: к вопросу о терминологических разногласиях», in *Revue des études slaves*, t. 72, fasc. 3–4, 333–341
- МИХАЙЛИН Ю. 2020: «Мухобой и черти – Неизвестные рисунки Владислава Старевича», in *Сеанс*, 8.8.2020. <https://seance.ru/articles/starevich-paintings/> (дата обращения: 29.12.2024)
- НАБОКОВ В., 1924, 1995 [1999]: «Венецианка», in Набоков В. *Собрание сочинений русского периода*: В 5 т., т. 1. Санкт-Петербург: Симпозиум, 1999, 81–109
- НАБОКОВ В., 1928 [2004]: «Король, дама, валет», in Набоков В. *Собрание сочинений русского периода*: В 5 т., т. 2. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2004, 128–305
- НАБОКОВ В., 1933 [2006]: «Камера обскура», in Набоков В. *Собрание сочинений русского периода*: В 5 т., т. 3. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006, 250–393
- НАБОКОВ В., 1938 [2008]: «Смех в темноте», in Набоков В. *Собрание сочинений американского периода*: В 5 т., т. 2. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2008, 392–564
- НАБОКОВ В., 1951 [1999]: «Память, говори», in Набоков В. *Собрание сочинений американского периода*: В 5 т., т. 5. Санкт-Петербург: Симпозиум, 1999, 314–594
- СТЕПАНОВА Н.С., 2020: «Энтомологическая коллекция памяти в автобиографической прозе В.В. Набокова», in Смирнова А.И. (ред.), *Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка: Коллективная монография*. Москва: Книгодел, 86–94
- ХЕЛЛИМАН Б., 2013: «“Я сам виноват, что не умею писать для кинемо”: Александр Куприн и кино», in *Вестник СПбГУ*, 2013, сер. 15, вып. 1, 68–81
- ХОДАСЕВИЧ В., 2000: *Камера обскура: Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова*. Москва: НЛЮ
- ШАПРОН Ж., 2021: «Французский связной: история проката французского кино в России». Перевод с французского А. Беляк и Э. Маньен, in *Искусство кино*, 2021, № 1/2. <https://kinoart.ru/texts/frantsuzskiy-svyaznoy-istoriya-prokata-frantsuzskogo-kino-v-rossii> (дата обращения: 29.12.2024)
- ШЛОТТХАУЭР Л., 2000: «Роман “Отчаяние” Вл. Набокова и немой немецкий кинематограф», in Smirnov I. (Hrsg.), *Hypertext Otchajanie / Sverchtekst Despair. Studien zu Vladimir Nabokovs Roman-Rätsel* [Die Welt der Slaven, Sammelbände 9]. München: Sagner, 257–266
- ЯМПОЛЬСКИЙ М., 1988: «Старевич: Мимика насекомых и культурная традиция», in *Киноведческие записки*, 1988, № 1, 84–90

- ЯМПОЛЬСКИЙ М., 2001: *О близком: (Очерки немиметического зрения)*. Москва: НЛО
- ЯНГИРОВ Р.М., 1999: «Старевич в воспоминаниях», in *Искусство кино*, 1999, № 12, 62
- ЯНГИРОВ Р.М., 2006: «“Чувство фильма”: Заметки о кинематографическом контексте в литературе русского зарубежья 1920–1930-х годов», in Левинг Ю., Сошкин Е. (сост.), *Империя Н. Набоков и наследники: Сборник статей*. Москва: НЛО, 399–427
- ALEKSANDROV V.E., 1995a: «Nabokov and Bely», in Aleksandrov V.E (ed.), *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York – London: Routledge, 359–366
- ALEKSANDROV V.E., 1995b: «Vladimir Nabokov’s metaphysical aesthetics in the context of the Silver Age», in Gasparov B., Hughes R.P., Paperno I., Raevsky-Hughes O. (eds.), *Christianity and the Eastern Slavs. Vol. III: Russian Literature in Modern Times*. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press [California Slavic Studies, XVIII]. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 201–222
- APPEL A., 1974: *Nabokov’s Dark Cinema*. New York: Oxford University Press
- BIBERSTEIN R. (ed.), 2022: *Beyond Prince Achmed: New Perspectives on Animation Pioneer Lotte Reiniger*. Marburg: Schüren
- SCHÖNING J. (Hrsg.), 1995: *Fantaisies russes: Russische Filmemacher in Berlin und Paris 1920–1930*. München: CineGraph Buch

Елена Денисова-Шмидт (Санкт-Галленский университет)

Вклад лингвистических дисциплин в изучение коррупции

Abstract:

Research about corruption, as well as anti-corruption efforts and reforms, has become more effective through the use of interdisciplinary approaches.

The article presents some developments from the field of sociolinguistics, the theory of lacunae, and Ludwig Wittgenstein's theory of language games, as well as a number of other ideas from the field of linguistics. This study reveals the potential, and emphasizes the importance, of these developments for, to give an example, the adequate formulation of questions and the interpretation of the data obtained. It is often the insider knowledge of a language that helps reveal cultural codes invisible to an outside observer, codes which are important for identifying an act from the point of view of its corruption component. The article is based on empirical materials collected by the author in Russian and Ukrainian.

Keywords: corruption, anti-corruption measures, theory of lacunae, language game theory, sociolinguistics, euphemisms, nonverbal communication

1. Введение

Коррупция – это «злоупотребление доверенной властью для извлечения личной выгоды» (Денисова-Шмидт, Леонтьева 2022: 22). Это самое распространенное определение, предложенное *Transparency International* и используемое в международной практике. Коррупция – это зонтичное понятие, включающее в себя очень много составляющих и подвидов. Коррупция – это не только взятки, мошенничество, подкуп, откаты и распилы, но еще и очень большой диапазон немонетарных практик, например nepotism и favoritism (кумовство), конфликт интересов, фальсификация выборов. Исследования в области коррупции, а также антикоррупционные мероприятия и реформы становятся более результативными благодаря междисциплинарному подходу. В статье представлены некоторые наработки из области социолингвистики, теории лакун, теории языковых игр Людвиг Витгенштейна, а также ряд других идей из области лингвистики, раскрыт их потенциал, подчеркнута их важность, например, для адекватной формулировки вопросов и интерпретации полученных данных. Зачастую именно язык помогает открыть невидимые стороннему наблюдателю культурные коды, важные для идентификации поступка с точки зрения его коррупционной составляющей. Статья основана на большом количестве

эмпирических материалов, собранных автором в различных постсоветских странах. Вклад в изучение коррупции лингвистических дисциплин как таковых обсуждается впервые¹.

2. Теория лакун

«Лакуны – это пробелы, белые пятна на семантической карте языка, текста или культуры. Они незаметны ни изнутри, ни при рассмотрении одного языка, текста или культуры, но выявляются при их сопоставлении» (Denisova-Schmidt 2023: 175). Большой вклад в развитие теории лакун, их классификацию, выявление и возможную элиминацию лакун, а также в изучение прикладных аспектов применения теории лакун внесли Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина (Марковина, Сорокин 1989; Марковина, Денисова-Шмидт 2021), А. Эртельт-Фиит (Ertelt-Vieth 1990; 2005; Ertelt-Vieth, Denisova-Schmidt 2011; Эртельт-Фиит, Денисова-Шмидт 2007), И.Л. Панасюк (Panasiuk 2005; 2010; 2016), Е.В. Денисова-Шмидт (Denisova-Schmidt 2015; 2019; Денисова-Шмидт 2023), а также ряд других исследователей (см. обзор в Denisova-Schmidt *et. al.* 2020; Grodzki 2003; Panasiuk, Schröder [Hrsg.] 2006; Марковина, Денисова-Шмидт 2021; Денисова-Шмидт 2023).

Рассмотрим два важных термина в антикоррупционной повестке – «*integrity*» и «*whistleblower*», для которых нет прямых соответствий во многих славянских языках. Если, например, термин «*integrity*» в смысле моральных принципов (честности) во многих славянских языках (пока) просто отсутствует, термин «*whistleblower*» («осведомитель») можно перевести на все славянские языки, но многие эквиваленты, которые уже существуют в этих языках, имеют очень негативную коннотацию, чаще всего презрительную, например «доносчик», «наушник», «ябеда» (Черных 1999) или «стукач» (*Большой толковый словарь русского языка* 1998). Теория лакун предполагает, что в таких ситуациях есть два способа элиминировать данные пробелы: один способ – компенсация, а другой – заполнение. Компенсация предполагает максимально полное объяснение термина, в то время как заполнение – поиск других эквивалентов в соответствующих языках (Denisova-Schmidt *et. al.* 2020).

Например, в украинском научном сообществе эксперты и иные лица, принимающие решения, создали новый термин – «*академічна доброчесність*» («академическая доброчестность»), нарушение которой может объяснять отклонения и нарушения в академической среде:

Порушенням **академічної доброчесності** вважається:

1 См., например, обзорную статью о вкладе лингвистических дисциплин в изучение международного бизнеса: Tenzer, Terjesen, Harzing 2017.

академічний плагіат – оприлюднення (частково або повністю) наукових (творчих) результатів, отриманих іншими особами, як результатів власного дослідження (творчості), та/або відтворення опублікованих текстів (оприлюднених творів мистецтва) інших авторів без зазначення авторства; формою академічного плагіату є самоплагіат, що полягає у відтворенні без посилання на джерело інформації власних раніше опублікованих текстів;

фабрикація – фальсифікація результатів досліджень, посилань, або будь-яких інших даних, що стосуються освітнього процесу;

обман – надання завідомо неправдивої інформації стосовно власної освітньої (наукової, творчої) діяльності чи організації освітнього процесу;

списування – використання без відповідного дозволу зовнішніх джерел інформації під час оцінювання результатів навчання;

хабарництво – надання (отримання) учасником освітнього процесу чи пропозиція щодо надання (отримання) коштів, майна чи послуг матеріального або нематеріального характеру з метою отримання неправомірної вигоди в освітньому процесі².

В долгосрочной перспективе мы увидим, станет ли термин широко использоваться и, что еще важнее, будут ли на практике следовать правилам и ограничениям, которые он подразумевает, в связи с чем в дальнейшем нужно будет либо отслеживать вхождение данного термина в оборот, либо сосредоточиться на более конкретных терминах, которые уже существуют в языке и культуре и которые всем понятны, таких как «обман», «плагиат», «списывание», «фальсификация» или «взяточничество».

В академической среде в России чаще принято говорить об «академической этике» или «академической добросовестности». Вот, например, определение Европейского университета в Санкт-Петербурге:

К числу тяжких нарушений норм **академической добросовестности** Кодекс [академической добросовестности] относит следующие:

- **Присвоение чужой интеллектуальной собственности (плагиат):**
использование под своим именем чужих идей, формулировок, фрагментов текстов или целостных текстов в буквальном (цитирование без кавычек и ссылок) или перефразированном виде без указания на подлинное авторство и источник. Это недопустимо в научных текстах любого жанра (включая курсовые, экзаменационные работы, компьютерные программы, научные проекты, заявки на издания текстов, заявки на гранты и т.п.).
- **Нечестное поведение на экзамене:**
 - использование запрещенных членом научно-педагогического состава материалов, пособий и технических устройств во время экзамена;
 - незаконное получение информации об экзаменационных вопросах;
 - списывание с чужой работы или разрешение списывать со своей;
 - получение или оказание помощи в виде подсказки.
- **Нечестное поведение при представлении письменных работ:**
 - сдача письменных работ, созданных другими лицами;
 - сдача работ, подготовленных в рамках другого элемента учебного процесса.

2 <https://eces.nure.ua/ru/studentam-2/akademicheskaja-dobrochestnost> (дата обращения: 8.3.2023).

- **Фальсификация:**
фабрикация несуществующих источников и данных, а также сознательное искажение заимствованной информации.
- **Присвоение результатов совместных исследований:**
во избежание этого нарушения в случае работы над совместными проектами каждый обучающийся обязан указать, какая часть работы выполнена им лично, а какая – совместно с определенными (поименованными) лицами.
- **Препятствование работе других обучающихся:**
 - сознательное введение в заблуждение членов исследовательской группы;
 - распространение заведомо ложной информации;
 - создание нерабочей обстановки во время занятий;
 - создание помех для проводимых другими обучающимися исследований или экспериментов;
 - изменение и порча чужих компьютерных файлов;
 - сознательное затруднение доступа другим обучающимся к библиотечным материалам и иной общедоступной в Университете информации³.

С термином «*whistleblower*» ситуация немного сложнее. На сегодняшний день мне известны только несколько попыток объяснить этот термин на русском языке, которые прямо затрагивают его негативные коннотации и трудное прошлое. Так, например, российское подразделение *Transparency International* («Трансперенси Интернешнл – Россия») в своей «Азбуке антикоррупционера»⁴ переводит термин «*whistleblower*» как «заявитель о коррупции», пытаясь при этом сгладить его негативное восприятие: «Не следует считать заявителя о коррупции стукачом или доносчиком. Сообщение о преступлении – достойный поступок, заслуживающий уважения и не имеющий ничего общего с доносом. [...] В английском языке заявитель о коррупции – *whistleblower*, “тот, кто свистит в свисток”» (Денисова-Шмидт, Леонтьева 2022).

3. Социоллингвистика

Социоллингвистика – это наука, которая изучает социальный подход к языку: кто и что может сказать, кому, в какой ситуации, при каких обстоятельствах, когда и где (см., например, Mesthrie *et. al.* [eds.] 2010: 4). Сегодняшняя социоллингвистика изучает взаимодействия общества, отдельных его групп и языка, различные стандарты, субстандарты, например язык подростков, сленг, арго, просторечие, специальный (профессиональный) язык и некоторые другие разновидности⁵. Все

3 <https://eusp.org/students/the-code-of-academic-integrity> (дата обращения: 8.10.2024).

4 «Азбука антикоррупционера» ориентирована в первую очередь на школьников и студентов.

5 Определение социоллингвистики, а также (далее) эвфемизмов, наряду с некоторыми другими пояснениями, представленными в статье, рассчитано на широкую читательскую аудиторию, что еще раз подчеркивает постулируемый нами междисциплинарный подход в изучении коррупции.

это релевантно и для исследований в области коррупции. Так, например, очень важно, чтобы все вопросы были максимально адаптированы для конкретных респондентов с учетом их профессии, возраста, пола и других контекстов; в противном случае будет трудно или даже невозможно говорить о коррупции.

Например, общаясь с представителями украинского бизнеса, мы с коллегами создали гипотетический сценарий, который очень близок к реальности: предприниматель, работающий в строительном секторе, решил баллотироваться на пост мэра города (Denisova-Schmidt, Prytula 2017; Denisova-Schmidt 2025). Как изменится мнение о нем людей, а значит, и количество отданных за него голосов, если избиратели узнают, что он давал взятки, чтобы получить государственный контракт, или, наоборот, если выяснится, что он никогда не давал взяток? Мы также предложили несколько дополнительных условий. Например, пункт о качестве построенных его компанией домов. И затем задали вопрос: «Как Вы считаете, какой шанс у предпринимателя, что горожане его выберут?»

Представьте ситуацию. Предприниматель ведет свой строительный бизнес в среднего размера городе в Украине. В прошлом году предприниматель [текст А/текст Б]. В результате [текст В/текст Г].

Текст А: отдал 20% размера контракта, чтобы получить выгодный государственный контракт на строительство социального жилья в городе. Слухи в городе об этом ходили, но доказательств не было.

Текст Б: честно выиграл тендер на выгодный государственный контракт на строительство социального жилья в городе. Слухи в городе об этом ходили, но доказательств не было.

Текст В: было построено качественное социальное жилье.

Текст Г: было построено очень некачественное социальное жилье.

1 – однозначно НЕТ; 2 – скорее НЕТ; 3 – могут выбрать, а могут не выбрать; 4 – скорее ДА; 5 – однозначно ДА.

Это исследование дало очень интересные результаты, одним из которых было то, что респонденты с большей вероятностью проголосовали бы за коррумпированного кандидата, который построил качественное жилье, чем за честного кандидата, который построил некачественное жилье. Другими словами, для наших респондентов взяточничество – это не проблема, а скорее способ добиться желаемого, в данном случае – подписания контракта. Проблема же заключалась в получении плохих результатов – строительстве некачественного социального жилья (Denisova-Schmidt, Prytula 2017; Denisova-Schmidt 2025).

При этом, говоря о коррупции со студентами, мы с коллегами подготовили другие истории, близкие к реалиям, с которыми сталкиваются учащиеся. Например, мы учитывали существующую у студентов необходимость подработки (или частичной занятости и работы по профессии), что не всегда оставляет достаточно времени для выполнения домашних заданий, особенно по так называемым «ненужным» предметам или по предметам, преподаватели

которых сами подають пример нечестного поведения и, например, читают лекции на основе загруженных из интернета материалов (Denisova-Schmidt 2013). В частности, в одном из экспериментов, проведенных в украинских вузах, мы использовали видеоролик, в котором актриса, играющая студентку, произносила текст, написанный на основе реальных событий (Denisova-Schmidt et. al. 2019; 2022):

Я студентка. [...] Зараз я навчають і працюю. [...] під час навчання стало зрозуміло, що багато предметів зайві і абсолютно не потрібні. Наприклад, «Охорона праці» чи «Безпека життєдіяльності». Конспекти викладачів – майже слово в слово з Wikipedia. Wikipedia – не надто надійне джерело, але по ньому у нас проводилися «пари» [...] А ті предмети, які не несуть фактично ніякого смислового навантаження для мого навчання, для мого вдосконалення, як спеціаліста, я намагаюся «вирішити» іншим чином. Зазвичай викладачам достатньо якогось реферату, скачаного з Інтернету. Їх і так ніхто ніколи не читає, а просто ставлять галочку – ти все зробив. Все! Успіх. Щастя. І в тебе є «залік». І я, і багато моїх друзів не відвідуємо подібні зайві «пари», наприклад, «Екологію». Ти можеш завантажити реферат з Інтернету, симпатично оформити, здати і забути про це. Це шалена економія часу.

В обоих случаях – в бизнесе и академической среде – мы говорили о взяточничестве и различных видах мошенничества, которые являются формами коррупции, но мы всегда использовали контекст наших респондентов, что сделало результаты исследований более адекватными.

4. Другие теории

4.1. Эвфемизмы

Для исследований в области коррупции большое значение имеют и другие лингвистические аспекты. В частности, очень важно работать с эвфемизмами («словами или выражениями, употребляемыми взамен других, которые по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [*Большой толковый словарь русского языка* 1998]), уметь распознавать их в устной или письменной коммуникации и понимать, что за ними скрывается и почему.

Один из относящихся к советскому времени примеров употребления эвфемизмов в отношении коррупции привел Джеймс Хайнцен (Heinzen 2016): находящаяся под судом за дачу взятки украинка сказала, что «она просто предложила маленький подарочек в размере 10 000 рублей и женские наручные часы любому, кто мог бы помочь минимизировать тюремный срок ее мужа». С точки зрения права (даже того исторического периода) «маленький подарочек» – это не что иное, как взятка, подкуп должностного лица. Интересен также пример Министерства труда и социальной защиты

РФ, которое в 2013 году подготовило антикоррупционные рекомендации для госслужащих. Сотрудникам рекомендовали аккуратно использовать в своей речи такие выражения, как «вопрос решить трудно, но можно», «спасибо на хлеб не намажешь», «договоримся», «нужны более веские аргументы», «нужно обсудить параметры», «ну, что делать будем?», т.е. фразы, которые могут быть восприняты как ожидание монетарной или немонетарной взятки (Denisova-Schmidt, Kudrjavceva 2013).

4.2. Невербальная коммуникация

Невербальные реакции также очень важны в исследовании коррупции. Например, общаясь с бизнесменами на тему коррупции с участием представителей власти, мы с коллегами выявили три типа отношения руководителей компаний к такого вида коррупции. Часть из них подтвердили существование коррупции в своих областях и даже говорили с нами о своих преимуществах, полученных в результате коррупционных схем. Другие, напротив, категорически отрицали существование коррупции как таковой. А ряд респондентов вообще переставали говорить в ответ на этот конкретный вопрос и просто начинали улыбаться. В исследованиях коррупции для этого есть специальный термин — «понимающая улыбка», т.е. улыбка как сигнал о признании существующего культурного или социального явления (Ledeneva 2011; [ed.] 2018). Позже мы даже ввели в анкету дополнительную рубрику и отмечали эмоциональные реакции респондентов на этот конкретный вопрос.

5. Языковые игры

Но самый важный вклад лингвистики и настоящий прорыв в исследовании коррупции и разработке антикоррупционных механизмов связан с теорией языковых игр, выдвинутой Л. Витгенштейном (подробный анализ теории представлен, например, в *Глобальной энциклопедии неформальности* под редакцией А. Леденева [Ledeneva (ed.) 2018; 2024]). Очень важно использовать язык респондентов, то, как они называют конкретные практики, как они их описывают и как они их оправдывают, чтобы получить реальную картину. Например, в ходе эмпирического исследования, проведенного в 2019 году в пяти городах Дальневосточного федерального округа – Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре (Хабаровский край), Владивостоке (Приморский край), Благовещенске (Амурская область) и Якутске (Республика Саха [Якутия]), – мы с коллегами разработали варианты терминологии (Denisova-Schmidt, Solovyeva 2022; Денисова-Шмидт, Соловьева 2024), описывающей самые частотные практики, с которыми сталкиваются жители страны в повседневной жизни (таблица 1).

Таблица 1. Терминология граждан vs терминология экспертов.

Вопрос: По Вашему мнению, как часто Ваши знакомые и жители Вашего города прибегают к следующим практикам?

Вопрос: Как часто Вы сами используете следующие практики?

Терминология граждан согласно теории языковых игр Людвиг Витгенштейна	Терминология экспертов согласно <i>Transparency International</i>
Дарить подарки учителям, врачам, воспитателям в детских садах	Подарок
Решать свои проблемы через знакомых и по блату	Непотизм, или кумовство
Подделывать подписи и документы	Мошенничество
Давать деньги работникам ГИБДД, чтобы не платить штрафы	Взятничество
Давать деньги работникам государственных учреждений	Взятничество
Давать деньги преподавателям в вузах за зачеты и экзамены	Взятничество
Давать деньги за прием ребенка в детский сад, школу, вуз	Взятничество
Получать зарплату «в конверте»	Мошенничество

Похожую логику С.Ю. Барсукова и я использовали, анализируя результаты исследования взаимодействия бизнеса и власти во время предвыборных кампаний в России. По мнению респондентов, самые распространенные формы такого взаимодействия – это «поборы», когда власть приходит и собирает деньги с бизнеса; «кормушка» – когда некие лица перемещаются из бизнеса в политику и наоборот с целью обогащения и изменения соответствующих законов; и «свои люди во власти» – поддержка и продвижение определенных кандидатов, обязанных бизнесу. Все это в терминологии *Transparency International* не что иное, как «сговор», ротация «вращающиеся двери» и «конфликты интересов», соответственно (Barsukova, Denisova-Schmidt 2022; Denisova-Schmidt 2024).

Например, в рамках этнографического исследования, которое я проводила в 2013 году в пяти городах России – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Хабаровске – и их окрестностях, респондентам был задан вопрос об отношении к практикам, которые мешают положительному развитию общества (таблица 2). Все представленные в опросе практики являются разными формами коррупции, но не все респонденты считали их негативными, особенно когда речь шла о подарках учителям и врачам (Denisova-Schmidt 2014; Денисова-Шмидт, Леонтьева 2022).

Таблица 2. Опрос населения vs терминология экспертов.

Вопрос: Какие из следующих практик, по Вашему мнению, мешают положительному развитию общества в целом?

Практики	Терминология экспертов согласно <i>Transparency International</i>
Подтасовывание результатов выборов	фальсификация выборов
Устройство на работу друзей и родственников вместо людей, которые этого заслуживают	кумовство
Подарки врачам для того, чтобы получить хорошее медицинское обслуживание	подарок
Подарки для того, чтобы устроить детей в хорошую школу	подарок
Сообщение конфиденциальной информации для того, чтобы выиграть тендеры и конкурсы на государственное строительство	мошенничество
Неофициальная оплата для ускорения оформления документов	мошенничество
Убеждение журналистов в том, чтобы те не публиковали статьи на нежелательные темы	мошенничество
Использование скандальных разоблачений для того, чтобы избавиться от политических противников	мошенничество
Использование бюджетных средств, выделенных на развитие, в личных целях	мошенничество

Мы применяли ту же процедуру при опросах представителей бизнеса. Вместо того, чтобы говорить о коррупции в целом, мы говорили о конкретных практиках на языке респондентов (таблица 3) (Denisova-Schmidt, Huber 2014; Denisova-Schmidt, Prytula 2017; Shekshnia *et. al.* 2017).

Таблица 3. Ведение бизнеса в украинских компаниях.

Вопрос: Как часто компании, сопоставимые с Вашей, сталкиваются с нижеуказанными неформальными практиками?

Практики	Терминология экспертов согласно <i>Transparency International</i>
Выбор победителей открытых тендеров по принципу неформальных связей и договоренностей	кумовство, nepotизм
Получение сотрудниками региональных подразделений комиссионных или другого неформального вознаграждения (например, дорогих подарков) от поставщиков или покупателей	подарок, конфликт интересов

Практики	Терминология экспертов согласно <i>Transparency International</i>
Выплата заработной платы и бонусов сотрудникам наличными без уплаты социального налога	мошенничество
Получение руководителями комиссионных или других материальных выгод от кандидатов на работу	подарок, конфликт интересов
Использование фондов компании / производственных и офисных площадей / сотрудников компании для получения личного дохода / выполнения частных поручений руководителей	злоупотребление властью
Использование неформальных инструментов (компрометирующих фактов, материалов службы безопасности, круговой поруки) в конкурентной борьбе	злоупотребление властью

Интересно, что одной из самых популярных неофициальных бизнес-практик являлась выплата зарплат сотрудникам наличными (речь идет о проектах, реализованных в 2013 и 2015 годах). Наши респонденты полагали, что если бы они платили сотрудникам белую зарплату, то сумма, выдаваемая на руки, сократилась бы примерно вдвое. Это демотивировало бы работников, уменьшило их производительность труда и подорвало моральный дух. Таким образом, бизнес решал свои проблемы. Работники и работодатели оставались довольны, но в долгосрочной перспективе это не совсем эффективная стратегия, особенно с точки зрения работников. Например, если они захотят взять кредит в банке, они смогут показать только свою официальную зарплату, и это может сказаться на той сумме, на которую они смогут рассчитывать, на первоначальном взносе, а также процентной ставке. Более того, при выходе на пенсию такие работники не смогут претендовать на достойные выплаты. Именно правильные языковые формулировки позволили нам получить в ходе исследования желаемые результаты. В дальнейшем, изучая определенные регионы, также стоит уделить внимание использованию, помимо государственных, языков различных народов, проживающих на этой территории. Например, проводя исследования в России, использовать языки коренных народов наряду с русским (Denisova-Schmidt, Solovyeva 2022; Денисова-Шмидт, Леонтьева 2022; Денисова-Шмидт, Соловьева 2024).

6. Заключение

Лингвистические методы, наряду с междисциплинарными подходами как таковыми в целом, помогают выявить культурные особенности восприятия коррупции и создают возможность более точного понимания ее форм и механизмов в разных странах и контекстах. В статье представлены лишь

некоторые из них. Так, например, теория лакун помогает осознать, что отсутствие или искажение терминов в языке может затруднять борьбу с коррупцией. Решение данной проблемы через создание новых терминов или их адекватную интерпретацию играет ключевую роль в разработке и имплементации антикоррупционной повестки. Социолингвистика и теория языковых игр подчеркивают важность использования языка респондентов для более глубокого понимания их отношения к коррупции. Разговоры о конкретных коррупционных практиках через язык, понятный участникам исследования, дают более точные результаты, которые отражают реальные культурные и социальные нормы. Это особенно актуально в случаях, когда коррупционные действия могут быть оправданы или не воспринимаются как нечто негативное.

Библиография

- АЗБУКА АНТИКОРРУПЦИОНЕРА. Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл». URL: <https://azbuka.transparency.org.ru> (дата обращения: октябрь 2021 г.)
- БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА, 1998: *Большой толковый словарь русского языка*. Сост. и ред. С.А. Кузнецов. РАН – Институт лингвистических исследований
- ДЕНИСОВА-ШМИДТ Е., ЛЕОНТЬЕВА Э., 2022: *Коррупция на Дальнем Востоке: компромисс между народом и властью*. Москва: Common Place
- ДЕНИСОВА-ШМИДТ Е.В., СОЛОВЬЕВА А.А., 2024: «Субрегиональные различия в отношении к бытовой коррупции на Дальнем Востоке России», in *Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств*, 2024, № 2 (3), 76–93
- МАРКОВИНА И., ДЕНИСОВА-ШМИДТ Е., 2021: «Этнопсихолингвистическая теория лакун», in Стернин И., Уфимцева Н., Мягкова Е. (ред.), *Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография*. Москва: Институт языкознания – ММА, 172–178
- МАРКОВИНА И.Ю., СОРОКИН Ю.А., 1989: «Лакуны как инструмент исследования понимания инокультурного текста: постановка проблемы», in Антипов Г., Донских О., Марковина И., Сорокин Ю. (ред.), *Текст как явление культуры*. Новосибирск: Наука СО АН, 84–171
- ЧЕРНЫХ 1999: Черных П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. 1–2, 3-е изд., стер. Москва: «Русский язык»
- ЭРТЕЛЬТ-ФИИТ А., ДЕНИСОВА-ШМИДТ Е., 2007: «Лакуны и их классификационная сетка», in *Вопросы психолингвистики*, 2007, № 6, 39–51. <https://cyberleninka.ru/article/n/lakuny-i-ih-klassifikatsionnaya-setka/viewer> (дата обращения: 3.4.2023)

- BARSUKOVA S., DENISOVA-SCHMIDT E., 2022: «Double standards as modus operandi: mixing business and politics in Russia», in *Europe-Asia Studies*, 2022, № 74 (6), 990–1005
- DENISOVA-SCHMIDT E., 2013: «Justification of academic corruption at Russian universities: a student perspective», in *Edmond J. Safra Working Papers*, 2013, № 30. <http://ssrn.com/abstract=2353513>
- DENISOVA-SCHMIDT E., 2014: *Institutional Performance and Social Values in Russia*. Brussels, EU: ANTICORRP
- DENISOVA-SCHMIDT E., 2015: «Transcultural studies in a Russian context», in Sánchez Y., Brühwiler C.F. (eds.), *Transculturalism and Business in the BRIC States: A Handbook*. London – New York: Routledge, 95–102
- DENISOVA-SCHMIDT E., 2019: «Cross-cultural differences among students: challenges and opportunities for intelligent internationalization», in Godwin K.A., Wit H. de (eds.), *Intelligent Internationalization. The Shape of Things to Come*. Leiden: Brill – Sense, 56–60
- DENISOVA-SCHMIDT E., 2023: «Applied aspects of lacuna theory», in *Mir Rossii*, 2023, № 32 (3), 167–179
- DENISOVA-SCHMIDT E., 2024: «Ein Rückblick auf die Korruption in Russland», in *Zeitschrift für Slawistik*, 2024, № 69 (4), 673–694
- DENISOVA-SCHMIDT E., 2025: *Breaking the Bonds of Corruption: From Academic Dishonesty to Informal Business Practices in Post-Soviet Ukraine*. Cambridge, MA: Harvard University Press
- DENISOVA-SCHMIDT E., HUBER M., 2014: «Regional differences in perceived corruption among Ukrainian firms», in *Eurasian Geography and Economics*, 2014, № 55 (1), 10–36
- DENISOVA-SCHMIDT E., HUBER M., PRYTULA Y., 2019: «The effects of anti-corruption videos on attitudes toward corruption in a Ukrainian online survey», in *Eurasian Geography and Economics*, 2019, № 60 (3), 304–332
- DENISOVA-SCHMIDT E., HUBER M., PRYTULA Y., 2022: «Perceived anonymity and cheating in an online experiment», in *Eastern European Economics*, 2022, № 60 (6), 540–558
- DENISOVA-SCHMIDT E., KUDRJAVCEVA E., 2013: «Is it a bribe, or not? Challenges in communicating with Russian officials», in *AATSEEL (The American Association of Teachers of Slavic and East European Languages) Newsletter*, 2013, vol. 56, issue 3–4, December 2013, 7
- DENISOVA-SCHMIDT E., MARKOVINA I., NICOLAS-KRYZHKO L., 2020: «The lacuna model: a new approach to cross-cultural management research», in *International Journal of Cross Cultural Management*, 2020, vol. 20, № 3, 329–344. doi: 10.1177/1470595820973448
- DENISOVA-SCHMIDT E., PRYTULA Y., 2017: «Perceived corruption and trust among Ukrainian firms», in *Eastern European Economics*, 2017, № 55 (4), 324–341

- DENISOVA-SCHMIDT E., SOLOVYEVA A., 2022: «On subregional differences in attitudes towards petty corruption in Far East Russia», in *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2022, № 30 (2), 187–210
- ERTELT-VIETH A., 1990: *Kultuervergleichende Analyse von Verhalten, Sprache und Bedeutungen im Moskauer Alltag. Beitrag zu einer empirisch, kontrastiv und semiotisch ausgerichteten Landeswissenschaft*. Frankfurt am Main et al.
- ERTELT-VIETH A., 2005: *Interkulturelle Kommunikation und kultureller Wandel: Eine empirische Studie zum russisch-deutschen Schüleraustausch*. Tübingen: Gunter Narr
- ERTELT-VIETH A., DENISOVA-SCHMIDT E., 2011: «Lakunen-Analyse zur empirischen Forschung interkultureller Kommunikation: Methodologie», in Roesch O. (Hrsg.), *Osteuropa: Interkulturelle, interlinguale und kulturvergleichende Studien*. Berlin: News & Media, 170–187
- GRODZKI E., 2003: *Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising* [Kulturwissenschaftliche Werbeforschung, 3]. Frankfurt am Main: Peter Lang
- HEINZEN J., 2016: *Art of the Bribe: Corruption Under Stalin, 1943–1953*. Yale University Press
- LEDENEVA A., 2011: «Open secrets and knowing smiles», in *East European Politics and Society*, 2011, № 25 (4), 720–736
- LEDENEVA A. (ed.), 2018: *The Global Encyclopaedia of Informality*, vol. I-II. London: University College London Press
- LEDENEVA A. (ed.), 2024: *The Global Encyclopaedia of Informality*, vol. III. London: University College London Press
- MESTHRIE R., LEAP W.L., DEUMERT A., SWANN J. (eds.), 2010: *Introducing Sociolinguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press
- PANASIUK I., 2005: *Kulturelle Aspekte der Übersetzung: Anwendung des ethnopsycholinguistischen Lakunen-Modells auf die Analyse und Übersetzung literarischer Texte*. Berlin: LIT
- PANASIUK I., 2010: «Definition of the lacuna phenomenon in the theory of translation», in *Journal of Psycholinguistics*, 2010, № 11, 42–46. <https://iling-ran.ru/library/voprosy/11.pdf> (дата обращения: 3.4.2023)
- PANASIUK I., 2016: *Polyvarietät der Übersetzung*. Hamburg: Dr. Kovac Verlag
- PANASIUK I., SCHRÖDER H. (Hrsg.), 2006: *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung*. Berlin: LIT
- SHEKSHNIA S., LEDENEVA A., DENISOVA-SCHMIDT E., 2017: «Managing business corruption: targeting non-compliant practices in systematically corrupt environments», in *Slavonic and East European Review*, 2017, № 95 (1), 151–174
- TENZER H., TERJESEN S., HARZING A.-W., 2017: «Language in international business: a review and agenda for future research», in *Management International Review*, 2017, № 57, 815–854

Ольга Инькова (Женевский университет)

Семантика дискурсивных отношений и их синтаксическое оформление: некоторые тенденции

Abstract:

This paper re-examines a little-studied issue in the domain of discursive relations: the interaction (and dependency) of the conceptual content of a relation and its syntactic realization(s). The intricacy of the question is largely due to the fact that the specific syntactic form in which a discourse relation signalled by a connective is realized largely depends on the morphological nature of the connective itself. The analysis of the data (annotations from the “Supracorpora Database of Connectives”) allows for the identification of a number of patterns: 1) while a discourse relation can be established only between predicative syntactic units (e.g., concessions and conditions), other discourse relations are not subject to the restriction (e.g., exceptions and alternatives); 2) the same holds true for the introduction of an independent utterance (e.g., the relations of simultaneity and immediate precedence behave differently according to this parameter); 3) for discursive relations established at the illocutionary level, the number of cases in which they hold between independent utterances increases; 4) the type of the connectives (for instance, conjunctions vs adverbs) signalling is dependent on the semantics of the discourse relation itself.

Keywords: connectives, semantics, syntax, discourse relations, Russian, corpus linguistics, database of connectives

1. Введение

В исследовании предлагается рассмотреть малоизученный на сегодня вопрос о связи концептуального содержания логико-семантического отношения (ЛСО) и способа его синтаксического оформления. Сложность изучения данного вопроса объясняется, в частности, тем, что синтаксическая форма, в которую облакаются связываемые показателем данного ЛСО фрагменты текста, во многом зависит от морфологической природы самого коннектора: известно, что союзы, особенно подчинительные, более избирательны к синтаксической форме соединяемых ими фрагментов текста, чем коннекторы наречного происхождения. Однако даже в этом случае можно говорить о некоторых тенденциях. Например, ЛСО, входящие в семантическую группу «Противопоставление» в нашей работе 2001 года (Инькова-Манзотти 2001), были объединены в эту группу, в частности, по той причине, что их прототипические показатели являются сочинительными союзами: *но* для ЛСО «вопреки ожидаемому», *или* для альтернативы, *не... а*

для коррекции и т.д. Кроме того, можно заметить и различия, в частности, в количестве коннекторов той или иной морфологической природы и частоте их употребления для выражения того или иного ЛСО. Так, показатели ЛСО альтернативы являются преимущественно сочинительными союзами (*или, либо, а то, не то... не то, а может быть* и др.), а показатели наречной природы у данного ЛСО практически отсутствуют.

Следует подчеркнуть также следующее: хотя коннекторы и ЛСО представляют собой два тесно связанных понятия, между ними обычно не существует однозначного соответствия. С одной стороны, большинство ЛСО могут передаваться более чем одним коннектором. Например, отношение причины может выражаться коннекторами *потому что, поскольку, по этой причине, так как, а то* и др. С другой стороны, коннектор *а то* может выражать, помимо причинного отношения, ЛСО отрицательной альтернативы, несоответствия и др.

Мы продемонстрируем выявленные закономерности, показывающие зависимость синтаксической формы выражения ЛСО и его понятийного содержания, на представительной группе ЛСО и их показателей, аннотированных в Надкорпусной базе данных коннекторов (НБДК), разработанной под руководством автора в ИПИ РАН. В НБДК загружены тексты из параллельных французского и итальянского подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) общим объемом более 12'500'000 слов, а применяемая в ней система аннотирования позволяет анализировать ЛСО и их показатели по различным параметрам, в том числе по синтаксической природе соединяемых ими фрагментов текста (подробнее о возможностях данного ресурса см. Инькова 2018).

2. Логико-семантические отношения и синтаксические структуры

Согласно классической работе (Mann, Thompson 1988), минимальные дискурсивные единицы, соединяемые дискурсивным, а в нашей терминологии логико-семантическим, отношением, могут быть двух типов: *ядро* и *сателлит*. В основу различия положено довольно зыбкое и трудно определимое понятие степени важности дискурсивной единицы в процессе общения. Фактически же оно переносит в семантический анализ текста грамматические понятия сочинения и подчинения. Ядро – более важная с коммуникативной точки зрения единица и соответствует, в рамках сложного предложения, синтаксически главной части. При этом все отношения разделяются на три группы:

- 1) состоящие из ядра и сателлита;
- 2) состоящие из двух ядер;
- 3) состоящие из нескольких ядер, или многоядерные.

Если первая группа соответствует подчинению, то вторая и третья – сочинению, причем с различием между закрытыми (вторая группа) и открытыми (третья группа) рядами, создаваемыми сочинительными союзами.

Отношения могут быть представлены в виде схемы, отражающей их структуру: горизонтальная черта обозначает дискурсивные единицы, вертикальная – ядро, кривые и стрелки – ограничения на сочетание дискурсивных единиц. На рисунке 1 представлены пять таких схем.

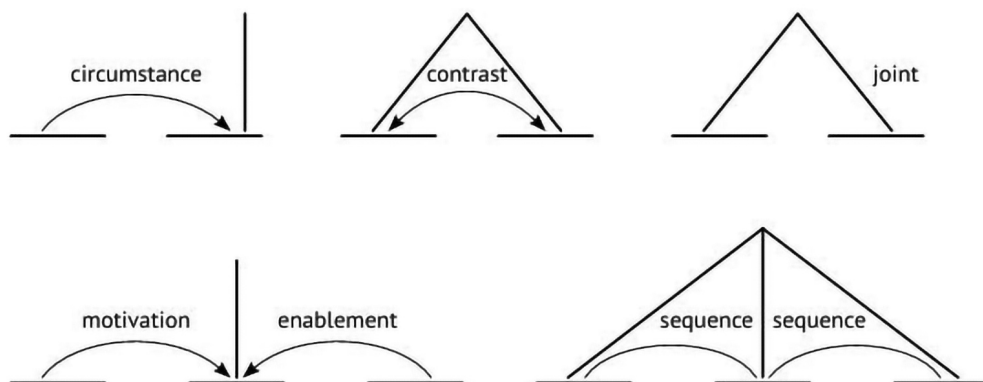

Рисунок 1. Схемы отношений в Теории риторической структуры.

По мнению авторов Теории риторической структуры (ТРС), наиболее распространенной является схема, представленная отношением Обстоятельство: в ней существует единственное отношение между спутником и ядром. В схеме отношения Контраст кривая со стрелками указывает на то, что это отношение всегда устанавливается только между двумя ядрами. Это ограничение отсутствует в случае отношения Временное следование или Соединение, которые могут связывать более двух ядерных дискурсивных единиц. Первая схема во втором ряду, соответствующая отношениям Мотивации и Обеспечения возможности, показывает, что с одним ядром могут быть связаны два спутника. Подчеркивается, что сохранение за дискурсивными единицами двух- и многоядерных отношений наименования «ядро» является условным, поскольку соответствующих спутников у них нет. Поэтому следовало бы, на наш взгляд, говорить об отношениях *сбалансированных*, или симметричных, связывающих независимые положения вещей, и *несбалансированных*, или асимметричных, связывающих положения вещей, зависимые друг от друга. Под зависимыми положениями вещей мы понимаем такие, которые не могут осуществляться одно без другого. Типичным примером таких отношений являются условные. Сбалансированными, или симметричными, являются, например, сопоставительные или противительные отношения.

Следует также отметить, что в многоядерных, в терминологии ТРС, отношениях одна из дискурсивных единиц может иметь меньшую степень коммуникативной важности, например, в случае аддитивных иллокутивных отношений, когда дискурсивная единица, вводимая коннектором, синтаксически оформлена как вставка. Ср. в этом отношении (1) и (2):

- (1) Мы уже говорили о том, что какой-то минимум полноты времени необходим во всяком временном образе (*а* образы литературы – временные образы). [М.М. Бахтин. *Вопросы литературы и эстетики* (1975)]
- (2) На лице было выражение того, что то, что нужно было сделать, сделано, и сделано правильно. *Кроме того*, в этом выражении был еще упрек или напоминание живым. [Л.Н. Толстой. *Смерть Ивана Ильича* (1882–1886)]

Действительно, в (1) участвующие в отношении фрагменты текста неравнозначны по своей коммуникативной значимости: вводимый коннектором фрагмент текста является своего рода комментарием первого. В (2), напротив, оба фрагмента текста, связанные аддитивным иллокутивным ЛСО, имеют равную коммуникативную значимость. Для выражения коммуникативной иерархии в рамках аддитивных ЛСО существуют и специальные показатели, такие как *прежде всего*, *сверх того*, *а главное* или другие дискурсивные средства, как, например, в (3):

- (3) А я вот был очень приятно удивлен, познакомившись с ним на этом приеме, – человек обаятельнейший, веселый *и*, *что самое главное*, с большим чувством юмора. [И.Э. Кио. *Иллюзии без иллюзий* (1995–1999)]

Возникает вопрос, можно ли здесь говорить о многоядерном ЛСО, в основе определения которого лежит понятие одинаковой коммуникативной значимости минимальных дискурсивных единиц, связанных таким отношением, или же этот критерий не является решающим для идентификации ЛСО.

Интересным поэтому представляется вопрос о синтаксическом оформлении дискурсивных отношений как отражении их семантики. Для рассмотрения были взяты ЛСО, для которых в НБДК имеется представительный массив аннотаций. Нас будет интересовать только разметка синтаксической структуры вводимого коннектором фрагмента текста, для которой используется следующий набор признаков: самостоятельное (повествовательное, вопросительное, восклицательное) предложение, сложное предложение, с предикацией, без предикации (глагольная форма), без предикации (неглагольная форма), вставка. Сразу уточню, что для двух- и многокомпонентных коннекторов¹ признак

1 Двухкомпонентными считаются такие коннекторы, как *хотя... но, ладно бы... а то*, а многокомпонентными – имеющие более двух компонентов: к ним относятся, прежде всего, сочинительные союзы, образующие открытые ряды, например, *или... или... или... или...*

«Структура» проставляется на следующем этапе аннотирования для каждой из частей, маркированных коннектором, поэтому эти данные отражены в отдельной графе. Она показывает также, для каких именно отношений характерно использование таких показателей. Этот критерий важен, поскольку такие коннекторы устанавливают более тесную связь между фрагментами текста, вступающими в то или иное ЛСО, причем, как правило, в рамках сложного предложения. Об этом речь еще пойдет в следующем разделе, где мы рассмотрим природу показателей того или иного ЛСО, здесь мы ограничиваемся лишь количественными данными.

Первое, на что можно обратить внимание, анализируя полученные данные, это то, что если некоторые ЛСО могут связывать только предикативные единицы, то другие не имеют данного синтаксического ограничения. В качестве примера приведем данные для условных и уступительных ЛСО, для которых в нашем корпусе соединение неpredикативных единиц не зарегистрировано, а также для ЛСО альтернативы и исключения, для которых, наоборот, такая синтаксическая структура является доминирующей. См. график 1².

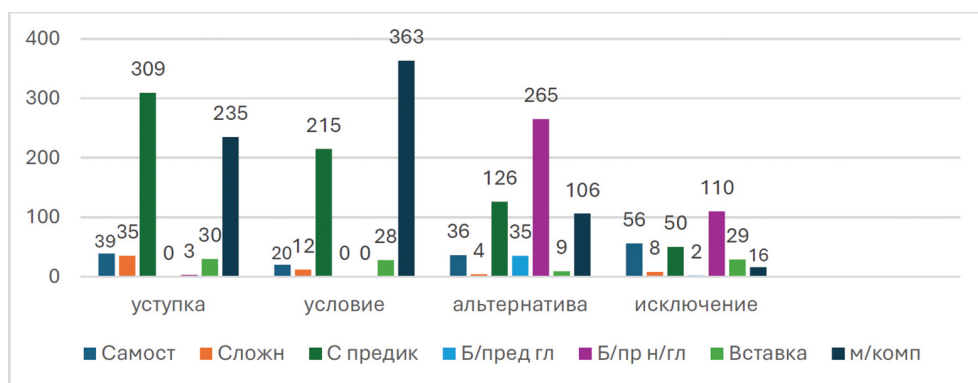

График 1. ЛСО с предикативными и неpredикативными фрагментами текста.

2 Условные обозначения: Самост – самостоятельное предложение (повествовательное, вопросительное или восклицательное) после точки, вопросительного или восклицательного знака; Сложн – сложное предложение; С предик – синтаксическая структура с предикацией; Б/пред гл – синтаксическая структура без предикации с глагольной формой (причастием, деепричастием или инфинитивом в неpredикативной функции); Б/пред н/гл – синтаксическая структура без предикации с неглагольной формой; Вставка – вставная конструкция; м/комп – двух- и многокомпонентные коннекторы.

Такая тенденция, как нам кажется, адекватно отражает различия в семантике этих ЛСО: если условие и уступка связывают положения вещей, описываемые, как правило, пропозициями, то исключение и альтернатива могут затрагивать непропозициональные единицы: коннектор исключения вводит элемент, исключаемый из множества, описанного в главной части (а это может быть предмет, лицо, признак и т.д.), альтернатива также может касаться непропозициональных сущностей, по крайней мере, на поверхностном синтаксическом уровне. См. (4) для исключения и (5) для альтернативы:

- (4) К числу лиц, порвавших с театром, помимо Аркадия Аполлоновича, надлежит отнести и Никанора Ивановича Босого, хоть тот и не был ничем связан с театрами, *кроме* любви к даровым билетам. [М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита* (1929–1940)]
- (5) Родители *или* лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования. [Конституция РФ (1993)]

Второе наблюдение касается возможности реализации ЛСО между независимыми предложениями. Для некоторых ЛСО этот показатель равен практически нулю, а в редких зафиксированных нами случаях речь идет, как правило, о парцелляции, как в (6) с уступительными отношениями и в (7) для ЛСО контактного предшествования.

- (6) И выбрался через окно. *Хотя* вполне мог пройти через дверь. [С.Д. Довлатов. *Чемодан* (1986)]
- (7) Я это сразу поняла. *Как только* увидела портрет Солженицына. [С.Д. Довлатов. *Чемодан* (1986)]

Примечательно, что оба примера принадлежат перу Довлатова, стилю которого присущи, как известно, короткие фразы, что позволяет в данных случаях говорить больше о стилистической особенности синтаксиса писателя, чем о языковой тенденции.

Для других ЛСО этот вид синтаксической структуры является достаточно распространенным. На графике 2 видно, что связь самостоятельных предложений характеризует ЛСО «вопреки ожидаемому», одновременности, иллокутивной причины («Причина иллоку» на графике), в отличие, например, от причины пропозициональной («Причина проп» на графике).

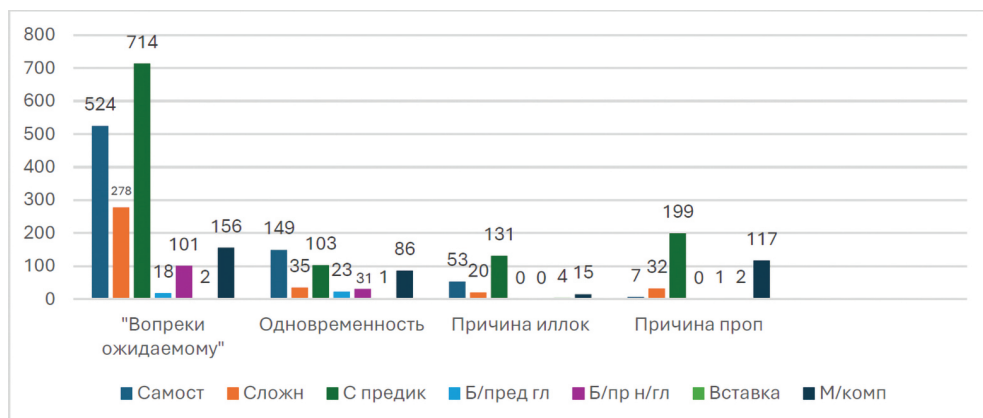

График 2. ЛСО на стыке самостоятельных предложений.

Этот параметр также в значительной степени связан с семантикой ЛСО, в частности, с введенным нами различием между сбалансированными и несбалансированными ЛСО. Интересно в этом отношении различие между ЛСО контактного предшествования и одновременности: оба они относятся к группе временных отношений, устанавливаемых на пропозициональном уровне. Однако первое из них является несбалансированным: осуществление положения вещей, описанного в главном предложении, зависит, по крайней мере по времени, от осуществления положения вещей, описанного в придаточном. Так, в (8) ситуация, описанная в придаточном предложении («маленький человек поступает в школу») служит временным ориентиром для реализации ситуации, описанной в главном, а коннектор сигнализирует о том, что эта ситуация следует за первой без какого-либо промежутка:

- (8) *Как только маленький человечек поступает в школу, к нему сразу меняется отношение взрослых, и не только к нему, но и к его занятиям, увлечениям.* [А. Луговская. *Если ребенок боится ходить в школу* (2002)]

Реализация ЛСО контактного предшествования осуществляется в рамках сложного предложения: единственный из 326 аннотаций случаев, где коннектор стоит на границе самостоятельных предложений, приведен в (7) с парцелляцией (подробнее об этом ЛСО см. Кобозева 2016; 2017).

Напротив, ЛСО одновременности является сбалансированным, оно устанавливается между независимыми положениями вещей, каждое из которых может синтаксически реализовываться как самостоятельное предложение, причем это наиболее частотная реализация, зафиксированная в нашем корпусе; см. график 3. Это сближает данное отношение с ЛСО сопоставления или «вопреки ожидаемому». Кроме того, хорошо известно, что показатели ЛСО

одновременности развивают именно эти значения на фоне ослабления или утраты семантики одновременности (см., например, Heine, Kuteva 2002). Ср. для *между тем* (9) с ЛСО одновременности и (10) с ЛСО «вопреки ожидаемому»:

- (9) Возвратясь с Сенной, он бросился на диван и целый час просидел без движения. *Между тем* стемнело; свечи у него не было, да и в голову не приходило ему зажигать. [Ф.М. Достоевский. *Преступление и наказание* (1866)]
- (10) Сидящий за столом Римский с самого утра находился в дурном расположении духа, а Варенуха, в противоположность ему, был очень оживлен и как-то особенно беспокойно деятелен. *Между тем* выхода его энергии не было. [М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита* (1929–1940)]

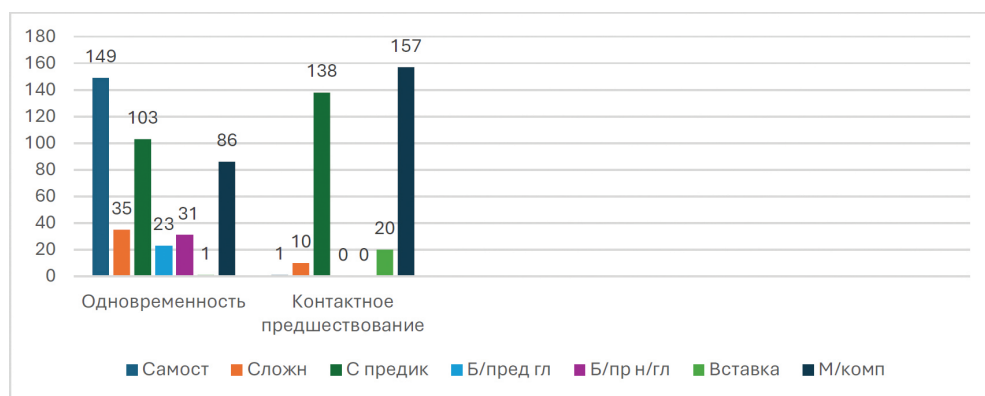

График 3. Синтаксические структуры для ЛСО одновременности и контактного предшествования.

Третье наблюдение касается уровня, на котором установлено ЛСО. В целом можно заметить, что при выходе ЛСО на иллокутивный уровень увеличивается число случаев, когда отношение устанавливается между самостоятельными предложениями, которые соответствуют самостоятельному коммуникативному акту. Мы видели это на примере пропозициональной и иллокутивной причины (см. график 2 выше), на графике 4 приведены данные для ЛСО сопутствования (его показателями являются *при этом*, *притом*, *причем* и *притом что*); см. для пропозиционального сопутствования (11), где положение вещей «на лице у него играла уверенная улыбка» сопровождает, являясь его составляющей (об этом говорит их частичная одновременность), положение вещей «он заплотировал»; для иллокутивного сопутствования (12), в котором высказывание, вводимое коннектором, является своего рода комментарием предыдущего, в том смысле что оно уточняет сообщенную в нем информацию (Инькова 2021).

- (11) Тут он заоплодировал, но в совершенном одиночестве, и на лице *при этом* у него играла уверенная улыбка, но в глазах этой уверенности отнюдь не было, и скорее в них выражалась мольба. [М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, часть 1 (1929–1940)]
- (12) Бригадира звали Осип Лихачев. Его помощника и друга – Виктор Цыпин. Оба были мастерами своего дела и, разумеется, горькими пьяницами. *При этом* Лихачев выпивал ежедневно, а Цыпин страдал хроническими запоями. [С.Д. Довлатов. *Чемодан* (1986)]

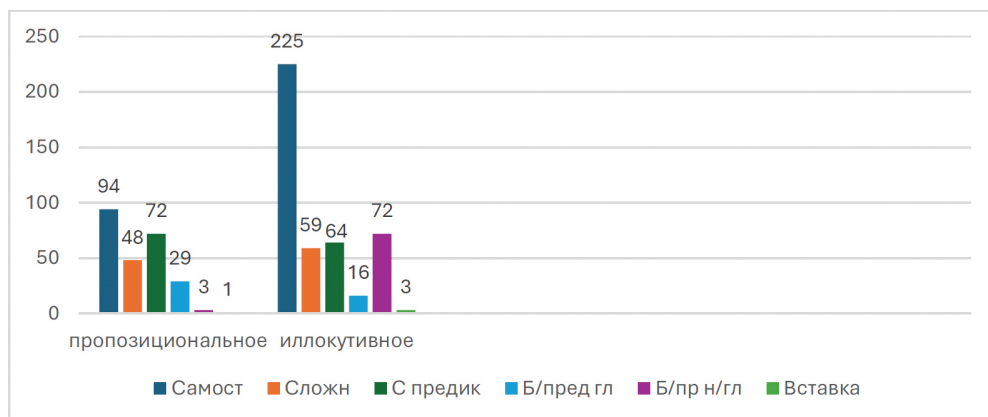

График 4. Синтаксические структуры для ЛСО сопутствования.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание в этом разделе, – это оформление фрагмента текста, вводимого коннектором, в виде вставки для создания внутренней коммуникативной иерархии между положениями вещей, соединяемыми ЛСО. Здесь опять проявляется различие между ЛСО контактного предшествования (график 3), для которого такие структуры характерны (20 случаев из 326, т.е. чуть более 6%), и ЛСО одновременности, где на 428 аннотаций был зафиксирован лишь один случай. По этому признаку ЛСО одновременности снова сближается с ЛСО «вопреки ожидаемому» и сопоставления, для которых вставные конструкции в нашем корпусе зафиксированы не были. А ЛСО контактного предшествования и здесь ведет себя сходным с условными и уступительными ЛСО (для которых зафиксировано, соответственно, 4,4% и почти 5% вставных конструкций) образом.

3. Логико-семантические отношения и их показатели

Не менее важен для описания связи семантики ЛСО и его синтаксического оформления вопрос о морфологической природе показателей того или иного ЛСО. Хотя, как уже было отмечено, коннекторы и ЛСО представляют собой два взаимосвязанных понятия, между ними не существует однозначного

соответствия, поскольку большая часть ЛСО может выражаться более чем одним коннектором, а один коннектор может выражать несколько ЛСО. Однако можно выявить тенденции, с одной стороны, в использовании для выражения ЛСО двух- и многокомпонентных коннекторов, а значит, их реализации в рамках предложения, а с другой – в преобладании среди показателей ЛСО коннекторов определенной морфологической природы. Если взять, например, уступительные ЛСО, то здесь больше трети показателей – двухкомпонентные коннекторы (235 аннотаций из 612), состоящие из уступительного союза и показателя ЛСО «вопреки ожидаемому». Это свойство отражает бóльшую семантическую зависимость положений вещей, соединенных данным ЛСО, и сочетается с преобладающим типом синтаксического оформления в виде сложного предложения. Если к уже приведенному числу случаев, когда коннектор вводит предикативную структуру или сложное предложение (309 и 35 соответственно), добавить случаи использования двухкомпонентных коннекторов, каждый из которых также вводит предикативную структуру (235), то на случаи, когда уступительные ЛСО устанавливаются в пределах сложного предложения между положениями вещей, оформленными в виде предикаций, придется почти 95%. Такую же картину мы наблюдаем и для условных ЛСО (97% в рамках сложного предложения, а среди двухкомпонентных коннекторов преобладает *если... то*), а также для ЛСО контактного предшествования (почти 100%).

В меньшей степени двухкомпонентные коннекторы характерны для ЛСО, которые можно охарактеризовать как симметричные, сбалансированные (например, сопоставление), а также для ЛСО, установленных на иллокутивном уровне. Ср. в этом отношении различное распределение синтаксических структур для ЛСО пропозициональной и иллокутивной причины на графике 2.

К этим двум свойствам – оформление в виде сложного предложения и использование двухкомпонентных коннекторов – следует добавить еще одно: наличие показателей наречной природы. Здесь я имею в виду прежде всего те языковые единицы, которые традиционно не относятся к классу союзов. Для ЛСО уступки, условия и контактного предшествования характерно практически полное отсутствие показателей наречной природы. А те редкие случаи, например, для условных отношений, в которых оно установлено между самостоятельными предложениями, приходится как раз на коннектор несоюзного типа *в этом случае*. По этому параметру ЛСО контактного предшествования снова противопоставлено ЛСО одновременности, где большинство показателей традиционно не относятся к классу союзов (*в то же время, между тем, тем временем* и др.).

Следует, однако, подчеркнуть, что не существует однозначной зависимости между морфологической природой показателя и предпочтительным употреблением в той или иной синтаксической структуре, что делает анализ и применение этого параметра достаточно сложным. Некоторые коннекторы наречной структуры сохраняют предпочтение к связи самостоятельных предложений даже при выражении тех ЛСО, где наиболее характерной является

синтаксическая структура, в которой показатель вводит непредикативную единицу. Например, *только* исключения в (13) вводит самостоятельное высказывание. Иными словами, здесь превалируют синтаксические свойства показателя над семантикой ЛСО.

- (13) Металась и металась потревоженная дрема. Летела вдоль Днепра. Пролетела мертвые пристани и упала над Подолом. На нем очень давно погасли огни. *Все* спали. *Только* на углу Волынской в трехэтажном каменном здании, в квартире библиотекаря, в узенькой, как дешевый номер дешевенькой гостиницы, комнате, сидел голубоглазый Русаков у лампы под стеклянным горбом колпака. [М.А. Булгаков. *Белая гвардия* (1923–1924)]

Другие несоюзные коннекторы при связи частей сложного предложения или непредикативных структур прибегают к помощи союзов; например, *при этом* в (11) выше, или *в то же время* в (14) сочетаются с союзом *и* для связи синтаксических единиц – предикативных и, особенно, непредикативных – в сложном предложении.

- (14) Крымов, посмеиваясь *и в то же время* серьезно, перебил: – А понадобится, и вас, Греков, с большевистской кашей съедят. [В.С. Гроссман. *Жизнь и судьба*, часть 2 (1960)]

Наконец, для некоторых ЛСО даже показатели несоюзной природы вводят непредикативные единицы без поддержки сочинительного союза. Это касается, например, ЛСО спецификации, выражающего соотношение множества и входящего в него элемента, причем как элемент, так и множество могут быть описаны непредикативной структурой, и его показателей *в частности, особенно, например*.

- (15) Лексический оттенок слова, *например* архаизм или провинциализм, указывает на какой-то другой контекст, в котором нормально функционирует данное слово. [М.М. Бахтин. *Проблемы поэтики Достоевского* (1963)]

В этих случаях синтаксические свойства показателя «приспосабливаются» к семантике ЛСО.

Все эти особенности усложняют учет синтаксической формы реализации ЛСО для снятия неоднозначности коннектора, как это предлагается в некоторых работах (см. обзор в Zufferey, Degand 2024: 78–87), поскольку коннектор может как сохранять свои функциональные особенности в оформлении каждого из выражаемых им ЛСО (как, например, *между тем* или *только*, которые во всех своих значениях тяготеют к введению самостоятельного предложения), так и гибко приспосабливать их к выбранной говорящим синтаксической структуре, в частности, сочетаясь при необходимости с сочинительными союзами для связи частей сложного или осложненного предложения.

4. Заключение

Затронутая проблематика является, безусловно, обширной и во многом абстрактной. Однако приведенные данные позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что набор признаков, характеризующий синтаксические структуры, оформляющие то или иное ЛСО, в значительной степени отражает семантические характеристики ЛСО. Речь, конечно, идет о тенденциях и о предпочтении в выборе синтаксической формы реализации ЛСО, которая может, в частности, определяться и стилистическими задачами говорящего или пишущего, например, в случае парцелляции. Тем не менее многие ЛСО имеют общий набор синтаксических признаков и проявляют концептуальную близость хотя бы на уровне принадлежности к одному из двух больших классов ЛСО: симметричных и асимметричных.

Следующим этапом исследования должно стать, во-первых, расширение круга ЛСО для синтаксического анализа; во-вторых, исследование процентного соотношения коннекторов союзной и несоюзной природы и частоты их употребления для выражения ЛСО, и в-третьих, сопоставительный анализ, который позволит установить, являются ли выявленные закономерности типичными только для русского языка или же они присутствуют и в других языках. Заслуживает также внимания вопрос об имплицитных ЛСО и о характерном для них синтаксическом оформлении, в частности, вопрос о том, сохраняются ли выявленные тенденции для тех случаев, когда ЛСО не маркировано.

Библиография

- ИНЬКОВА О.Ю., 2018: «Лингвоспецифичность коннекторов: методы и параметры описания», in Инькова О.Ю. (ред.), *Семантика коннекторов: контрастивное исследование*. Москва: ГОРУС ПРЕСС, 5–23
- ИНЬКОВА О.Ю., 2021: «Отношение сопутствования и его показатели», in Инькова О.Ю. (ред.), *Семантика коннекторов: количественные методы описания*. Bern: Peter Lang, 51–142
- ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ, О.Ю. 2001: *Коннекторы противопоставления во французском и русском языках: контрастивное исследование*. Москва: Информэлектро
- КОБОЗЕВА И.М., 2016: «Когнитивно-семантический подход к описанию средства связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования)», in *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, 2016, № 10, 120–133
- КОБОЗЕВА И.М., 2017: «Коннекторы контактного предшествования во французском и русском языках по данным параллельного корпуса», in *Сопоставительно езиковедение*, 2017, № XLII (4), 48–62

НКРЯ: Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/>

HEINE B., KUTEVA T., 2002: *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press

MANN W.C., THOMPSON S.A., 1988: «Rhetorical structure theory: towards a functional theory of text organization», in *Text & Talk*, 1988, № 8 (3), 243–281

ZUFFEREY S., DEGAND L., 2024: *Connectives and Discourse Relations*. Cambridge: Cambridge University Press

Katrin B. Karl (Universität Bern)

Variation in Narrativen von Erwachsenen mit Russisch als Herkunfts- und Deutsch als Umgebungssprache: Eine kontrastive Studie auf der Grundlage von Bildergeschichten

Abstract:

This article addresses the differences in linguistic features found in narratives from speakers with Russian as a heritage and German as a surrounding language in contrast to those from the respective monolingual context. To carry out this comparison, a total of 170 narratives, addressed to two different addressees, were collected from 65 participants divided into three groups of speakers using the Multilingual Assessment Instrument for Narratives. The narratives were then analyzed regarding macrostructural features, tense forms, narrative formulas, and diminutives for those in Russian. The findings indicate that the German narratives resemble one another in terms of their fundamental structure in both examined contexts (heritage context and L1). However, the examined features occur with greater clarity in the narratives from speakers with German as the surrounding language. Similarities between the investigated groups can also be identified in the Russian-language context. Yet, the data from Russian heritage speakers exhibit a noteworthy peculiarity: the narratives addressed to children display different structural features from the other contexts examined. This suggests a divergence in linguistic behavior within the heritage language, which could be attributed to the unconventional communication situation during the test.

Keywords: narrative, heritage language, variation, macrostructure, tense forms, diminutives, experimental setting, MAIN, picture stories

1. Einleitung

Herkunftssprachliche Besonderheiten sind auf unterschiedlichen Ebenen und für verschiedene sprachliche Konstellationen bereits gut untersucht. Es ist aus der Forschung bekannt, dass es zu sprachlichen Variationen im allgemeinen Sinne, verstanden als unterschiedliche Realisierungen verschiedener sprachlicher Variablen inkl. Transfer auf allen sprachlichen Ebenen kommen kann, dies ist für die mündliche Alltagssprache und auch im experimentellen Setting vielfach Gegenstand von Forschung geworden (vgl. z.B. Wiese *et al.* 2022).

Gleiches gilt für den Einsatz von Bildergeschichten als methodische Grundlage (*prompt*), um Sprachdaten in einer vergleichbaren Weise zu elizitieren und vergleichend auswerten zu können. Diese Methode ist in der Forschung zum kindlichen

Spracherwerb sowohl im mono- als auch im bilingualen (herkunftssprachlichen) Setting schon lang verbreitet (vgl. u.a. Berman, Slobin 1994, die umfangreiche Forschung zur Frog story [Mayer 1969], u.a. auf der childes-Homepage oder auch zu den sog. MAIN-Geschichten, vgl. MAIN-Homepage), und erfreut sich entsprechend eines umfangreichen Diskurses mit sowohl theoretischen Diskussionen als auch empirischen Studien. Hier stehen Fragen rund um Variation, im Sinne von Unterschieden in den Sprachdaten unterschiedlicher Kohorten, traditionell im Fokus. Diese sollen Aufschluss über Stadien der Ontogenese geben (vgl. z.B. Anstatt 2012) oder auch Besonderheiten des bilingualen Spracherwerbs aufdecken (vgl. z.B. Lindgren *et al.* 2023). Letztere nehmen häufig eine vergleichende Perspektive ein und betrachten Sprachdaten eines mehrsprachigen Kindes in seinen unterschiedlichen Sprachen. Dabei werden zwar Fragen rund um Variation behandelt, allerdings mit dem Fokus, Unterschiede zwischen den Sprachen zu finden. Variation innerhalb der Sprachen wird meist in Hinblick auf den Abgleich mit anderen Sprecher*innengruppen der jeweiligen Sprache aufgegriffen, typischerweise durch den Vergleich von herkunftssprachlichen Daten mit Sprachdaten monolingualer Sprecher*innen der entsprechenden Kohorte. Ob es zu Variation innerhalb einer Sprache/eines sprachlichen Kontexts hervorgerufen durch Veränderungen im experimentellen Design kommen kann, ist bislang nur selten zum dezidierten Forschungsgegenstand geworden (vgl. Cognola *et al.* 2019). Entsprechende Studien zu Variationen in Erzählungen, die auf Bildergeschichten basieren gibt es meines Wissens bislang noch nicht.

Die Methode der Erhebung von Sprachdaten mit Hilfe von Bildergeschichten und ihre Auswertung in Hinblick auf Unterschiede und (Erwerbs)Verläufe ist vorrangig im kindlichen Kontext verbreitet. Erwachsene werden als Proband*innen meist als Vergleichsgruppe für die eigene Studie eingeführt (vgl. Anstatt 2012) oder mit dem übergeordneten Ziel, einen Vergleichswert für den Transfer in den kindlichen Erwerbskontext zu definieren (vgl. Gagarina *et al.* 2019a). Diese Vorstellung eines stabilen Referenzrahmens, den man durch die Analyse der Sprachdaten von Erwachsenen erhält, ist in der Vorstellung verhaftet, dass es einen Punkt des abgeschlossenen Spracherwerbs gibt und die erwachsenen Sprecher*innen danach in eine Phase übergehen, in der wenig sprachliche Veränderung / Variation eintritt (vgl. Labov 1974, mit z.T. der Berücksichtigung, dass im Zusammenhang des Alterns eine Phase der meist als Abbau verstandenen Sprachveränderung folgt = *age-grading*). Diese Vorstellung wird in der Variationslinguistik seit einiger Zeit kritisch hinterfragt und in Hinblick auf unterschiedliche Verläufe mit jeweils eigenen Auslösern und relevanten Faktoren untersucht (für einen Überblick vgl. z.B. Wagner 2012). Die Forschung zu sprachlichen Veränderungen im Lauf des gesamten Lebens einer Person wächst kontinuierlich (vgl. z.B. Beaman, Buchstaller 2021; Sankoff 2019), relevant ist hierbei vor allem die Forschung zu *life-span changes*, die sprachliche Variation in einen sozialen und interaktionalen Kontext verortet, der sich in Abhängigkeit von der konkreten Kommunikationssituation und der Lebensphase eines Individuums ändert und sich auf die Realisierung sprachlicher Einheiten auswirkt (Harrington, Reubold

2021). Diesen Studien liegt die fundamentale Vorstellung zu Grunde, dass Sprache und Variation untrennbar miteinander verbunden sind, Variation ein grundlegendes Merkmal von Sprache – sowohl im Individuum als auch im System – darstellt (vgl. Dürscheid, Schneider 2019: 65 oder Elspaß 2018) und sie zudem Funktionen übernehmen kann (wie bspw. soziale Bedeutung entfalten kann, vgl. Busch, Efung 2024). Darauf basierend wird die Sprache von Erwachsenen als variables Konstrukt über die gesamte Lebensspanne zum Untersuchungsgegenstand, wobei die Frage nach Auslösern bzw. Funktionen der Variation zentral diskutiert wird (vgl. z.B. Harrington, Reubold 2021 zu Ausspracheveränderungen bei der Queen in Abhängigkeit ihrer Teilhabe am politischen Leben oder die Beschreibung des sog. *adolescent peaks*, Meyerhoff 2018: 164). Hier werden häufig soziolinguistische Gründe angeführt (wie z.B. die Teilhabe an jugendlichen Diskursen, Berufstätigkeit und die Auswirkungen auf Sprache, sprachliches Vorbild für den Spracherwerb der eigenen Kinder, vgl. ebd.), daneben gibt es aber auch interaktionale Studien, die die Variation von sprachlichen Mitteln in Abhängigkeit vom Kommunikationskontext betrachten (vgl. als wohl prominentestes Beispiel die Kindgerichtete Sprache, Soderstrom 2014). Einen geschlossenen Katalog an Auslösern und Funktionen gibt es bislang nicht und wird es wohl auch nie geben, da sich dies kaum mit der grundlegenden Konzeption von Sprache als einem komplexen und ständig in Wandel und Variation begriffenen Konstrukt (wie in der Vorstellung von Sprache als Teil einer *complex dynamic systems theory*, Cenoz 2013; de Bot *et al.* 2020) vereinbaren lässt. Aufgabe der Forschung scheint es vielmehr momentan zu sein, in konkreten Settings der Frage nachzugehen, wo und wodurch ausgelöst sich Variation von sprachlichen Mitteln zeigen kann und wie diese entsprechend zu interpretieren ist.

Studien, die dezidiert der Frage nachgehen, ob sich sprachliche Variation im Bereich von narrativen Sprachdaten bei Erwachsenen zeigt, sind selten. Dies gab den Anlass für mich, ein Forschungsprojekt zu starten, das narrative Daten von Erwachsenen unterschiedlicher Lebensphasen und unterschiedlicher Sprachen erhebt. Durch das Design der Erhebung wurde zudem eine systematische Variation im Kommunikationskontext eingebaut, wodurch die Grundlage für einen mehrfachen Vergleich und die Suche nach unterschiedlichen Auslösern für mögliche sprachliche Variation gegeben ist. Erste Ergebnisse zu Russisch, Polnisch und Deutsch als Erstsprachen zeigen, dass es in den Narrativen von jungen Erwachsenen mit Russisch und Deutsch als Erstsprache zu Variation in der Realisierung von makrostrukturellen Komponenten, im Tempus und in der Verwendung von lexikalischen Mitteln, die als narrativ bzw. deskriptiv angesehen werden können kommt in Abhängigkeit von der Aufgabe, diese Geschichte an einen Erwachsenen oder ein Kind zu adressieren. Dabei zeigte sich im Besonderen, dass durch die Aufgabe, die Geschichte an ein Kind zu adressieren, die Narrative mehr sprachliche Realisierungen von makrostrukturellen Komponenten aufwiesen, häufiger in präteritalen Formen erzählt und mit mehr narrativen Elementen (in diesem Fall eine einleitende Erzählformel) versehen waren (vgl. Karl unter Begutachtung a & b). Diese Variation zeigt die Fähigkeit von Sprecher*innen an, auf die

jeweils geforderten Rahmenbedingungen zu reagieren, diese in die Konzeption der eigenen Geschichte einzubeziehen und in der Folge die sprachlichen Mittel diesem anzupassen. Mit anderen Worten zeigt sich hier eine Flexibilität in der Ausgestaltung von Narrativen in Abhängigkeit von ihrem kommunikativen Kontext.

Diese Erkenntnis stellt die Basis für einen Transfer in ein herkunftssprachliches Setting dar. Von besonderem Interesse ist dabei die Frage danach, ob sich ähnliche (oder andere) Variationen in entsprechend nach dem Adressaten variierten Narrativen finden lassen, die von mehrsprachigen Personen erzählt werden, die zudem in einem besonderen mehrsprachigen Setting zu verorten sind: Sie sprechen eine ihrer Sprachen als Herkunftssprache, eine zweite als Umgebungssprache. Durch die unterschiedlichen sprachlichen Kontexte ergibt sich die Möglichkeit eines mehrfachen Vergleichs, die sprachlichen Kontexte sind im Konkreten Russisch als Erstsprache (= Russisch im L1-Kontext), Deutsch als Erstsprache (= Deutsch im L1-Kontext) sowie Russisch als Herkunftssprache (= Russisch im herkunftssprachlichen Kontext) und Deutsch als Umgebungssprache (= Deutsch im umgebungssprachlichen Kontext). Die Narrative aus allen genannten unterschiedlichen Kontexten sollen in diesem Artikel verglichen werden, wobei die Frage nach intraindividuelle Variation (also jene nach Unterschieden zwischen den Erzählungen einer Person) nicht thematisiert werden kann (dies ist für einen Folgeartikel in Planung). Vielmehr werden die Narrative nach sprachlichen Kontexten und nach ihrem kommunikativen Kontext (hiermit ist der jeweilige Adressat gemeint) gruppiert und vergleichend analysiert.

Als Grundlage dienen dafür die bisherigen Ergebnisse aus dem einsprachigen russischen und deutschen (= L1-Kontext) und vergleichbar erhobene Daten im herkunfts- bzw. umgebungssprachlichen Kontext (= HKS- und UGS-Kontext). Im Fokus stehen hier narrative Daten, die mit Hilfe des Erhebungsinstruments MAIN (= Multilingual Assessment Instrument for Narratives) elizitiert wurden. Im L1-Kontext sind dies Daten, die von insgesamt 40 Personen (20 pro untersuchter Sprache) im Alter zwischen 20 und 25 stammen. Es handelt sich um jeweils zwei Erzählungen pro Person, die auf zwei unterschiedlichen Bildergeschichten (der Baby-Bird und der Baby-Goat Geschichte) basieren und sich in der Aufgabenstellung insofern unterscheiden, als eine der Geschichten (jeweils die erste) an einen Erwachsenen und die zweite an ein Kind adressiert wurde. Damit haben wir es hier mit der bereits genannten Manipulation im Kommunikationskontext zu tun, deren sprachliche Folgen in Karl (unter Begutachtung a & b) auf der makrostrukturellen Ebene intensiv diskutiert und durch einen Abgleich der verwendeten Tempusformen ergänzt wurde. Dieses Untersuchungsdesign wird im vorliegenden Artikel auf den herkunftssprachlichen Kontext ausgedehnt, indem die Datenerhebung mit Hilfe aller vier zur Verfügung stehenden MAIN-Geschichten in zwei Sprachen pro Person durchgeführt wurde. Insgesamt konnten von 25 Personen mit Russisch als Herkunftssprache und Deutsch als Umgebungssprache Daten erhoben werden, die in unterschiedlicher Masse in die Auswertung dieses Artikels einfließen. Nach einer Klärung relevanter Termini wird in Abschnitt 3 konkreter auf die Datenerhebung (Methode und Proband*innen) sowie

die Auswertung eingegangen. Die Darstellung der Ergebnisse erfolgt in Abschnitt 4, gefolgt von einer Zusammenführung und einem abschliessenden Fazit mit Ausblick.

2. Forschungshintergrund: Terminologie

Für den Kontext dieser Studie bedürfen die Schlagwörter *Variation*, *Herkunftssprache* und *Narrativ* einer terminologischen Schärfung. Da sich alle drei in etablierte Forschungsfelder einordnen lassen (Variationslinguistik, Mehrsprachigkeitsforschung und Narratologie), ist ihre extensive theoretische Diskussion im Rahmen dieses Artikels nicht möglich, eine grundlegende Klärung der Terminologie, wie sie für diesen Artikel verwendet wird dennoch notwendig.

Der Begriff der Variation lässt sich – wie bereits erwähnt – in den wachsenden Forschungsbereich der Variations- oder auch Varietätenlinguistik einordnen (zur Unterscheidung bzw. Deckungsgleichheit dieser Begriffe vgl. Dürscheid, Schneider 2019; bzw. Elspaß 2018 für eine Gesamtbetrachtung) und bezieht sich auf die „Veränderlichkeit von Sprache zu einem bestimmten Zeitpunkt“ (Elspaß 2018: 87). Es kommt bei Variation zu einem Nebeneinander, einem parallelen Auftreten von unterschiedlichen Realisierungen von sprachlichen Einheiten: Es entsteht eine heterogene Menge an Varianten als konkrete sprachliche Realisierung (Vorkommen) einer abstrakten linguistischen Einheit, der Variablen (Typus) (vgl. ebd.: 91). Variation deckt damit die beobachtbare Natur von Sprache und Sprechen ab, dass eine Einheit selten in exakt derselben Art und Weise in jedem Kontext realisiert wird, sondern es vielmehr einen Spielraum in der Umsetzung gibt. Es ist damit ein sehr weit gefasster Begriff, der in einem konkreten Untersuchungskontext klarer gefasst werden muss und entsprechend, je nach Bezugsrahmen, divergierend ausgelegt werden kann. Wählt man das Sprachsystem als Bezugsrahmen, ist Variation vor allem mit der Varietätenlinguistik verbunden, in der die Untergliederung der Erscheinungsformen einer Sprache in unterschiedliche Varietäten / Subsysteme betrachtet wird (vgl. bspw. Steinbach *et al.* 2007 für das Deutsche, Lehmann 2013: 36 für das Russische). Häufig wird hier bei der Analyse von Variation die standardsprachliche Norm als Ausgangspunkt genommen und von dieser standardsprachlich normierten Realisierung einer Variablen, also von der Normvariante ausgehend, die jeweiligen Varianten in anderen Varietäten kontrastiv betrachtet und eingestuft.

In vielen soziolinguistisch ausgerichteten Studien ist der Bezugsrahmen nicht die Sprache, sondern die Sprachnutzer*innen, sei es in Gruppen oder als Individuen. In diesen Kontext ist die Unterteilung in *inter-speaker* und *intra-speaker* (oder *inner-speaker*) *variation* zu stellen (vgl. Dürscheid, Schneider 2019; Cognola *et al.* 2019). *Inter-speaker variation* nimmt die unterschiedlichen Realisierungsformen jeweiliger sprachlicher Einheiten zwischen Sprecher*innen in den Blick, *intra-speaker variation* beschreibt diese Variabilität in Hinblick auf eine Person. Für den Kontext dieser

Studie ist die *inter-speaker variation* relevant, da Narrative in und zwischen Gruppen vergleichend betrachtet werden sollen.

Das zweite zentrale Themenfeld ist jenes rund um Herkunftssprache, das seit knapp zwei Jahrzehnten in der Mehrsprachigkeitsforschung präsent ist. Die Diskussion zeichnet sich durch eine heterogene Begrifflichkeit und ein gleichermassen heterogenes Untersuchungsobjekt und dem gleichzeitigen Wunsch nach Klärung und Beschreibung aus (s. Montrul, Polinsky 2021). Für die Definition von Herkunftssprache wird oft auf jene von Rothmann (2009: 156) zur *heritage language* zurückgegriffen, die die Kernmerkmale aufweist, dass es eine Sprache ist, mit der ein Kind aufwächst und die nicht die dominante Sprache der es umgebenden grösseren Gesellschaft ist. Inwiefern diese Merkmale ausreichen bzw. differenziert werden müssen ist Gegenstand vieler Ausführungen (vgl. etwa Benmamoun *et al.* 2010; 2013, Carreira, Kagan 2011; Polinsky 2015; 2018; für den slavistischen Kontext Brehmer, Mehlhorn 2018; Brehmer 2021; Bergmann, Brüggemann 2021). Für den Kontext dieses Artikels soll die zitierte Definition als Grundlage dienen und nach Brehmer und Mehlhorn (2018) spezifiziert werden, dass eine Herkunftssprache die Sprache ist, die in der Familie gesprochen wird, mit der ein Kind damit von frühester Kindheit an aufwächst. Diese muss von der Umgebungssprache abgegrenzt werden, die die Sprache ist, die in der jeweiligen Gesellschaft dominant verwendet wird. Herkunfts- und Umgebungssprache sind dabei nicht deckungsgleich. Daraus folgt, dass Personen mit herkunftssprachlichem Hintergrund (= Herkunftssprecher*in) als bilingual gelten können, da sie spätestens mit Eintritt in die umgebungssprachliche Schule, häufig bereits ab Geburt, mit zwei Sprachen in Kontakt kommen. Wie sich diese Zweisprachigkeit ausprägt, welchen konkreten Erwerbsverlauf sie aufweist und zu welchen Kompetenzen in den beiden Sprachen sie führt, ist individuell für die jeweiligen Personen zu betrachten. Ob sich hier allgemeine gemeinsame Eigenschaften nennen lassen, ist Gegenstand einer sehr umfangreichen und aktuellen Diskussion und zugleich Beweis für die Heterogenität des Untersuchungsobjekts, auf die standardmässig verwiesen wird. Polinsky (2015) spricht von einem Kontinuum, das von rein passiven Kompetenzen (vgl. den dort verwendeten Begriff des rezeptiven Bilingualismus) hin zu Kompetenzen führen, die mit Erstsprachsprecher*innen der jeweiligen Sprache vergleichbar sind (= *native-like*). Auf diesem Kontinuum können konkrete Herkunftssprecher*innen angeordnet werden. Dies lässt eine Flexibilität zu, eröffnet aber zugleich die Diskussion, wie jeweils die End- bzw. Referenzpunkte konkret definiert werden können und ob es auch Fälle gibt, in denen keine passiven Kompetenzen vorhanden sind.

Der angelegte Vergleich mit Erstsprachsprecher*innen bzw. häufig weiter abstrahiert mit der entsprechenden standardsprachlichen Norm wurde vielfach zum Ausgangspunkt von Kritik. Dahinter verbirgt sich die Frage, wie Kompetenzen ermittelt werden und was der jeweilige Bezugsrahmen ist. In Kombination mit dem o.g. Verständnis von Variation, die in der Sprache angelegt ist, muss hinterfragt werden, in welchem Rahmen sprachliche Einheiten unterschiedlich realisiert und dennoch als

zu der jeweiligen Sprachvarietät zugehörig wahrgenommen werden können, durch welche Sprecher*innen diese Varietät geprägt und inwiefern die Varietät ihrerseits einer übergeordneten Sprache zugeordnet werden kann. Dass es im mehrsprachigen Kontext zu Variation auf Sprecher*innenebene kommt, ist bereits seit Weinreich (1953) bekannt und mittlerweile auf allen sprachlichen Ebenen durch die Analyse von bspw. Entlehnungen, Kalkierungen, wechselndem Einsatz der Sprachen (jeweils mit wechselnder Terminologie) und vielem mehr nachgewiesen (s. hierfür die zahlreichen Handbücher zu Bilingualismus, Mehrsprachigkeit, Herkunftssprachen, wie bspw. Bhatia, Ritchie 2014; Földes, Roelcke 2022; Gogolin *et al.* 2020; Martin-Jones *et al.* [eds.] 2012; Montrul, Polinsky 2021; Wei 2007; Wright *et al.* 2015). Ob sich bei diesen Kontakterscheinungen in unterschiedlichen Gruppen gemeinsame Muster bilden bzw. erkennen lassen und sich in der Konsequenz Kategorien von Bilingualen (wie es Polinsky, Kagan 2007 für die *heritage speakers* tun) oder auch bilinguale Varietäten (und ihr Verhältnis zur übergeordneten Sprache, was Wiese *et al.* 2022 diskutieren), ausgliedern lassen ist weiterhin fraglich. Dabei wurde jene Variation im mehrsprachigen Kontext lange vor dem Hintergrund der jeweiligen standardsprachlichen Norm ermittelt (was zu Begrifflichkeiten wie „Fehler“, „Abweichung“ etc. führte), neuere Ansätze gehen von Kontinua aus (vgl. Wiese *et al.* 2022) und betrachten Variation im herkunftssprachlichen Kontext aus der intra- und inter-speaker Perspektive (vgl. Cognola *et al.* 2019). Dieser Blick soll auch hier eingenommen werden: Es geht bei der Ermittlung von Variation in Narrativen folglich nicht um den Abgleich mit einer imaginierten normierten Variante, sondern um die Beschreibung von unterschiedlichen Realisierungen innerhalb und zwischen Gruppen und ihren Sprecher*innen. Dies entspricht damit einer Beschreibungs- und keiner Klassifizierungsebene, die zunächst unabhängig von der Frage nach dem Auslöser und der Funktion von Variation eingenommen und im Folgenden zum Ausgangspunkt weiterführender Überlegungen und der Suche nach Zusammenhängen werden kann.

An dieser Stelle ist es nun Zeit, die Begrifflichkeit rund um Narrative aufzugreifen. Auch diese erfreuen sich grosser Ambiguität (für einen terminologischen Überblick in der Linguistik vgl. Zeman 2016 oder 2020), in einer Annäherung erscheint es zunächst am einfachsten, *Narration* und *Narrativ* voneinander abzugrenzen. Diese Begriffe werden hier, an Genettes dreiteiliger Klassifikation (1994 [2010]) angelehnt, als Akt der sprachlichen Tätigkeit (des Erzählens) = *Narration* und als Ergebnis dieser Tätigkeit = *Narrativ* verstanden, die durch einen dritten Begriff für die zu Grunde liegende Folge von Ereignissen/Verläufen zu ergänzen ist. Diesen bezeichnet Genette als *histoire* (der narrative Inhalt), alternativ wird auch *fabula* verwendet (vgl. Zeman 2020). Die Narrative dieses Artikels basieren auf Bildergeschichten. Für die Erstellung der Bildergeschichten wurde eine jeweilige Auswahl an Ereignissen, Zuständen und Verläufen in einen chronologischen und kausalen Zusammenhang gebracht und so beschrieben, dass sie visuell mit Hilfe der Zeichnungen in Bilder umgesetzt wurden. Um diesen Hintergrund aufzugreifen, soll für die Bezeichnung des genannten dritten Begriffs *Skript* gewählt werden.

Um eine Narration oder ein Narrativ von anderen sprachlichen Tätigkeiten/Produkten (wie bspw. der Beschreibung) abzugrenzen, bedarf es definitiver, in diesem Fall narrativer Merkmale. Hier offenbart sich eines der Hauptprobleme bei der Behandlung narrativer Fragen: Narrative Merkmale sind nicht einzelnen sprachlichen Formen stabil inhärent, also in dem Sinne, dass durch die Form einer sprachlichen Einheit auf die narrative Funktion zweifelsfrei geschlossen werden kann und diese bei Beibehaltung der Form immer gegeben ist, sondern sie zeigen sich jeweils nur in einem Kontext und sind von diesem abhängig (vgl. schon Dahl 1985: 112, der schreibt: „the most important concept here is that of the **narrative context**“ [Markierung i. O.]). Welcher Art der Kontext dabei ist, hängt von der jeweils betrachteten Ebene ab (vom Minimalkontext zweier grammatischer Wortformen, s. mikrolinguistische Narrativität bei Lehmann 2012 über den Kommunikationskontext (wer erzählt wem in welcher Situation und Funktion) hin zum Einbezug des weiteren aussertextuellen und -kommunikativen Kontextes, bspw. im Diskurs). Für diesen Artikel sind die folgenden Hintergründe relevant: Die Sprachdaten wurden mit Hilfe einer Bildergeschichte erhoben, diese weist ein Skript auf, das auf einer in sich kohärenten und z.T. kausal herzustellenden Abfolge von Ereignissen, Verläufen und Zuständen beruht. Damit ist eine der notwendigen Rahmenbedingungen für eine Narration gegeben: Es gibt ein Skript, das als Ausgangspunkt dienen kann. Eine zweite Bedingung ist der kommunikative Kontext. In unserem Fall lautet die Aufgabe an die Proband*innen, auf der Grundlage der Bilder eine Geschichte zu erzählen. Nach Lehmann (2012: 179) reicht die Aufgabe „eine objektive Geschehensabfolge wiederzugeben“, wie es im Fall aller Nacherzählungen von Bildergeschichten gelte aus, um eine narrative Orientierung herzustellen. Demzufolge gehören die hier erhobenen Sprachdaten zur Klasse der Erzähltexte und können damit per se als narrativ gelten (vgl. hierzu auch Anstatt 2012). Da diese Zuordnung auf dem Kommunikationskontext und damit einer übersprachlichen Ebene beruht, bleibt die Frage unbeantwortet, ob sich narrative Texte durch spezielle zu beobachtende sprachliche Mittel auszeichnen. Hierfür muss entsprechend die konkrete sprachliche Realisierung als Ausgangspunkt genommen und überlegt werden, ob die sprachlichen Mittel Anhaltspunkte für eine narrative Interpretation liefern.

Bei dieser Frage wird oft die Unterteilung in eine Makro- und eine Mikrostruktur eines Narrativs angesetzt. Die Makrostruktur greift die Wechselbeziehung zwischen dem Skript und seiner Versprachlichung durch die Narration auf. Dem Akt des Erzählens muss eine Auswahl der zu erzählenden Ereignisse, Zustände, Emotionen etc. und ihre Anordnung zueinander (chronologisch, kausal oder anderweitig) vorangehen. Mit anderen Worten: Es muss eine Kohärenz (= Sinnzusammenhang) auf inhaltlicher Ebene hergestellt werden, die als Ausgangspunkt der Narration dient, sich in ihr in sprachlicher Form manifestiert (Kohäsion = formale Mittel, die den Textzusammenhang in einem grösseren Gebilde anzeigen, wie bspw. Koreferenzen, Konnektoren, Konjunktoren) und somit zur weiteren Analyse zur Verfügung steht (für Kohärenz und Kohäsion vgl. Musan 2022). Damit wird das Auftreten von kohäsiven sprachlichen

Mitteln zu einem Merkmal narrativer Texte. Dies wird durch den Ansatz der Konstruktionsgrammatik (vgl. Lasch, Ziem 2018) bzw. der Story Grammar (Stein, Glenn 1975) oder den Makropropositionen (Van Dijk 1980) hinsichtlich der versprachlichten Komponenten der Makrostruktur (in ihrer Gesamtmenge verstanden als „globale Bedeutung des Textes“, der sich aus der Summe der einzelnen makrostrukturellen Komponenten zusammensetzt [*ibid.*]) ergänzt. Aus der Versprachlichung dieser makrostrukturellen Komponenten kann das Verständnis der zu Grunde liegenden Zusammenhänge im Skript bzw. damit das Skript aus der Narration abgeleitet werden. Diese Komponenten repräsentieren damit die innere Struktur der Narration (Auswahl der Komponenten und ihre chronologische und kausale Anordnung) bzw. dessen, was sich der Produzent als Ausgangspunkt seiner Narration auswählt. Damit sind also nicht willkürliche Ereignisse oder Verläufe gemeint, sondern ihre gezielte Anordnung zueinander, die sich durch verbale Mittel ausdrückt, wie z.B.

- (1) Die Vogelkinder waren hungrig, also flog die Mutter los, um Essen für die Kleinen zu suchen.

Hier lassen sich eine Ausgangslage (später Internal State) (*hungrige Vogelkinder*), ein Ziel (= Goal) (*Essen suchen*) und ein Versuch (= Attempt), dieses Ziel zu erreichen (*losfliegen*) zu Grunde legen, die versprachlicht werden und in ihrer Chronologie und Kausalität markiert werden (Kausalität bspw. durch *also, um zu*; Chronologie durch die Anordnung der Prädikate, vgl. Lehmann, Hamburger Studiengruppe 1993).

Das in dieser Studie eingesetzte Datenerhebungsinstrument MAIN ist in diesem makrostrukturellen Framework (vorrangig nach dem Story Grammar Modell Stein, Glenn 1975) angesiedelt (vgl. Gagarina *et al.* 2019b). Nach diesem Ansatz besteht die Makrostruktur eines Narrativs aus einem Setting (in dem typischerweise Ort und Zeit angegeben werden) und mindestens einer, meist mehrerer Episoden, die ihrerseits aus fünf Komponenten besteht: einer einleitenden Komponente (= *internal state* = IS), die “an emotional or cognitive state that triggers or initiates the action itself” beschreibt (Gagarina *et al.* 2019a: 193) – im obigen Beispiel die hungrigen Vogelkinder, gefolgt vom sogenannten Kern, einem Cluster, das aus dem (*goal* = G) (was der Protagonist tun möchte – im obigen Beispiel *Essen suchen*), dem Versuch, das Ziel zu erreichen (*attempt* = A – im obigen Beispiel das Losfliegen), und dem am Ende erzielten Ergebnis (*outcome* = O) besteht. Dieses Cluster wird von einem zweiten „inneren Zustand“ (*internal state*) abgeschlossen, der den Zustand des/der Protagonisten nach Erreichen des Ziels widerspiegelt (vgl. Gagarina *et al.* 2019a: 192). In der Narration lässt sich untersuchen, ob auf diese sechs unterschiedlichen makrostrukturellen Komponenten verwiesen wird, in welcher sprachlichen Form dies geschieht und wie sie sprachlich zueinander in Relation gesetzt werden. Dabei tritt für eine rein makrostrukturelle Analyse die Art der sprachlichen Realisierung in den Hintergrund, relevant ist lediglich, dass aus der Versprachlichung der Bezug zur jeweiligen Komponente ersichtlich wird. Auf diese Weise zeigt sich die

Makrostruktur zwar in der sprachlichen Form, hängt aber nicht von einer konkreten Ausgestaltung ab. Dies erlaubt eine sprachenübergreifende Analyse der Makrostruktur von Narrativen. Vor diesem Hintergrund lässt sich auf Ebene der Makrostruktur das Auftreten (Verbalisierung) von makrostrukturellen Komponenten als narratives Merkmal ansetzen, was für diesen Artikel gilt.

Auf der mikrostrukturellen Ebene wird die konkrete Form der sprachlichen Umsetzung relevant, da es hier um die Auswahl konkreter sprachlicher und damit auch einzelsprachlicher Mittel, wie bspw. die bereits genannten kohäsiven Mittel oder die temporalen Bezüge geht. Grundsätzlich können hier sprachliche Mittel auf allen Sprachebenen betrachtet und hinsichtlich ihrer Rolle innerhalb der Narration analysiert werden. Ist über die Analyse ersichtlich, dass sie in der konkreten Narration (in jeweils zu definierender Art und Weise) relevant sind, können sie als narrative Merkmale in dem jeweiligen Kontext gelten (s.o. Relevanz des Kontextes). Die Auswahl der zu betrachtenden Einheiten sollte in Abhängigkeit von der Forschungsfrage und den Rahmenbedingungen der Narrative geschehen. Entsprechend sind die folgenden Ausführungen auf den Kontext dieser Studie fokussiert und beziehen zwei Aspekte ein. Zum einen handelt es sich um die bereits genannte und relevante Frage der temporalen Perspektive, die grundsätzlich für alle Formen von narrativen Texten als definitivisch herangezogen werden kann. Diese soll zum zweiten um die Aufnahme in die Analyse von lexikalischen Mitteln ergänzt werden, die Hinweise darauf geben können, inwiefern der/die Sprecher*in die Aufgabe als narrativ verstanden, konzipiert und sprachlich umgesetzt hat und zugleich durch ihr Auftreten beim Rezipienten eine narrative Lesart hervorrufen können. Dies sind typische Wendungen (narrative Formeln), die als einleitende Worte eine Erzählung markieren, wie dt. *Es war einmal* oder auch temporale Verweise wie *damals, an jenem Morgen* und deren Auftreten darauf schliessen lässt, dass der/die Sprecher*in sich von der Bildvorlage löst und eine eigens komponierte Narration anstrebt. Diese Wendungen übernehmen eine besondere Funktion in der Narration und können daher als narrativ gelten. Gegensätzlich können direkte Verweise auf die zu Grunde liegenden Bilder wie in:

- (2) Ich sehe einen Baum und auf diesem Baum ist ein Nest.

als nicht narrativ (sondern deskriptiv) angesehen werden, weswegen ihr Auftreten ein Indikator für eine nicht narrative Lesart/Konzeption ist. Sie weisen damit im Gegenteil nicht narrative Funktionen auf.

Wie bereits in diesen Beispielen anklingt, sind diese Wendungen nicht von der temporalen Perspektive zu trennen, sondern ergänzen sie vielmehr auf der lexikalischen Ebene. Dies entspricht dem von Lehmann (2012; 2013) dargestellten Ansatz der von ihm sogenannten mikrostrukturellen Narrativität, die die Verwendung grammatischer und lexikalischer Einheiten in narrativen Redepassagen in den Mittelpunkt stellt. Redepassagen werden anhand der dominanten Referenzzeit der

Prädikate in sprechzeitbezogene, omnitemporale, atemporale und narrative Redetypen unterteilt. Für narrative Fragestellungen ist vor allem die Unterscheidung zwischen narrativen und sprechzeitbezogenen Redetypen relevant. Ein Sprechzeitbezug liegt vor, wenn die Situation des Sprechens deckungsgleich mit der Wahrnehmungszeit der entsprechend parallel ablaufenden Ereignisse und Verläufe ist und auf sie Bezug genommen werden kann, was sich in der verwendeten (Temporal)Deixis zeigt (dies ist in den o.g. Beispielen hinsichtlich der Verweise auf die Bilder sichtbar). In Passagen mit einem narrativen Redetyp geschieht hingegen eine Enthebung der Erzählsituation von der erzählten Welt, womit sich eine andere Orientierung einstellt, die kognitiv hergestellt werden muss. Die erzählten/zu erzählenden Ereignisse werden in ihrer Abfolge zu einem gedachten/subjektiven Jetzt (auch Psychisches Jetzt als kognitive Größe bzw. neuropsychologisches Phänomen zurückgehend auf Pöppel 1987) in Relation gesetzt und vergegenwärtigt (vgl. Lehmann 2012: 179). Der Erzähler regelt die chronologische Organisation, im Text entsteht eine Zeitachse, auf der sich die erzählten Vorgänge und Zustände als Konfigurationen (Sequenz, Parallelismus, Inzidenz und taxische Konizidenz) anordnen lassen und bei der Rezeption als in Relation zueinanderstehend (vorzeitig, gleichzeitig, nachzeitig sowie episodisch oder nicht) wahrgenommen werden. Hierfür werden sprachliche, z.B. grammatische (wie Aspekt oder Tempus) und auch lexikalische Mittel (Verblexeme, lokale und temporale Verweise) eingesetzt, die um nichtsprachliches Weltwissen und die Abfolge der Prädikate ergänzt wird (ebd.: 172ff.). So entsteht ein von der Sprechzeit unabhängiges Zeitnetz, basierend auf Prädikaten, zwischen denen taxische Relationen bestehen (ebd.: 181). Ab welchem Moment genau ein solches Zeitnetz entsteht, ist nach Lehmann (ebd.: 182) psycholinguistisch zu beantworten und fällt mit dem Moment zusammen, wenn Sprecher*in bzw. Hörer*in ein solches Zeitnetz wahrnehmen. In der Folge bedeutet dies, dass ein Übergang angesetzt werden muss zwischen der sprechzeitbezogenen und der narrativen Referenzzeit und für ihre jeweilige Analyse Operationalisierungen genannt werden müssen. Als Anhaltspunkte nennt Lehmann (ebd.) zum einen die einzelsprachliche Konvention der Verwendung von deiktischen und narrativen Tempusformen, zum zweiten eben jene bereits erwähnten sprachlichen Marker: „Typische Wendungen triggern sofort eine narrative Interpretation eines Textes, z.B.: *eines Tages, an jenem Morgen, es war einmal*“ (Lehmann 2012: 182). Entsprechend ist in diesem Ansatz die Möglichkeit angelegt, Redepassagen innerhalb eines Textes auf ihre jeweiligen sprachlichen Merkmale zu untersuchen und für diese festzulegen, ob sie eine narrative oder deiktische Ausprägung haben. Operationalisiert für den Kontext dieser Studie soll hierfür die Verwendung der jeweiligen sprachspezifischen Tempusformen als Indikator herangezogen werden (s.u.) und dies durch die o.g. lexikalischen Mittel (narrative Formeln und Verweise auf Bilder) ergänzt werden.

Wenn nun die ausgeführten theoretischen Hintergründe zu den drei Teilbereichen zusammengeführt werden, geht es hier um folgende Schnittmenge:

Es soll untersucht werden, inwiefern in russisch- und deutschsprachigen Narrativen von Personen mit Russisch als Herkunfts- und Deutsch als Umgebungssprache Variationen auftreten, die auf unterschiedlichen Ebenen betrachtet und verglichen werden können. Diese Variationen beziehen sich dabei zum einen auf die bislang ausgeführten narrativen Merkmale (also Auftreten von makrostrukturellen Komponenten, Tempusformen und Verwendung von lexikalischen narrativen resp. deskriptiven Mitteln). Zum zweiten ist es eine weitere Klasse an möglichen Variationen, die durch das spezifische Studiendesign hervorgerufen werden können. Dies betrifft die Manipulation im Kommunikationskontext durch die Aufgabe, die Narrative an zwei unterschiedliche Adressaten zu erzählen. Da es sich in dem einen Fall um einen kindlichen (und imaginierten) Adressaten handelt, wird der Kontext der Kindgerichteten Sprache aktiviert, was zu entsprechenden sprachlichen Variationen zwischen den beiden Narrativen eines*r Sprechers*in führen kann. Aus dem Bereich der möglichen Variationen soll hier – basierend auf den Ergebnissen der russischen Daten (vgl. Stin 2022 und Karl, Stin in Vorbereitung) – stellvertretend das Vorkommen von Diminutiven in den russischen Daten betrachtet und vergleichend untersucht werden, ob in Abhängigkeit vom Adressaten Variationen zwischen den beiden Narrativen auftreten. Ein dritter Bereich an Variation ergibt sich durch die Auswahl der zwei Sprachen und sprachlichen Kontexte, vertreten in den Sprecher*innengruppen mit 1) Russisch als Erstsprache (= L1-Sprecher*innen / L1-Kontext), 2) Deutsch als Erstsprache (gleichermaßen = L1-Sprecher*innen / L1-Kontext) und 3) Russisch als Herkunfts- (= HKS-Kontext) und Deutsch als Umgebungssprache (= UGS-Kontext). Aus der Perspektive des Sprachvergleichs kann sich eine Vielzahl an Variationen zwischen den Narrativen ergeben, die auf allen sprachlichen Ebenen und vergleichend in allen Kontexten untersucht werden kann. Neben der Systemebene (wie bspw. welche Kategorien sind in den Sprachsystemen angelegt) ist es ebenfalls die Ebene der Sprachverwendung (wie bspw. Frequenzen von Kategorien) oder auch des umfassenderen sprachlichen Diskurses (bspw. der Diskurs rund um Fragen des sprachlichen Genders), deren Spuren jeweils in Narrativen nachgegangen werden kann. Dies kann durch den Vergleich des L1- vs. HKS-Kontextes um alle bekannten Transferphänomene – Code-Switching, Entlehnungen, Kalkierungen und weitere unter dem bekannten Begriff von „matter vs. pattern borrowings“ (Matras, Sakel 2007; Sakel 2007) zusammenzufassende Phänomene – erweitert werden. Diese sind in den hier vorliegenden Narrativen ebenfalls zu finden, stehen in dieser Ausführung jedoch nicht im Fokus. Aus der Summe aller Möglichkeiten sollen hier sprach- und kontextvergleichend die Tempusformen sowie im russischen L1- vs. herkunftssprachlichen Kontext die Diminutivformen jeweils auf Verwendungsebene analysiert werden.

Diese durch die genannten drei Gründe hervorgerufenen Variationen sollen im Folgenden aus interindividueller Perspektive betrachtet und damit die Narrative der drei genannten Sprecher*innengruppen (insgesamt 65 Personen und 170 Narrative) verglichen werden.

3. Methodisches: Design, Proband*innen und Auswertung

Für die hier relevante Fragestellung wurden Narrative analysiert, die mit Hilfe des Erhebungsinstruments MAIN im Rahmen einer umfangreicheren Studie erhoben wurden. Es fließen Daten von insgesamt 65 Proband*innen ein, die sich den drei Sprecher*innengruppen (Russisch/Deutsch L1, Russisch HKS und Deutsch UGS) zuordnen lassen. Im Rahmen einer schriftlichen Befragung wurden biographische Daten, inkl. Bildungshintergrund, Lebenssituation und Alter von allen Personen erfragt, die HKS-Personen haben zusätzlich den Fragebogen zum Bilingual Language Profile (Birdsong *et al.* 2012) für Deutsch-Russisch ausgefüllt, der hier als Grundlage für eine zusammenfassende Darstellung ihres Hintergrundes hinsichtlich selbsteingeschätzter Sprachverwendung und Sprachkompetenzen dienen soll¹.

Die Proband*innen der beiden L1-Gruppen sind hinsichtlich Alter, Bildungshintergrund und Lebenssituation als sehr homogen anzusehen: Sie sind alle zwischen 20 und 25 Jahre alt, befinden sich nach abgeschlossener Schulausbildung in der weiterführenden Berufsausbildung bzw. Studium, sind meist in Teilzeit beschäftigt und haben noch keine Kinder. Zudem haben sie alle die jeweilige Sprache als L1 in einer entsprechend gleichsprachigen Umgebung erworben, ebenso fand die Schulausbildung in dieser Sprache statt.

Die HKS-Proband*innen sind überwiegend (19 von 25 Personen) direkt vergleichbar, sechs von ihnen weichen in der Altersspanne ab (28, 29, 33, 35, 38 und 40 Jahre alt), vier davon sind bereits berufstätig. Hinsichtlich ihres herkunftssprachlichen Hintergrundes ist die Gruppe in sich vergleichsweise homogen: Alle sind mit Russisch seit der Geburt als Familiensprache in Kontakt, haben Deutsch überwiegend (21 von 25) von frühester Kindheit an (< 2) erworben (die restlichen < 5) und ihre Schulausbildung fand auf Deutsch statt. Sie sprechen alle Russisch in der Familie mit ihren Eltern/Geschwistern und verwenden die Sprache aktuell in ihrem Alltag (zu unterschiedlichen Prozentzahlen, aber alle geben an, Russisch wöchentlich mindestens mit der Familie und sich selbst, meist auch mit Freunden, teils im weiteren Kontext zu verwenden). Hinsichtlich der selbst eingeschätzten Sprachkenntnisse (Abfrage der einzelnen Kompetenzbereiche und Einschätzung auf einer Likert-Skala) zeigt sich das aus der Herkunftssprachenforschung bekannte Bild (Cantone, Olfert 2015): Deutsch als Umgebungssprache wird als dominantere Sprache wahrgenommen, was sich in den hohen Werten (und relativ gesehen höheren als für Russisch) in allen Kompetenzbereichen zeigt. In den rezeptiven Bereichen (Lesen und Verstehen) sowie im Sprechen wurden durchweg die Höchstwerte (= 6) vergeben, im Schreiben liegen die Werte zwischen 5 und 6. Im Vergleich dazu ist die Einschätzung für das Russische

1 Da diese Auswertung nicht im Fokus des Artikels liegt und die Werte lediglich als Hintergrundinformation für die folgende Analyse angegeben werden, muss hier auf eine detaillierte Auswertung mit Angabe aller Werte und entsprechender Gewichtung verzichtet werden.

heterogener und spiegelt auch hier das beschriebene Bild aus der Forschung wider (vgl. Karl 2022): Hier werden die mündlichen Bereiche besser als die schriftlichen, gestaffelt nach Rezeption vs. Produktion eingeschätzt. Verstehen erhält die höchsten Werte (5–6), gefolgt vom Sprechen (4–6, überwiegend 4 und 5) und Lesen (3–5, überwiegend 3 und 4), mit deutlichem Abstand zum Schreiben (1–4). Hinsichtlich der Relation der Sprachen und Kompetenzbereiche zueinander schneidet ebenfalls das Deutsche besser ab, lediglich bei acht Proband*innen erhalten die Fähigkeiten im Verstehen und bei drei im Sprechen in beiden Sprachen die gleichen Werte (= 6).

Hinsichtlich der Kompetenzen im Deutschen schätzt sich die Gruppe erwartungsgemäss hoch ein (vgl. Cantone, Olfert 2015), woraus sich die Hypothese ableiten lässt, dass auch die narrativen Sprachdaten im Deutschen denen von L1-Sprecher*innen gleichen. Bezüglich des Russischen ist festzuhalten, dass zwar eine Diskrepanz zum Deutschen wahrgenommen wird, das Russische aber im Vergleich zu in der Forschung beschriebenen Kompetenzgraden (vgl. v.a. die Gruppe der rezeptiven Bilingualen) vergleichsweise gut eingeschätzt wird, speziell in der hier relevanten Kompetenz des Sprechens. Es ist damit also eine Gruppe an Sprecher*innen, die sich insgesamt auf der Skala eher im oberen Sprechkompetenzbereich selbst einstuft – unter Berücksichtigung individueller Abweichungen. Dies liegt sicherlich an der Selbstselektion des Samples: In der Ausschreibung zur Teilnahme an der Studie wurde dargestellt, dass in beiden Sprachen Geschichten erzählt werden sollen. Entsprechend ist davon auszugehen, dass sich nur die Personen als Proband*innen zur Verfügung stellen, die sich selbst zutrauen, auch auf Russisch Geschichten erzählen zu können. Damit sind diese Proband*innen keineswegs (allein auch schon auf Grund der geringen Anzahl) als repräsentativ für die gesamte Gruppe russischsprachiger Herkunftssprecher*innen anzusehen, sondern die Ergebnisse in diesem umrissenen Kontext zu deuten.

Alle Proband*innen durchliefen mündliche Tests in einem stets gleich ablaufenden Design (für eine detailliertere Darstellung vgl. Karl unter Begutachtung a). Dafür trafen sie sich mit einer*m Versuchsleiter*in mit der jeweiligen Sprache als L1² in einem virtuellen Raum und absolvierten unterschiedliche Aufgaben, darunter jene, direkt zu Beginn des Treffens eine Bildergeschichte einem Erwachsenen (der Interviewperson) und eine zweite am Ende des Treffens (nach ca. 45–90 Minuten) einem imaginierten Kind zu erzählen. Für den L1-Kontext wurden die sog. Baby-Geschichten aus dem MAIN-Setting eingesetzt (Baby Bird und Baby Goat), von diesen Proband*innen liegen entsprechend je zwei Narrative vor. Im HKS-Setting trafen sich die Proband*innen an unterschiedlichen Tagen (meist lag über eine Woche, z.T. deutlich mehr zwischen den Treffen) mit zwei Testleiter*innen und durchliefen die Testung in beiden Sprachen. Entsprechend kamen alle vier MAIN-Geschichten (zusätzlich die Cat und Dog-Geschichten) zum Einsatz. 15 von ihnen erzählten dabei die Baby-Geschichten auf Russisch (wodurch sich der entsprechende Abgleich mit den russischen L1-Daten erlaubt), 10 auf Deutsch. In allen

2 Ich danke Aldona Rzitki, Milena Ploch, Georg Stin, Natalia Zohhova sowie Jana Galliker und Beda Ackermann.

Fällen wurde die Testung erst auf Russisch durchgeführt, da auf Grundlage der bereits zitierten Forschung davon ausgegangen wurde, dass Deutsch die dominante Sprache ist und sich eine vorherige Testung auf die nicht dominante Sprache Russisch stärker auswirken würde als andersherum. Die Reihenfolge der Geschichten (also erst Cat, dann Dog oder andersherum) und damit auch die Zuordnung der Geschichten zum entsprechenden Adressaten innerhalb einer Sprache variierte dabei. Das Design sah damit eine doppelte Erhebung mit den HKS-Personen vor, das allerdings nicht mit allen 25 Personen umgesetzt werden konnte. Von 20 von ihnen (mit jeweils 10 auf Russisch und 10 auf Deutsch erzählten Baby-Geschichten) liegt der komplette Satz von vier Narrativen vor. Dies führt dazu, dass in die Gesamtauswertung in einigen Fällen die Daten von 25 Personen, in anderen von 20 Personen aufgenommen werden. Im Anschluss an die letzte Testung fand eine kurze mündliche Befragung zur Testung selbst statt, in der die Einschätzung der Proband*innen hinsichtlich des Schwierigkeitsgrades der Testungen in den beiden Sprachen und der Unterschiedlichkeit der Aufgabe, die Geschichten an unterschiedliche Adressaten zu erzählen erfragt wurde.

Zusammengenommen fließen damit 170 Narrative von 65 Personen in diese Auswertung ein. Die Narrative wurden von Erstsprecher*innen transkribiert und anschließend hinsichtlich der oben genannten sprachlichen narrativen Merkmale ausgewertet. Für die Auswertung der Versprachlichung von makrostrukturellen Komponenten wurde dem MAIN-Protokoll gefolgt (vgl. Gagarina *et al.* 2019b), dem zu Folge für jedes Vorkommen ein Punkt vergeben wird. Dies ermöglicht die Identifizierung aller realisierten Komponenten sowie einer Gesamtpunktzahl (maximale Punktzahl = 17) für jedes Narrativ, was wiederum Ausgangspunkt für entsprechende Vergleiche ist. 10% aller Narrative wurden rekodiert, die Interrater-Übereinstimmung lag bei 93,5%.

Zusätzlich dazu wurden alle Tempusformen in den Narrativen ausgewertet und ein überwiegend verwendetes Tempus pro Narrativ ermittelt (vgl. hierfür auch das Vorgehen von Anstatt 2012). Ebenso wurde für alle Narrative die Versprachlichung von narrativen Formeln und alle Verweise auf Bilder kodiert sowie für die russischsprachigen Narrative die Vorkommen von Diminutivformen vergleichend in den beiden Narrativen an die unterschiedlichen Adressaten ausgewertet. Dafür wurde die Software MAXQDA und Excel verwendet.

Die Narrative der beiden Gruppen der Erstsprachsprecher*innen wurden für Publikationen (Karl unter Begutachtung a & b) bereits ausgewertet, die Ergebnisse dargestellt und diskutiert. In der Analyse hier werden diese ebenfalls verwendet und als Grundlage für den Transfer in den herkunftssprachlichen Kontext genutzt.

4. Analyse

In diesem Abschnitt sollen die Ergebnisse präsentiert werden, die sich hinsichtlich des Auftretens von Variationen in den Narrativen in Abhängigkeit vom Adressaten und den betrachteten Sprecher*innengruppen aus der gruppenvergleichenden Perspektive zeigen. Hierfür werden zunächst die Vorkommen der makrostrukturellen Komponenten

in den an Erwachsene vs. an Kinder adressierten Narrativen vergleichend dargestellt. Dem schliesst sich die Darstellung der Tempusformen, der Verwendung von narrativen Formeln und Verweise auf Bilder sowie eine Analyse der Vorkommen von Diminutivformen in den russischsprachigen Narrativen an.

Um im Folgenden der Analyse besser folgen zu können, soll hier ein exemplarisches Transkript eines russischsprachigen, an ein Kind adressierten Narrativs einer Person mit Russisch als HKS³ (und die sinngemässe Übersetzung) angeführt und die im Folgenden analysierten Merkmale markiert werden. Dieses Beispiel kann für alle folgenden Analyseblöcke herangezogen werden.

- (3) **Жили-были** два птенца и мама-птичка. Она прилетела и покормила своих птенчат. **Они жили на дереве** на большом зеленом, и так далее. Мать покормила своих птенцов и **решила еще че-то поискать, чтоб их покормить** и **улетела**. В это время большая злая **кошка это увидела**, что мать улетела, и **решила этим воспользоваться**. Она увидела, что **мать прилетела обратно и кормит** своих детей. В это время кошка решила воспользоваться ситуацией и **залезла на дерево**. Она одного маленького птенца **зацепила**, покамест мать не видела, че *происходит*. В это же время и собака подошла. Она это все увидела и **очень рассердилась**. **Собака подпрыгнула, и зацепила кошку за хвост** и **стянула кошку с дерева**. При этом птенцам ниче не случилось. Собака вовремя спасла семью **птичек**. Собака стянула кошку и прогнала ее дальше. **Кошка в испуге очень сильно**. Ну, кошка сильно испугалась и убежала. *А собака – за ней.*

- (3') Es waren einmal zwei Küken und eine Vogelmutter. Sie flog herbei und fütterte ihre Küken. Sie lebten in einem großen grünen Baum und so weiter. Die Vogelmutter fütterte ihre Küken und beschloss, noch etwas zu suchen, um sie zu füttern, und flog weg. Zu dieser Zeit sah eine große, böse Katze, dass die Mutter weggeflogen war, und beschloss, dies auszunutzen. Sie sah, dass die Mutter zurückgeflogen war und ihre Jungen füttert. Da beschloss die Katze, die Situation auszunutzen und kletterte auf den Baum. Sie schnappte sich ein kleines Küken, während die Mutter nicht sah, was vor sich geht. Zur gleichen Zeit kam ein Hund. Er sah das alles und wurde sehr wütend. Der Hund sprang hoch, packte die Katze am Schwanz und zog die Katze vom Baum herunter. Dabei ist den Küken nichts passiert. Der Hund rettete die Vogelfamilie gerade noch rechtzeitig. Der Hund zog die Katze herunter und jagte sie weg. Die Katze ist im grossen Schreck. Nun, die Katze war sehr erschrocken und lief weg. Und der Hund ihr hinterher.

3 Es wurde dabei bewusst ein Narrativ ausgewählt, das möglichst aussagekräftig v.a. hinsichtlich der Makrostruktur ist. Es handelt sich dabei im Gruppenvergleich um eines der ausführlichsten und weist am wenigsten Transfererscheinungen und Diminutive auf. Insgesamt kann es damit nicht als prototypisch für die HKS-Gruppe angesetzt werden, die – erwarteterweise – ein breites Spektrum an Länge und Transferphänomenen zeigt. Eine Detailanalyse der HKS-Narrative inkl. ihrer Heterogenität kann hier nicht erfolgen, ist aber in Planung.

In diesem Beispiel steht gelb markiert zu Beginn eine einleitende **narrative Formel**, **Diminutive** (hier zwei) sind hellgrün markiert, alle nicht markierten Verbformen (und damit die grosse Mehrheit) sind präterital, Abweichungen sind *kursiv* gesetzt (hier 4). Dort sind präsentische Formen (z.T. durch Nullkopula) zu sehen, die funktional zu erklären sind und zu keinem Wechsel in der Referenzzeit führen. Die anderen farblichen Markierungen zeigen die jeweiligen makrostrukturellen Komponenten an: Pink ist das allgemeine **Framing** (zu dem auch der einleitende Satz gezählt werden muss, hier 2); alle **Goals** sind blau (hier 2), die **Attempts** rot (hier 3), **Outcomes** grau (hier 3) und **Internal States** dunkelgrün markiert (die ersten zwei sind dabei Initial, das letzte ein Closing IS), Wiederholungen sind nicht doppelt markiert. Verweise auf Bilder sind an keiner Stelle zu finden. Ein Beispiel dafür wäre aus einem Narrativ adressiert an einen Erwachsenen:

(4) На левой картине мы видим три козы.

(4') Auf dem linken Bild sehen wir drei Ziegen.

4.1. Vorkommen von makrostrukturellen Komponenten

Für die Betrachtung der Realisierung der einzelnen makrostrukturellen Komponenten werden die Ergebnisse zu den jeweiligen L1-Sprecher*innen als Vergleichsgrundlage herangezogen und davon ausgehend betrachtet, wie sich die Narrative in den Sprachen zueinander und untereinander verhalten. Aus Gründen der direkten Vergleichbarkeit wurden hier nur die Narrative aus dem HKS- und UGS-Kontext aufgenommen, die hinsichtlich des Adressaten und der zu Grunde liegenden Bildergeschichte mit denen der L1-Sprecher*innen der jeweiligen Sprache identisch sind. Dies trifft auf 15 Personen, die die Baby-Geschichten auf Russisch und 10 weitere (aber andere) zu, die diese auf Deutsch erzählt haben. Da es sich hier um unterschiedliche und vergleichsweise niedrige N handelt, wird auf eine statistische Auswertung hinsichtlich Signifikanzen (wie sie im Fall der L1-Daten durchgeführt wurde) verzichtet, aber die jeweiligen Vergleichswerte (wie Mittelwert, Standardabweichung = StAb und Spannweite = Range) angegeben. Basierend auf den Erkenntnissen der L1-Daten, dass sich der Adressat auf die Makrostruktur der Narrative auswirkt, werden jeweils die unterschiedlich adressierten Narrative separat betrachtet.

Zunächst wird mit Hilfe der Tabelle 1 ein Überblick über die Gesamtwerte gegeben, diese sind nach den jeweiligen Sprachen gruppiert, in denen die Narrative erzählt wurden. Es werden erst die Ergebnisse aus dem L1-Kontext gefolgt vom UGS- bzw. HKS-Kontext der jeweiligen Sprache angegeben. In dieser Tabelle wird auf die Gesamtsumme aller versprachlichten makrostrukturellen Komponenten in den jeweiligen Narrativen verwiesen (damit ist es der durchschnittlich erreichte Mittelwert = story structure score). Der Maximalwert ist dabei 17, der bei der Versprachlichung

aller im Skript angelegten makrostrukturellen Komponenten erreicht werden kann. Zur Illustrierung verweise ich auf das obige Beispiel 3, in dem der Wert von 13 erreicht wurde.

Tabelle 1. Mittelwert, Standardabweichung und Spannweite der Vorkommen der makrostrukturellen Komponenten in den Narrativen nach Adressat und Sprachkontext.

Sprache der Narrative	Mittelwert Adressat Erwachsener	Mittelwert Adressat Kind	StAb Adressat Erwachsener	StAb Adressat Kind	Range Adressat Erwachsener	Range Adressat Kind
L1 Deutsch (N = 20)	10.7	12.55	1.418	1.669	9 – 13	9 – 16
UGS Deutsch (N = 10)	9.7	12	2.002	0.942	6 – 12	11 – 14
L1 Russisch (N = 20)	11	11.95	2.052	1.791	6 – 14	9 – 16
HKS Russisch (N = 15)	9.8	11.3	2.474	2.219	4 – 13	6 – 14

Diese Werte zeigen hinsichtlich der Realisierung der makrostrukturellen Komponenten in Abhängigkeit vom Adressaten das folgende Bild: Der Mittelwert der Narrative adressiert an Kinder ist in allen Kontexten höher, was sich ebenfalls in den erzielten Spitzenwerten (Spannweite) spiegelt. Damit kann die bereits beschriebene Variation (sichtbar in dem Unterschied zwischen den Mittelwerten) in der Makrostruktur, die durch den Wechsel des Adressaten hervorgerufen wird, als übergreifendes Phänomen benannt werden, das ebenfalls den herkunftssprachlichen Kontext inkludiert.

Bei genauerer Betrachtung der einzelnen Kontexte und ihrem Vergleich untereinander ergeben sich dabei folgende Besonderheiten:

- Hinsichtlich der Werte für Deutsch in den beiden Kontexten ergibt sich ein in beiden Fällen stark ausgeprägter und untereinander vergleichbarer Unterschied zwischen den zwei Narrativen hinsichtlich des Adressaten. Für den Kontext mit Deutsch als L1 zeigt sich dieser in einer Differenz im Mittelwert von 1.85 Punkten (die Signifikanzprüfung in Karl unter Begutachtung a ergab hier einen statistisch relevanten Unterschied), für Deutsch als UGS liegt dieser im gesamten Vergleich am höchsten mit 2.3 Punkten Differenz. Zugleich fällt im UGS-Kontext auf, dass die Narrative an Kinder die mit Abstand niedrigste Standardabweichung aufweisen. Im Vergleich der beiden deutschen Kontexte untereinander sind die Werte im L1-Kontext leicht höher.

- Die Daten für Russisch weichen davon in zwei Punkten ab:
 - o Die Differenz zwischen den Narrativen im L1-Kontext ist mit 0.95 Punkten gering ausgeprägt (vgl. für eine Diskussion der Gründe Karl unter Begutachtung a, die Differenz ist nicht signifikant). Im HKS-Kontext zeigt sich diese Differenz mit 1.5 Punkten, womit sie niedriger ist als in den deutschen Kontexten, aber ausgeprägter als im russischen L1-Kontext;
 - o Die Werte der Narrative adressiert an Kinder sind im russischen UGS-Kontext am niedrigsten und weisen zudem die höchste Standardabweichung auf.
- Im Vergleich der Daten im UGS- und HKS-Kontext zeigt sich, dass die Werte in den Narrativen adressiert an Erwachsene sehr ähnlich sind, wohingegen sich ein Unterschied bei den Narrativen adressiert an Kinder zeigt.

In der Zusammenführung lässt sich für den hier im Fokus stehenden HKS-Kontext festhalten, dass die Werte der auf Russisch erzählten Narrative adressiert an Erwachsene sowie die Differenz zwischen den Narrativen stärker vergleichbar mit den (in beiden Kontexten) deutschen Werten sind und sich damit ein Unterschied zu Russisch im L1-Kontext offenbart. Ein Unterschied zu allen anderen untersuchten Kontexten zeigt sich in den Kindergeschichten. Diese sind im russischen HKS-Kontext heterogener und niedriger.

4.2. Muster der Realisierung von makrostrukturellen Komponenten

Für einen genaueren Blick auf die makrostrukturellen Komponenten sollen in diesem Abschnitt ergänzend zu den Mittelwerten die Muster der Realisierung der einzelnen Komponenten im Vergleich betrachtet werden. Dafür wurden diese nach den Komponentenkategorien in den Narrativen ausgewertet und ihr Vorkommen visualisiert. Es handelt sich dabei um die fünf Kategorien, die in jeder der drei Episoden im Skript angelegt sind und entsprechend verbalisiert werden können. Dies sind die Internal States zu Beginn und am Ende einer Episode, die hier als Initiating IS und Closing IS bezeichnet werden, die Goals, Attempts und die Outcomes. In den zwei folgenden Darstellungen (Diagramm 1 für die Narrative adressiert an Erwachsene und Diagramm 2 an Kinder) sind alle Vorkommen aller insgesamt 15 Komponenten in den entsprechenden Narrativen abgetragen und dort nach den jeweiligen sprachlichen Kontexten und nach den Kategorien der Komponenten sortiert. Die Kategorien sind in sich nach ihrem Vorkommen im Narrativ angeordnet und spiegeln damit die Vorkommen in den Episoden 1–3 wider. Die Werte sind dabei gemittelt über alle Vorkommen in den entsprechenden Narrativen und sprachlichen Kontexten. Eine Komponente kommt jeweils in einer Episode einmal vor, damit bedeutet der Höchstwert von 1, dass alle Personen in der jeweiligen Episode und Narrativ diese Komponente verbalisiert haben, 0

entsprechend, dass es niemand versprachlicht hat. Lies für Diagramm 1: In der Kategorie der Outcomes wurde dieses in Episode 3 von allen Sprecher*innen aller Kontexte verbalisiert; Bei den Closing IS hat in Episode 1 keine Person im UGS-Deutsch-Kontext dieses versprachlicht.

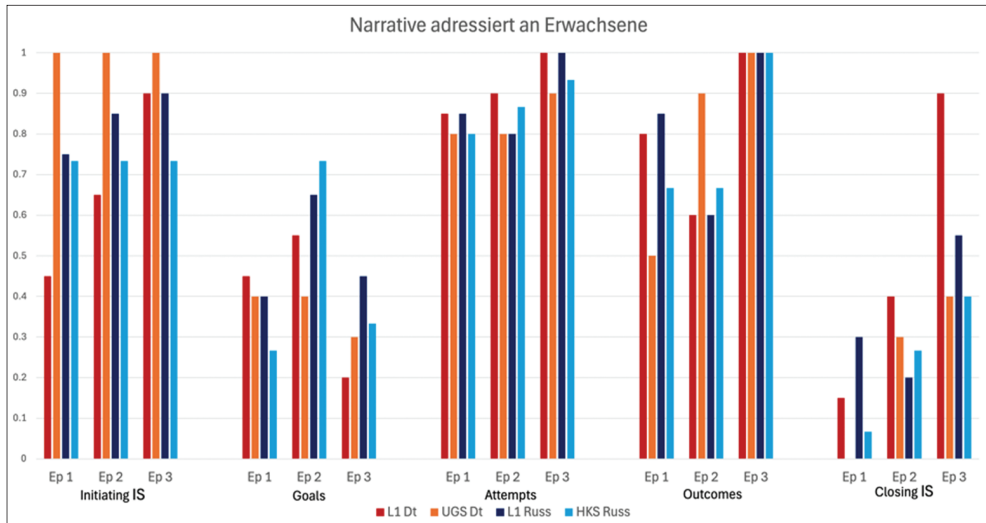

Diagramm 1. Vorkommen der makrostrukturellen Komponenten in allen Narrativen adressiert an Erwachsene, sortiert nach sprachlichem Kontext, Kategorien und Episoden.

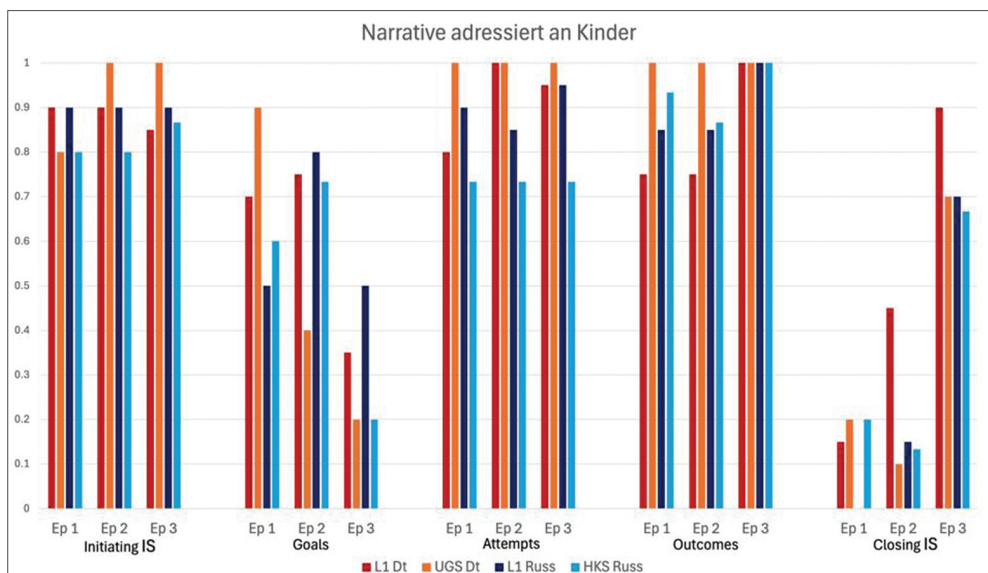

Diagramm 2. Vorkommen der makrostrukturellen Komponenten in allen Narrativen adressiert an Kinder, sortiert nach sprachlichem Kontext, Kategorien und Episoden.

Aus der detaillierten Analyse und Diskussion der Daten für den L1-Kontext für Russisch und Deutsch in Karl (unter Begutachtung a) haben sich drei Punkte als relevant hinsichtlich der Muster der Realisierung der makrostrukturellen Komponenten ergeben. Dies sind:

- Die Relevanz der Kategorie (= es kommt zu unterschiedlichen Mustern zwischen ihnen),
- Die Relevanz der Stellung innerhalb des Skripts (= es kommt zu unterschiedlichen Vorkommen in den drei Episoden),
- Der Wechsel im Adressaten bewirkt keine grundsätzliche Veränderung innerhalb der Muster, sondern in Hinblick auf die relativen Vorkommen.

Bezogen auf die hier vorliegenden Daten lässt sich für diese drei Punkte Folgendes festhalten:

- Zwischen den Kategorien zeigen sich übergreifend Unterschiede, diese sind:
 - o Attempts erzielen gemittelt die höchsten Werte, gefolgt von Outcomes und Initiating IS. Ihre Vorkommen zeigen sich dabei zwischen den sprachlichen Kontexten vergleichsweise homogen, Abweichungen davon sind im UGS-Deutsch-Kontext bei den Initiating IS in Narrativen an Erwachsene und im HKS-Russisch-Kontext bei den Attempts in Narrativen an Kinder zu sehen;
 - o Goals und Closing IS weisen ein heterogeneres Bild mit geringeren Werten und stärkeren Unterschieden zwischen den Gruppen, Adressaten und den Episoden auf.
- In den Episoden zeigen sich Unterschiede in den Vorkommen der Komponenten, was sich besonders deutlich in den erhöhten Werten für die Closing IS und Outcomes in der 3. Episode zeigt. Eine solche Kulmination der Vorkommen innerhalb des Narrativs lässt sich ebenfalls für einzelne Kategorien, sprachliche Kontexte und Adressaten festhalten:
 - o Bei den Initiating IS zeigt sie sich in den Narrativen an Erwachsene in allen Kontexten ausser denen mit UGS-Deutsch (da sie dort bereits von Beginn an die Höchstwerte erreichen), hingegen in denen an Kinder schon;
 - o Bei den Attempts zeigt sie sich in den Narrativen an Erwachsene in allen sprachlichen Kontexten, bei denen an Kinder kommt es zu Unterschieden;
 - o Bei den Goals gibt es die grössten Abweichungen: Diese zeigen entweder einen Peak in Episode 2 oder eine Abnahme im Lauf des Narrativs.
- Die grundsätzliche Verteilung der Vorkommen auf die Kategorien und Episoden stellt sich nur in einzelnen Fällen als unterschiedlich zwischen den Narrativen an die beiden Adressaten dar. Allgemein erhöhen sich die Vorkommen über alle Kategorien hinweg in den Narrativen an Kinder.

Bei genauerer Betrachtung der Daten der hier im Fokus stehenden Gruppe bilingualer Personen zeigt sich, dass in den UGS-deutschen Narrativen eine stärkere Tendenz

dazu besteht, einzelne Komponenten zu 100% zu realisieren, was sich in dem erzielten Höchstwert aller Initiating IS in den Narrativen an Erwachsene sowie in allen Attempts und Outcomes in denen an Kinder zeigt. Das sind genau jene Kategorien, die über alle sprachlichen Kontexte hinweg die höchsten Vorkommen haben und hier maximal aufgefüllt werden, verstärkt in den Narrativen an Kinder. Damit zeigen sie folglich kein grundlegend anderes Verhalten, sondern verstärken die angelegten Muster. Die Muster der Narrative adressiert an Erwachsene unterscheiden sich im HKS-Russisch-Kontext kaum von denen der entsprechenden Narrative aus den anderen Kontexten, die an Kinder hingegen schon: Die Attempts werden in allen Episoden weniger oft realisiert und erzielen im Vergleich zu allen anderen Kontexten und Narrativen die tiefsten Werte. Dies ist insofern als relevant anzusehen, als hier ein abweichendes Muster zu erkennen ist: Die Attempts sind die Kategorie, die im Mittel die höchsten Werte erhalten (vgl. Karl unter Begutachtung a, dort sind sie stabil auf dem ersten Platz).

4.3. Tempusformen

Hinsichtlich der überwiegend verwendeten Tempusformen in Narrativen ist bekannt, dass es sprachspezifische Muster gibt, die für Russisch und Deutsch jeweils gut beschrieben sind. Für Bildergeschichten ergibt sich in beiden Fällen die grundsätzliche strukturell angelegte Variation von sprachspezifischen narrativen Präteritalformen (also für das Deutsche Präteritum und Plusquamperfekt bei Vorzeitigkeit, für das Russische ohne formale Unterscheidung zwischen narrativer und deiktischer Funktion ebenfalls Präteritum) und Präsens. Dabei ist das Präsens funktional weiter zu untergliedern in eine deiktische Verwendung und eine narrative (s.o. die Unterscheidung zwischen den Redetypen). Dies ist mit Hilfe der Referenzzeit zu entscheiden, die hier verbunden mit dem Verweis auf Bilder bzw. narrativen Formeln angeschaut werden soll. Hier gilt als Operationalisierung, dass die präsentischen Formen, die in Verbindung mit Verweisen auf Bilder auftreten, mit der Rezeption und Beschreibung der Bilder verbunden sind und diese parallel zur Sprechzeit auftritt (womit wir in diesen Fällen eine deiktische Funktion haben), während die Verwendung von narrativen Formeln eindeutig auf eine narrative Funktion verweist. Alle unmarkierten Fälle gelten per Default als narrativ, womit ich der Argumentation von Anstatt (2012: 201) folge.

Innerhalb dieser systematischen Möglichkeit der Wahl zwischen Präsens und Präteritum gehen die beiden Sprachen allerdings gegensätzliche Wege hinsichtlich der präferierten Verwendung der Tempora in Bildergeschichten (vgl. hierfür Berman, Slobin 1994 und Anstatt 2012): Im Deutschen wird überwiegend Präsens mit einzelnen Abweichungen ins Präteritum verwendet, während im Russischen eindeutig das Präteritum präferiert wird, mit einzelnen Abweichung ins Präsens (dies wird häufig mit typologischen Unterschieden, vorrangig unter Rückgriff auf das russische Aspekt-Tempus-System erklärt, vgl. ebd.).

Diese Beschreibung gilt zunächst für den erstsprachlichen Kontext. Anstatt (2012: 200) übertrug dies in den bilingualen Bereich und konnte in Hinblick auf die Ontogenese der Tempusformen in Narrativen bei russisch-deutsch bilingualen Kindern nachweisen, dass diese „dieselben Tempuspräferenzen wie die erwachsenen Sprecher ihrer Sprache“ aufweisen.

Dieses Bild konnte in der detaillierten Analyse in Karl (unter Begutachtung b) durch den Einbezug der Rolle des Adressatenwechsels im L1-Kontext bei Erwachsenen für die beiden Sprachen verfeinert und gezeigt werden, dass in den dort betrachteten Sprachen (darunter auch Polnisch) ein Anstieg präteritaler Formen zu beobachten ist, wenn die Narrative an Kinder adressiert werden. Vor dem Hintergrund dieser Ergebnisse sollen hier nun die überwiegend vorherrschenden Tempusformen in den Narrativen der bilingualen Gruppe betrachtet werden. Dafür wurden diese in allen Narrativen ausgezählt und ein jeweils überwiegend verwendetes Tempus ermittelt (für ein Beispiel vgl. [3]). Im Vergleich mit den L1-Daten für Russisch und Deutsch zeigt sich das Bild im Diagramm 3, in dem diese Tempusformen prozentual für die jeweiligen sprachlichen Kontexte und die beiden Narrative (adressiert an Erwachsene links, an Kinder rechts) abgebildet sind (N = 20 für alle Gruppen ausser HKS-Russ = 25).

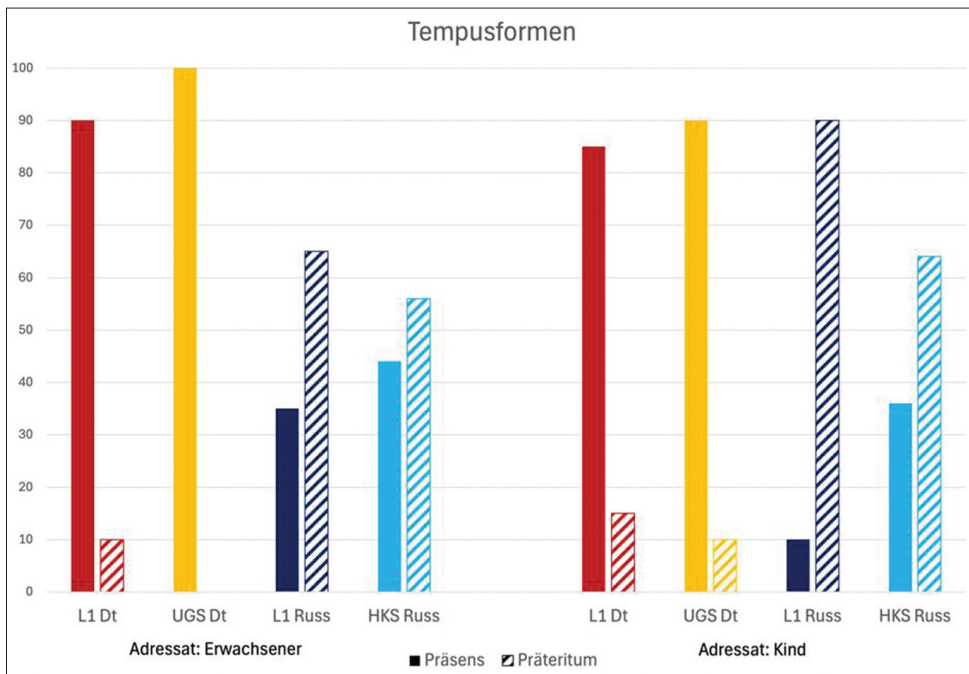

Diagramm 3. Überwiegend verwendete Tempusformen, sortiert nach sprachlichem Kontext und Adressat.

Aus dieser Darstellung werden die beschriebenen sprachlichen Unterschiede, sichtbar in den präferierten Tempusformen und dem Shift Richtung Präteritum in Narrativen

mit kindlichem Adressaten deutlich. Diese beiden allgemeinen Merkmale gelten dabei auch für den UGS-Deutsch und HKS-Russisch-Kontext: Für Deutsch ist die Präferenz des Präsens sichtbar, für Russisch die überwiegende Verwendung des Präteritums, in beiden Fällen mit einer höheren Anzahl an Narrativen im Präteritum, wenn sie an Kinder adressiert wurden. Damit wird das allgemeine Verhalten aus den Sprachen erkennbar, zugleich treten aber zwei wichtige Unterschiede auf:

- 1) Die UGS-deutschen Daten weisen eine höhere Verwendung der präferierten Tempusform Präsens auf (100% an Erwachsene, 90% an Kinder), sie verstärken damit also das Muster aus dem L1-Kontext;
- 2) Die HKS-russischen Daten weisen im Gegensatz dazu eine geringere Ausprägung des L1-Musters auf. In beiden Fällen ist zwar das Präteritum die überwiegend verwendete Form, erreicht aber im HKS-Setting jeweils nicht so hohe Werte (56% HKS zu 65% L1 an Erwachsene; deutlicher noch bei den Narrativen an Kinder mit 64% HKS zu 90% L1). Auch hier zeigt sich damit der grösste Unterschied in den HKS-russischsprachigen Narrativen adressiert an Kinder.

4.4. Verwendung von Verweisen auf Bilder/narrative Formeln

Der Blick auf die Verwendung von Verweisen auf Bilder gibt, wie oben beschrieben, Klarheit hinsichtlich der Frage nach der Referenzzeit präsentischer Formen. Tauchen sie auf, kann auf eine deiktische Ausrichtung in diesem Kontext geschlossen werden, tauchen sie nicht auf, kann per Default eine narrative Ausrichtung angesetzt werden. Letzteres wird verstärkt, wenn zusätzlich narrative Formeln zu Beginn der Erzählung eingesetzt werden. In die folgende Darstellung der Ergebnisse wurden alle Vorkommen von Verweisen auf Bilder sowie Verwendung von narrativen Formeln ausgewertet. Da narrative Formeln jeweils einmalig zu Beginn einer Geschichte auftreten, ist hier die Referenz jeweils ein Vorkommen eines/r Sprechers/in (s. Markierung in Beispiel [3]). Verweise auf Bilder (wie in [4]) geschehen hingegen innerhalb eines Narrativs z.T. häufiger. Deswegen werden hier zwei Werte angegeben: Der erste Wert zeigt die Anzahl an Personen an, bei denen sie grundsätzlich auftreten, der zweite verweist auf alle Vorkommen. Zur Erinnerung: Das Auftreten solcher Verweise zeigt an, dass in diesem Kontext (nach Lehmann 2012: in dieser Redepassage) entsprechend eine deiktische Referenzzeit angesetzt werden kann, dies bedeutet jedoch nicht, dass das gesamte Narrativ entsprechend deiktisch interpretiert werden sollte. Vielmehr gilt es andersherum: Für das Narrativ im Gesamten gilt die narrative Referenzzeit und damit auch für alle Redepassagen so lange, bis für einzelne Redepassagen das Gegenteil bewiesen ist. Damit sind also die Vorkommen hier als entsprechende Gegenbeweise nur für diese Redepassage zu deuten.

Tabelle 2 fasst die Ergebnisse für die sprachlichen Kontexte und Narrative nach Adressaten zusammen (N = 20 für alle Gruppen ausser HKS-Russ. = 25):

Tabelle 2. Verwendung von Verweisen auf Bilder bzw. narrative Formeln, nach sprachlichem Kontext und Adressat.

	Verweise auf Bilder	Narrative Formeln
L1 Dt. Adressat Erwachsener	5 (8)	1
L1 Dt. Adressat Kind	1 (1)	5
UGS Dt. Adressat Erwachsener	13 (15)	1
UGS Dt. Adressat Kind	5 (5)	5
L1 Russ. Adressat Erwachsener	2 (3)	4
L1 Russ. Adressat Kind	0	10
HKS Russ. Adressat Erwachsener	6 (9)	3
HKS Russ. Adressat Kind	5 (9)	6

Aus dieser Tabelle wird eine Variation ersichtlich, die auf den Wechsel des Adressaten zurückzuführen ist und sich in allen hier betrachteten Kontexten zeigt: In Narrativen adressiert an Erwachsene ist eine häufigere Verwendung von Verweisen auf Bilder zu finden als in solchen adressiert an Kinder, zugleich wächst die Zahl der narrativen Formeln in Narrativen an Kinder. Diese weisen damit also weniger deiktische und mehr narrative Redepassagen auf. Dieses grundsätzliche Muster ist damit als übergreifend zu identifizieren, weist allerdings bei einem genaueren Blick wieder einige Spezifika in und zwischen den Kontexten auf. Diese sind:

- Sprachspezifische Unterschiede zwischen allen russischen und allen deutschen Narrativen, die sich in einem höheren Vorkommen von Verweisen auf Bilder in deutschen und narrativen Formeln in russischen Narrativen zeigen;
- Kontextspezifische Unterschiede innerhalb der russischen und der deutschen Narrative und zwar:
 - o Höhere Vorkommen von Verweisen auf Bilder und von mehr Personen bei beiden Adressaten in den UGS-deutschen Narrativen, womit das L1-sprachliche Muster erneut verstärkt wird;
 - o Weniger Vorkommen von narrativen Formeln in den HKS-russischen Narrativen, womit das L1-sprachliche Muster erneut weniger ausgeprägt ist. Zugleich ist in diesem Kontext bei der Verwendung der Verweise auf Bilder der Unterschied zwischen den Adressaten nicht so ausgeprägt vorhanden wie in den anderen Kontexten, womit sich auch hier der Eindruck bestätigt, dass sich die Narrative an Kinder anders verhalten.

4.5. Diminutiva

Abschliessend soll ein gesonderter Blick auf die russischsprachigen Narrative gelenkt und dort das Vorkommen von Diminutiven betrachtet werden. Hier steht die Frage im Fokus, ob sich, hervorgerufen durch den Wechsel des Adressaten, vergleichend zwischen den Narrativen Unterschiede finden lassen. Der theoretische Ausgangspunkt hier ist, dass Diminutive bekanntermassen eine stilistische Färbung aufweisen und funktional entweder liebevoll oder abwertend wirken können (vgl. Švedova 1980: 172). Sie treten in liebevoller Verwendung vermehrt im familiären Kontext und in der Kommunikation mit Kindern auf. Im Kontext dieser Studie sind sie vor diesem Hintergrund von doppelter Relevanz. Zum einen wegen des experimentellen Aufbaus und der dort inkludierten Veränderung des Adressaten hin zu einem imaginären Kind, was für den/die Proband*in das Setting der Interaktion mit einem Kind aktiviert und daher auch zu einer entsprechenden sprachlichen Adaption in Hinblick auf Diminutive führen kann. Vor diesem Hintergrund lässt sich von der bereits oben benannten hervorgerufenen Variation durch das experimentelle Design sprechen. Ein Unterschied im Vorkommen von Diminutivformen in den Narrativen an die beiden unterschiedlichen Adressaten würde damit die grundsätzliche Fähigkeit von Sprecher*innen der jeweiligen Gruppe anzeigen, sich sprachlich an den jeweiligen Kommunikationskontext anzupassen. Dass Sprecher*innen mit Russisch als L1 eine solche Variation zeigen, hat Stin in einer Vorstudie (2022)⁴ und Karl und Stin (in Vorbereitung) in einer umfangreicheren Folgestudie gezeigt. Auf die dort erhobenen Daten wird hier vergleichend zurückgegriffen. Zum zweiten werden Diminutive relevant, da wir es bei der HKS-Gruppe mit Personen zu tun haben, die Russisch (wie in Abschnitt 3 dargestellt) überwiegend im familiären Kontext verwenden. Die Frequenz von Diminutiven hängt stark vom Kommunikationskontext ab (Voejkova 2020: 52) und bekommt im familiären Bereich eine besondere Relevanz. In der Forschung wird vielfach auf die Rolle von Diminutiven für den Spracherwerb verwiesen (vgl. etwa Kempe *et al.* 2007; Protassova, Voeikova 2007), was mit einem vermehrten Gebrauch von Diminutiven in der Kommunikation mit Kindern im Zusammenhang steht (Protasova 2001). Dies ist eben jener Kontext, in dem HKS-Russisch vermehrt gesprochen wird. Wenn eine Sprache überwiegend in einem Kontext (hier die familiäre Domäne) verwendet wird, werden manchmal sprachliche Charakteristika dieser Domäne auf den gesamten Sprachgebrauch verallgemeinert. Daraus würde folgen, dass die eigentlich domänenspezifischen Besonderheiten auch in Domänen auftreten, für die diese Besonderheit an sich nicht charakteristisch ist, womit in der Folge sprachliche Variation in Hinblick auf unterschiedliche sprachliche Funktionsbereiche weniger stark ausgeprägt wäre. In der Forschungsliteratur ist bereits beschrieben, dass Diminutive im Spracherwerb der

4 Es handelt sich dabei um 14 Personen mit Russisch als L1, die zu der Gesamtmenge der hier als Grundlage verwendeten Proband*innen gehören. Damit sind es die gleichen Personen, deren sprachliches Verhalten hier untersucht wird.

HKS-Russisch ebenfalls besonders relevant sind (Klassert 2011). Vor diesem Hintergrund stellt sich nun die Frage, wie Sprecher*innen des HKS-Russischen Diminutive in ihren Narrativen verwenden und ob ihre Verwendung eine Variation hinsichtlich des Adressaten aufweist.

Da aus den vorherigen Analysen sich als besonders interessanter Bereich die HKS-Narrative adressiert an Kinder herausgestellt hat (in dem Sinne, dass sich diese in den bislang betrachteten Merkmalen am stärksten von den anderen Gruppen unterscheiden), sollen speziell diese hier im Vordergrund stehen.

Die Analyse sah eine Auszählung aller Vorkommen von Diminutiven, die mit Hilfe von wortbildenden Affixen (wie *-k-*, *-ok-*, bzw. *-čk-*, *-ček-* u.a.) als solche markiert sind, in allen russischsprachigen Narrativen vor. Grundsätzlich kann dies auf alle Wortarten zutreffen, in den vorliegenden Narrativen betraf es ausschliesslich Substantive. Aus der Zählung wurden dabei die lexikalisierten Diminutivformen ausgeschlossen, die für die Benennung von Tieren (wie *koška*) oder kleinen Lebewesen (wie *rebenok* oder *kozlenok*) üblicherweise verwendet werden. Deren abgeleitete Diminutivformen (wie *košečka*, *rebenoček*, *kozlenoček*) wurden hingegen gezählt (vgl. hierfür Stin 2022: 18).

Die Auswertung ergab die folgenden in Tabelle 4 dargestellten Werte, die um die in Stin (2022) erhobenen Werte für Sprecher*innen mit Russisch als L1 ergänzt wurden. In ihr werden die Mittelwerte an Vorkommen von Diminutiven der jeweiligen Gruppe, die Standardabweichung und die Spannweite angegeben.

Tabelle 3. Vorkommen von Diminutivformen in den russischsprachigen Narrativen.

	Mittelwert	StAbw	Range
L1 Russ. Adressat Erwachsener (N = 14)	3.07	3.93	0 – 12
L1 Russ. Adressat Kind (N = 14)	5.36	4.94	0 – 18
HKS Russ. Adressat Erwachsener (N = 25)	5.35	2.99	1 – 11
HKS Russ. Adressat Kind (N = 25)	5.6	3.47	2 – 13

Wie bereits erwähnt, zeigen die russischsprachigen L1-Daten einen Unterschied in den Vorkommen von Diminutivformen in den beiden Narrativen in Abhängigkeit vom Adressaten. Der Unterschied mit einem erhöhten Vorkommen in den an Kinder adressierten Narrativen ist mit einem $p = 0.0089$ (gepaarter T-Test, zwei-seitig getestet, s. Stin 2022: 23) signifikant und zeigt sich auch im Unterschied der erzielten Maximalwerte. Im HKS-Kontext zeigt sich diese Variation in den Vorkommen hingegen deutlich geringer ausgeprägt. Die Werte in den Narrativen an Kinder sind zwar auch dort höher, aber bei Weitem nicht so stark – eine entsprechende Signifikanzprüfung (ebenfalls mit dem T-Test) bezeugt die nicht signifikante Differenz ($p = 0.8$). Ebenfalls ist der Unterschied in den erzielten Maximalwerten geringer. Damit kann festgehalten werden, dass kaum eine Variation hinsichtlich des Adressaten eintritt. Ebenfalls ist zu bemerken, dass die Werte der Vorkommen in den Narrativen an Erwachsene im Mittelwert vergleichbar sind mit denen aus dem L1-Kontext an Kinder. Die hier

analysierten Herkunftssprecher*innen verwenden damit also auch in einem an sich nicht kindlich markierten Kontext in vergleichbarem Umfang Diminutive wie die hier aufgenommenen L1-Sprecher*innen im kindlichen Kontext. Vor dem Hintergrund erscheint es logisch, dass die Steigerung der Verwendung im kindlichen Kontext bei den Herkunftssprecher*innen nicht so markiert ausfällt: Der Startpunkt ist per se höher und lässt entsprechend eine weniger stark ausgeprägte Variation zu.

Zugleich erlauben die Daten die Vermutung, dass im Fall der hier betrachteten Sprecher*innen eben jene oben dargestellte Verallgemeinerung von sprachlichen Mustern aus einer sprachlichen Domäne in eine andere eingetreten ist.

Zusammenfassend zeigt sich also für die HKS-russischsprachigen Narrative eine nur sehr gering ausgeprägte Variation hinsichtlich der Verwendung von Diminutivformen in Abhängigkeit vom Adressaten und dadurch ist erneut gezeigt, dass im HKS-Kontext speziell in den russischsprachigen Narrativen adressiert an Kinder die grössten Unterschiede zu den anderen Narrativen und Gruppen zu erkennen sind.

5. Zusammenführung

In der Zusammenführung der hier analysierten Merkmale in Narrativen kann festgehalten werden, dass sich sprachliche Variation als ein grundsätzlich vorhandenes und in vielen Fällen kontextübergreifendes Merkmal zeigt. Damit zeigt sich die Analyse von Variation in Narrativen als geeignetes Mittel um der Fähigkeit von Sprecher*innen nachzugehen, Narrative an den jeweils erforderlichen kommunikativen Kontext anzupassen. Bei der genauen Betrachtung der Realisierung der Variation haben sich auf den unterschiedlichen Ebenen und in den unterschiedlichen sprachlichen Kontexten jeweils spezifische Ausprägungen ergeben, die hier zunächst grob zusammengefasst und anschliessend diskutiert werden sollen.

Hinsichtlich der Analyse der Makrostruktur zeigte sich die Variation, die durch den Wechsel im Adressaten ausgelöst wurde, in der Differenz der erzielten Mittelwerte in allen Kontexten zwischen den beiden Narrativen. Ebenfalls konnte hinsichtlich der grundsätzlichen Muster der Vorkommen der einzelnen Komponenten in den Episoden gezeigt werden, dass diese übergreifend und hinsichtlich des Adressaten im Gesamten stabil sind. Die erhöhten Vorkommen in Narrativen adressiert an Kinder verteilen sich demzufolge auf alle Kategorien. Diese sind jeweils in sich relativ gesehen höher/tiefer in Abhängigkeit vom Adressaten.

Die jeweils konkretere Betrachtung der einzelnen Kontexte brachte in beiden Fällen (Mittelwerte und Muster) auf der makrostrukturellen Ebene interessante Besonderheiten zu Tage. In Bezug auf die UGS-deutschsprachigen Narrative konnte im Vergleich zu L1-deutschsprachigen festgehalten werden, dass im UGS-Kontext die Variation in Hinblick auf den Adressaten stärker und innerhalb der Gruppe homogener ausgeprägt war (sichtbar an der höchsten Differenz zwischen den Narrativen und geringsten Standardabweichung), sowie die Tendenz zu beobachten war, die in allen Kontexten am häufigsten vertretenen makrostrukturellen Komponenten noch

häufiger zu versprachlichen. Damit verstärkt sich hier das allgemein beobachtete Verhalten.

In Hinblick auf die HKS-russischen Narrative zeigte sich eine Besonderheit im Vergleich der beiden Narrative an die unterschiedlichen Adressaten: In den Narrativen adressiert an Erwachsene konnten keine auffallenden Abweichungen zu den gleichen Narrativen der anderen Kontexte gefunden werden, hingegen traten diese in den Narrativen an Kinder zu Tage. Im Mittelwert wiesen diese die niedrigsten Werte und die höchste Standardabweichung auf, ebenfalls zeigte sich in der Musteranalyse, dass ausgerechnet die Kategorie, die in allen anderen Fällen stabil am häufigsten realisiert wurde, hier weniger oft versprachlicht wurde.

Dieses Gesamtbild setzte sich auch in der Analyse der anderen Ebenen fort. Hinsichtlich der verwendeten Tempusformen zeigte sich der allgemeine Anstieg von präteritalen Formen in Narrativen adressiert an Kinder als ein übergreifendes Merkmal, die Verteilung der präferierten Formen auf die Sprachen (Russisch Präteritum, Deutsch Präsens) blieb in den beiden Kontexten ebenfalls grundlegend stabil. Im Detail zeigten sich aber auch hier die obigen Besonderheiten: Im UGS-Deutsch-Kontext verstärkte sich die Tendenz zur Verwendung des Präsens, im HKS-Russisch-Kontext zeigte sich hingegen eine nicht so stark ausgeprägte Präferenz für das Präteritum, wiederum deutlicher in den Narrativen an Kinder. Die zusätzliche Auswertung von Verweisen auf Bilder bzw. Verwendung von narrativen Formeln unterstreicht das Bild erneut: In allen Fällen zeigt sich das gleiche Muster der Variation (mehr narrative Formeln und weniger Verweise auf Bilder in Narrativen an Kinder), die Differenz ist dabei erneut am deutlichsten im UGS-Deutsch-Kontext, am wenigsten im HKS-Russisch-Kontext.

Damit zeigt sich übergreifend im UGS-Deutsch-Kontext das gleiche und zugleich verstärkt ausgeprägte Muster wie im L1-Deutsch-Kontext, während im HKS-Russisch-Kontext die Narrative adressiert an Kinder als besonders auffallen. Um diesem vertiefter nachzugehen wurden die Vorkommen von russischen Diminutivformen betrachtet. Hier konnte gezeigt werden, dass die im L1-Kontext beschriebene Variation in der Verwendung in Abhängigkeit vom Adressaten im HKS-Kontext nicht auftritt, sondern vielmehr bereits die Narrative adressiert an Erwachsene ein erhöhtes Vorkommen von Diminutiven aufweisen und damit mit jenen aus dem L1-Kontext adressiert an Kinder zu vergleichen sind. Der Unterschied zu den Narrativen an Kinder fällt entsprechend gering (bis fast gar nicht) aus. Hier wurde geschlussfolgert, dass im HKS-Kontext ein sprachliches Verhalten aus einer Domäne (familiärer und liebevoller Bereich mit einer entsprechend frequenten Verwendung von Diminutiven) auf einen zweiten Bereich übertragen wurde.

Insgesamt zeigten sich übergreifend die HKS-russischen Narrative adressiert an Kinder als diejenigen, in denen alle hier untersuchten Formen von Variation nicht so ausgeprägt, in anderer Form oder sogar gar nicht vorhanden sind. Daran schliesst sich die Frage an, in welchen Kontext diese Beobachtung zu stellen ist.

Die Aufgaben, die alle Proband*innen durchlaufen haben, sind hinsichtlich ihrer Komplexität als unterschiedlich einzuschätzen. Wie bereits oben erwähnt, ist die Aufgabe, eine Geschichte an ein imaginäres Kind zu erzählen als komplexer und auch im

Testsetting auffälliger (= markiert) anzusehen. Sie erfordert einen höheren Grad an Aufmerksamkeit und lenkt diese ggf. auch auf Ausdrucksweisen. Diese Überlegung konnte durch die im Anschluss an die Testung gestellten Fragen an die Proband*innen bestätigt werden, auf die hier kursorisch eingegangen werden soll. Die Mehrzahl der Proband*innen gab an, die Aufgabe, die Geschichte an ein Kind zu erzählen als schwieriger empfunden zu haben. Die meisten berichteten davon, mehr auf ihre Sprache und Ausdrucksweise geachtet zu haben, besonders im Fall der russischen L1-Sprecher*innen kam wiederholt der Hinweis, vermehrt Diminutive verwendet zu haben. Zugleich wurde aber gerade diese Aufgabe als die interessantere und passendere eingeschätzt. Als Grund wurde hier zum einen die bessere Passung von Bildern und Adressat angegeben, zum zweiten aber auch die Herausforderung, eine Geschichte „spannend“ zu erzählen. Diese Aussagen trafen kontextübergreifend zu, womit also die Narrative an Erwachsene als weniger komplex, die an Kinder als komplexer und markiert im Sinne einer bewussteren Narration angesetzt werden können. Für den HKS-Kontext kommt eine zweite Markiertheitsstufe hinzu. Wie ausgeführt, kann für die hier getestete Gruppe Deutsch als dominante und häufiger und in breiteren Kontexten verwendete Sprache angesehen werden, während Russisch seltener und überwiegend im familiären Kontext verwendet wird. Eine Testung mit einer fremden Person auf Deutsch ist damit im Vergleich zu einer auf Russisch als weniger markiert anzusehen. Damit ergibt sich hinsichtlich der Markiertheit der Aufgaben die folgende Stufung (hin zur stärksten Markierung): Narrative an Erwachsene auf Deutsch, an Kinder auf Deutsch, an Erwachsene auf Russisch, an Kinder auf Russisch. Dabei kann gelten, dass eine stärkere Markierung auch eine grössere Herausforderung darstellt und mehr kognitive Ressourcen bindet.

In der Auswertung der Einschätzungen der Proband*innen lässt sich diese Abstufung ebenfalls wiederfinden. Hier wurde häufig darauf verwiesen, dass insgesamt das Geschichtenerzählen auf Russisch als herausfordernder wahrgenommen wurde, die Adressierung an ein Kind am stärksten. Dies ist auch den Metakomentaren während der Narration einiger Proband*innen zu entnehmen, die ihre Schwierigkeiten währenddessen verbalisieren. Es zeigt sich ein hoher Grad an Sprachreflexion, der sich mit den empirischen Daten deckt.

Meine Erklärung für die Abweichungen speziell in den HKS-russischen Narrativen an Kinder stützt sich vorrangig auf diese besondere Markiertheit und den wahrgenommenen höheren Grad an Komplexität. Dieser erfordert mehr Aufmerksamkeit, bindet mehr kognitive Reserven und macht Sprache zu einem bewussteren Einsatzmittel. Diese konkrete Testbedingung ist es, die in diesem untersuchten HKS-Kontext eine Herausforderung darstellt⁵ und nicht in gleichem Masse sprachlich aufgegriffen

5 Welcher Art diese ist, ist in diesem Rahmen nicht klar zu benennen. Als Erklärung sind zwei Ansätze möglich: Probleme in der sprachlichen Umsetzung (wofür einige Metakomentare sprechen) oder eine zu hohe kognitive Belastung durch den gesamten herausfordernden Kontext (auch in diese Richtung deuten einige Kommentare). Da dieselben Personen im deutschen UGS-Kontext die Variation aufweisen, ist eine grundsätzliche fehlende Variation auszuschliessen.

wird, wie in den anderen Bedingungen. Dabei erscheint es zunächst kontraintuitiv, dass gerade die Aufgabe, die am meisten dem Kontext des Geschichtenerzählens in Herkunftssprachen (eben adressiert an Kinder) entspricht, die am stärksten herausfordernde ist. Dabei geht es m.E. aber nicht um den gewohnten Rahmen des Geschichtenerzählens, sondern um die Übertragung in genau dieses Testsetting, das wiederum nicht dem alltäglichen HKS-Kontext entspricht.

Daraus folgere ich, dass in einem Testsetting die Aufgabe, eine Geschichte an ein Kind zu erzählen eine komplexere und stärker markierte Aufgabe ist, die optimal geeignet ist, um die Fähigkeit einer konkreten Person zu testen, auf die jeweils geforderte Aufgabe zu reagieren und die Besonderheiten des Settings in die Narration auf den hier untersuchten unterschiedlichen Ebenen einfließen zu lassen. Dabei möchte ich nicht behaupten, dass dieser Vorgang stets bewusst vollzogen wird, dennoch zeigen diese Daten, dass ihre sprachlichen Auswirkungen nachweisbar sind.

Bezogen auf den hier untersuchten russischen HKS-Kontext ist diese Fähigkeit der Variation im Russischen weniger ausgeprägt. Dies führe ich darauf zurück, dass das Testsetting für die Sprecher*innen im Russischen ungewohnt ist. Sie sind im Russischen nicht so geübt darin, ihre Sprechweise an den Kontext anzupassen, es wird vielmehr die gewohnte Sprechumgebung (der familiäre Kontext) als Blaupause für andere Kontexte – wie hier das Testsetting und das Erzählen einer Geschichte an Erwachsene – verwendet. Hinzukommt, dass die komplexere Aufgabe mehr kognitive Ressourcen erfordert und diese ggf. bereits durch die narrative Aufgabe und das Setting gebunden sind und nicht mehr in einer gleichen Masse wie in den anderen Kontexten für die sprachliche Variation zur Verfügung stehen.

Diese Interpretation basiert auf einer geringen Anzahl an Proband*innen und benötigt daher definitiv breiter angelegter Folgestudien. Sollte sich diese Vermutung bestätigen, könnte die Variation zwischen Narrativen, die unterschiedlichen Adressaten erzählt werden, im HKS-Kontext eingesetzt werden, um überprüfen zu können, inwiefern eine konkrete HKS-Person die Fähigkeit aufweist, ihre HKS an Kommunikationskontexte anpassen zu können.

6. Fazit

Dieser Artikel ging der Frage nach, inwiefern die im L1-Kontext beschriebene Variation, hervorgerufen durch den Wechsel im Testsetting und durch sprachliche Unterschiede, auf unterschiedlichen Ebenen in russisch- und deutschsprachigen Narrativen ebenfalls in einem Kontext mit UGS-Deutsch und HKS-Russisch zu finden ist. Dafür wurden vergleichend insgesamt 170 Narrative von 65 Proband*innen dreier Sprecher*innengruppen analysiert und die Besonderheiten in beiden Sprachen der HKS-Personen herausgearbeitet. Die Ergebnisse zeigten, dass – mit vorherigen Forschungsergebnissen deckungsgleich (s. Cantone, Olfert 2015) – die Narrative aus dem UGS-deutschen Kontext vergleichbar mit dem L1-Kontext sind, als bislang noch wenig beschriebenes Ergebnis stellte sich sogar eine Steigerung im dort beobachteten Verhalten heraus.

Für den HKS-russischen Kontext konnte gezeigt werden, dass viele Merkmale und grundlegende Muster auch dort zugegen sind – womit die grundlegende Möglichkeit, sprachliche Variation in Narrativen durch den Wechsel im Adressaten hervorzurufen auch für den hier getesteten Kontext nachgewiesen werden konnte. Ebenso zeigten sich auch in diesem Kontext grundlegende Unterschiede in der sprachlichen Umsetzung zwischen Russisch und Deutsch (wie die Präferenz der Tempusformen). Damit betten sich die HKS-Daten grundsätzlich in das Gesamtmuster ein, weisen zugleich aber eine relevante Besonderheit auf, die hier vorrangig mit dem besonderen Testsetting und der Bindung von kognitiven Ressourcen erklärt wurde. Die HKS-Narrative an Kinder verhalten sich in vielen der betrachteten Merkmale anders als alle anderen untersuchten Narrative. Damit zeigen sich speziell diese – bzw. konkreter eine Analyse der Variation zwischen Narrativen derselben Person/desselben Kontextes – als möglicher Ausgangspunkt für künftige Studien sowohl im HKS- als auch im weiteren L1-Kontext. Hier sollten Folgestudien zum einen das hier mit einer geringen Anzahl an Personen erzielte Ergebnis überprüfen, zum zweiten sollte der Erklärungsgrundlage nachgegangen werden: Sind es fehlende sprachliche Mittel, um die an sich intendierte Variation umsetzen zu können oder eine höhere kognitive Belastung, die zu einer Reduktion in der Variation führt. Im zweiten Fall könnte in der Folge Variation im narrativen Bereich als einer identifiziert werden, der sich unter kognitiver Belastung vor anderen Bereichen ändert. Sollte dies nachgewiesen werden können, würde sich ein Design mit einer Testung der beiden Narrative an unterschiedliche Adressaten in Kombination mit kognitiven Tests sowohl im kindlichen Bereich als auch im Kontext sprachlicher Variation im Alter optimal anbieten, um Erwerbs- und *age-grading*-Prozessen vertieft nachgehen zu können.

Literaturverzeichnis

- ANSTATT T., 2012: „Zur Ontogenese des narrativen Redetyps“, in Aumüller M. (Hrsg.), *Narrativität als Begriff. Analysen und Anwendungsbeispiele zwischen philosophischer und anthropologischer Orientierung*. Berlin: De Gruyter, 185–202
- BEAMANK V., BUCHSTALLER I., 2021: *Language Variation and Language Change Across the Lifespan: Theoretical and Empirical Perspectives from Panel Studies*. New York: Routledge
- BENMAMOUN E., MONTRUL S., POLINSKY M., 2010: *Prolegomena to Heritage Linguistics*. Harvard: Harvard University. <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:4726009>
- BENMAMOUN E., MONTRUL S., POLINSKY M., 2013: „Heritage languages and their speakers: opportunities and challenges for linguistics“, in *Theoretical Linguistics*, 2013, № 39 (3–4), 129–181
- BERGMANN A., BRÜGGEMANN N., 2021: *Herkunftssprache Russisch in Deutschland. Zu linguistischen Grundlagen und didaktischen Prinzipien des Unterrichtens*. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin. <https://doi.org/10.18452/23202>

- BERMAN R.A., SLOBIN D.I., 1994: *Relating Events in Narrative: A Crosslinguistic Developmental Study*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates
- BHATIA T.K., RITCHIE W.C., 2014: *The Handbook of Bilingualism and Multilingualism*. John Wiley & Sons
- BIRDSONG D., GERTKEN L.M., AMENGUAL M., 20. Jan. 2012: *Bilingual Language Profile: An Easy-to-Use Instrument to Assess Bilingualism*. COERLL, University of Texas at Austin. <https://sites.la.utexas.edu/bilingual/>
- BREHMER B., 2021: „Slavic heritage languages around the globe: from Part I – Heritage languages around the world“, in Montrul S., Polinsky M. (eds.), *The Cambridge Handbook of Heritage Languages and Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 13–44
- BREHMER B., MEHLHORN G., 2018: *Herkunftssprachen*. Narr Francke Attempto Verlag
- BUSCH F., EFING C., 2024: *Sprachliche Variation*. Tübingen: Narr
- CANTONE K.F., OLFERT H., 2015: „Spracherhalt im Kontext herkunftsbedingter Mehrsprachigkeit Italienisch/Deutsch. Methodologische Überlegungen“, in Fernández Ammann E.M., Kropp M., Müller-Lancé J. (Hrsg.), *Herkunftsbedingte Mehrsprachigkeit im Unterricht der romanischen Sprachen*. Berlin: Frank & Timme, 25–42
- CARREIRA M., KAGAN O., 2011: „The results of the national heritage language survey: implications for teaching, curriculum design, and professional development“, in *Foreign Language Annals*, 2011, № 44 (1), 40–64. <https://doi.org/10.1111/j.1944-9720.2010.01118.x>
- CENOZ J., 2013: „Defining multilingualism“, in *Annual Review of Applied Linguistics*, 2013, № 33, 3–18. <https://doi.org/10.1017/S026719051300007X>
- CHILDES HOMEPAGE, 31. Okt. 2024: <https://childes.talkbank.org/access/Frogs/>
- COGNOLA F., BARONCHELLI I., MOLNARI E., 2019: „Inter- vs. intra-speaker variation in mixed heritage syntax: a statistical analysis“, in *Frontiers in Psychology*, 2019, № 10, 1528. doi: 10.3389/fpsyg.2019.01528
- DAHL Ö., 1985: *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Basil Blackwell
- DE BOT K., PLEJERT C., SIMONSEN H.G., FYNDANIS V., HANSEN P., NORVIK M.I., SVENDSEN B.A., SVENNEVIG J., 2020: „Multilingualism and ageing: an overview“, in Ritchie W., Bhatia T.K. (eds.), *Brill Research Perspectives in Multilingualism and Second Language Acquisition*, vol. 1 (4), 1–98
- DÜRSCHIED C., SCHNEIDER J.G., 2019: *Standardsprache und Variation*. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag
- ELSPAß S., 2018: „Sprachvariation und Sprachwandel“, in Neuland E., Schlobinski P. (Hrsg.), *Handbuch Sprache in sozialen Gruppen*. Berlin: De Gruyter, 87. doi: 10.1515/9783110296136-005
- FÖLDES C., ROELCKE T., 2022: *Handbuch Mehrsprachigkeit*. Walter de Gruyter
- GAGARINA N., BOHNACKER U., LINDGREN J., 2019a: „Macrostructural organization of adults’ oral narrative texts“, in *ZAS Papers in Linguistics*, 2019, № 62, 190–208. <https://doi.org/10.21248/zaspil.62.2019.449>

- GAGARINA N., KLOP D., KUNNARI S., TANTELE K., VÄLIMAA T., BOHNA-CKER U., WALTERS J., 2019b: „MAIN: Multilingual assessment instrument for narratives – Revised“, in *ZAS Papers in Linguistics*, 2019, № 63, 20. <https://doi.org/10.21248/zaspil.63.2019.516>
- GENETTE G., 1994 [2010]: *Die Erzählung*, 3. Aufl. Paderborn: Fink, 2010
- GOGOLINI I., HANSEN A., MCMONAGLE S., RAUCH D., 2020: *Handbuch Mehrsprachigkeit und Bildung*. Springer Fachmedien
- HARRINGTON J., REUBOLD U., 2021: „Accent reversion in older adults: evidence from the Queen’s Christmas broadcasts“, in Beaman K.V., Buchstaller I. (eds.), *Language Variation and Language Change Across the Lifespan*. New York: Routledge, 119–137
- KARL K.B., 2022: „Russian and Polish in the Ruhr valley: in search of similarities and differences“, in Ronan P., Ziegler E. (eds.), *Language and Identity in Migration Contexts*. Peter Lang, 49–74
- KARL K.B., unter Begutachtung a: „Formulation of a narrative task affects the macrostructure of picture-based stories told by adults“ (Arbeitstitel)
- KARL K.B., unter Begutachtung b: „Narrative Merkmale in Bildergeschichten: Eine kontrastive Untersuchung“ (Arbeitstitel)
- KARL K.B., STIN G., in Vorbereitung: „Addressee or narrator’s age – which affects narrative structures in Russian-speaking adults?“, geplant zur Einreichung in *Russian Linguistics*
- KEMPE V., BROOKS J.P., GILLIS S., 2007: „Diminutives provide multiple benefits for language acquisition“, in Savickiene I., Dressler W.U. (eds.), *The Acquisition of Diminutives: A Cross-Linguistic Perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 319–342
- KLASSERT A., 2011: *Lexikalische Fähigkeiten bilingualer Kinder mit Migrationshintergrund. Eine Studie zum Benennen von Nomen und Verben im Russischen und Deutschen*. Marburg: Philipps-Universität Marburg. <https://doi.org/10.17192/z2011.0621>
- LABOV W., 1974: „On the use of the present to explain the past“, in *Proceedings of 11th International Congress of Linguists*. Bologna: Il Mulino, 825–851
- LASCH A., ZIEM A., 2018: „Konstruktionsgrammatische Zugänge zu narrativen Texten Ausgangspunkte und Perspektiven“, in *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 2018, № 48 (2), 389–410
- LEHMANN V., 2012: „Narrativität aus linguistischer Sicht“, in Aumüller M. (Hrsg.), *Narrativität als Begriff. Analysen und Anwendungsbeispiele zwischen philologischer und anthropologischer Orientierung*. Berlin: De Gruyter, 169–184
- LEHMANN V., 2013: *Linguistik des Russischen. Grundlagen der formal-funktionalen Beschreibung*. München: Otto Sagner
- LEHMANN V., HAMBURGER STUDIENGRUPPE, 1993: „Interaktion chronologischer Faktoren beim Verstehen von Erzähltexten (Zur Wirkungsweise aspektueller und anderer Defaults)“, in *Slavistische Linguistik 1992*, 157–196

- LINDGREN J., TSELEKIDOU F.E., GAGARINA N., 2023: „Acquisition of narrative macrostructure: a comprehensive overview of results from the multilingual assessment instrument for narratives“, in *ZAS Papers in Linguistics*, 2023, № 65, 111–132
- MAIN Homepage, 31. Okt. 2024: <https://main.leibniz-zas.de/>
- MARTIN-JONES M., BLACKLEDGE A., CREESE A. (eds.), 2012: *The Routledge Handbook of Multilingualism*. Routledge
- MATRAS Y., SAKEL J., 2007: *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: De Gruyter
- MAYER M., 1969: *Frog, Where Are You?* New York: Dial Press
- MEYERHOFF M., 2018: *Introducing Sociolinguistics*. New York: Routledge
- MONTRUL S., POLINSKY M., 2021: *The Cambridge Handbook of Heritage Languages and Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press
- MUSAN R., 2022: „Kohäsion und Kohärenz“, in Klabunde R., Mihatsch W., Dipper S. (Hrsg.), *Linguistik im Sprachvergleich*. Berlin: J.B. Metzler, 577–593. https://doi.org/10.1007/978-3-662-62806-5_30
- POLINSKY M., 2015: „Heritage languages and their speakers: state of the field, challenges, perspectives for future work, and methodologies“, in *Zeitschrift für Fremdsprachwissenschaft*, 2015, № 26, 7–27
- POLINSKY M., 2018: *Heritage Languages and Their Speakers*. Cambridge: Cambridge University Press
- POLINSKY M., KAGAN O., 2007: „Heritage languages: in the ‘wild’ and in the classroom“, in *Language and Linguistics Compass*, 2007, № 1, 368–395
- PÖPPEL E., 1987: *Grenzen des Bewußtseins. Über Wirklichkeit und Welterfahrung*. München: Deutsche Verlags-Anstalt
- PROTASOVA E.Ju., 2001: „Rol’ diminutivov v sovremennom russkom jazyke“, in Kjulmoja I.P. (otv. red.), *Russkij jazyk: sistema i funkcionirovanie*. Tartu: Izdatel’stvo Tartuskogo universiteta, 72–88
- PROTASSOVA E.J., VOEIKOVA M.D., 2007: „Diminutives in Russian at the early stages of acquisition“, in Savickiene I., Dressler W.U. (eds.), *The Acquisition of Diminutives: A Cross-Linguistic Perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 43–72
- ROTHMANN J., 2009: „Understanding the nature of early bilingualism: Romance languages as heritage languages“, in *International Journal of Bilingualism*, 2009, № 13 (2), 155–163
- SAKEL J., 2007: „Types of loan: matter and pattern“, in Matras Y., Sakel J. (eds.), *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: De Gruyter, 15–30. <https://doi.org/10.1515/9783110199192.15>
- SANKOFF G., 2019: „Language change across the lifespan: three trajectory types“, in *Language*, 2019, № 95 (2), 197–229. <https://doi.org/10.1353/lan.2019.0029>
- SODERSTROM M., 2014: „Child-directed speech (features of)“, in Brooks P.J., Kempe V. (eds.), *Encyclopedia of Language Development*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 83–86. doi: <http://dx.doi.org/10.4135/9781483346441.n26>

- STEIN N.L., GLENN C.G., 1975: „An analysis of story comprehension in elementary school children: a test of a schema“, in Freedle R.O. (ed.), *New Directions in Discourse Processing*, vol. 2, 53–120
- STEINBACH M. et al., 2007: „Variationslinguistik“, in Steinbach M. (Hrsg.), *Schnittstellen der germanistischen Linguistik*. Stuttgart: J.B. Metzler, 187–217. https://doi.org/10.1007/978-3-476-05042-7_6
- STIN G., 2022: *Narrative Textkonstruktion bei Erwachsenen: Analyse der Sprachmerkmale in Abhängigkeit vom Altern von Erzähler und Adressaten*. Bochum: Unveröffentlichte Bachelorarbeit, Ruhr-Universität Bochum
- ŠVEDOVA N.Ju., 1980: *Russkaja grammatika*, t. 1. Moskva: Nauka
- VAN DIJK T.A., 1980: *Textwissenschaft. Eine interdisziplinäre Einführung*. Berlin: De Gruyter
- VOEJKOVA M.D., 2020: „Strukturnye funkcii diminutivov v sovremennom russskom jazyke i produktivnost' ich upotreblenija“, in *Voprosy jazykoznanija*, 2020, № 5, 38–56
- WAGNER S., 2012: „Age grading in sociolinguistic theory“, in *Language and Linguistics Compass*, 2012, № 6, 371–382. doi:10.1002/lnc3.343
- WEI L., 2007: *The Bilingualism Reader*. New York: Routledge
- WEINREICH U., 1953: *Languages in Contact, Findings and Problems*. Berlin: De Gruyter
- WIESE H., ALEXIDOU A., ALLEN S., BUNK O., GAGARINA N., IEFREMKO K., MARTYNOVA M., PASHKOVA T., RIZOU V., SCHROEDER C., SHADROVA A., SZUCSICH L., TRACY R., TSEHAYE W., ZERBIAN S., ZUBAN Y., 2022: „Heritage speakers as part of the native language continuum“, in *Frontiers in Psychology*, 2022, № 12, 717973. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.717973>
- WRIGHT W.E., BOUN S., GARCIA O., 2015: *The Handbook of Bilingual and Multilingual Education*. Hoboken: John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118533406>
- ZEMAN S., 2016: „Introduction“, in Igl N., Zeman S. (eds.), *Perspectives on Narrativity and Narrative Perspectivization* [Linguistic Approaches to Literature, 21]. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1–14
- ZEMAN S., 2020: „Narrativität als linguistische Kategorie: Schlaglichter auf ein sprachliches Grundkonzept“, in *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 2020, № 48 (3), 447–456. <https://doi.org/10.1515/zgl-2020-2010>

Alexander Meienberger (Universität St. Gallen)

Krankheitsnarrative in Oksana Vasjakinas Trilogie *Rana*, *Step'* und *Roza*

Abstract:

This study deals with the representation and treatment of various illnesses in contemporary Russian literature. Oksana Vasjakina's trilogy is analyzed in detail to identify and interpret the narratives within it that deal with various forms of illness. The analysis is based on concepts from medical humanities. Vasjakina's works serve as exemplary case studies of how literary texts not only depict, reflect, and critically interrogate the experience of illness, but also create new ways of speaking about personal experiences in medical emergencies.

Keywords: Russian contemporary literature, Oksana Vasjakina, death, grief, breast cancer, HIV, tuberculosis, depression, breast cancer, medical humanities and literature

1. Einleitung

In jüngster Zeit lässt sich eine Zunahme der Bedeutung tabuisierter Themen sowohl in der Gesellschaft als auch in der Literatur beobachten. Dazu zählen bestimmte Krankheiten wie HIV und Tuberkulose, aber auch körperliche Folgen von Vergewaltigung und Abtreibung. Dieser Trend ist auf eine vermehrte Aufklärungsarbeit sowie den Wunsch nach einem offeneren Umgang mit den Tabus zurückzuführen. Die Hauptaufgabe der Literatur – schreibt Polina Barskova in der Einleitung zu Oksana Vasjakinas Roman *Rana* – bestehe darin, eine neue Sprache für Themen zu finden, über welche man nicht sprechen dürfe. Dazu gehöre unter anderem der Tod (Barskova 2021: 9–10). Mit dem Ende des Sowjetsystems wurde es schließlich möglich über Krankheiten und Sterben zu schreiben. Sergej Gandlevskijs autobiografische Erzählung *Trepanacija čerepa* (1996) besteht aus Erinnerungen und Reflexionen über das Leben. Den erzählerischen Rahmen des Textes bildet das Warten des Ich-Erzählers auf die Schädeltrepanation, die ihn von einem Gehirntumor befreien soll. Ljudmila Ulickajas Erzählung *Veselye pochorony* (2002) handelt von einem Künstler, der im Sterbebett liegt und seinen Tod erwartet. Ihr Roman *Kazus Kukockogo* (2000) erzählt das Leben eines Frauenarztes, der sich auf Abtreibung spezialisiert hat, und ihr Erzählband *O tele duši* (2019) verhandelt noch stärker die Themen Älterwerden, Selbstbestimmung und Sterben. Vladimir Danichnov verarbeitet in der autobiografischen Erzählung *Tvar' razmerom s koleso obozrenija* seine Krebserkrankung (Danichnov 2018). Er beschreibt detailreich alles, was ein Krebspatient in Russland erlebt: Unheil, erdrückende Warteschlangen, endloses Herumrennen mit Papierkram, Hoffnung auf ein Wunder, die wie ein Geist entschwindet.

Insbesondere in den vergangenen zehn Jahren sind mehrere Werke entstanden, die sich mit tabuisierten Themen auseinandersetzen und dabei auf die Möglichkeiten der Autofiktion und des autobiografischen Schreibens zurückgreifen. Anna Starobinec thematisiert in ihrem Buch *Posmotri na nego* (2022) die Abtreibung aus medizinischen Gründen, Natalija Meščaninova erzählt in ihrem kurzen Erzählband *Rasskazy* (2017) von einer über Jahre andauernden Vergewaltigung durch ihren Stiefvater und von ihrer Mutter, die dieses Verbrechen nicht sehen wollte oder konnte. Einen prominenten Platz im autofiktionalen Schreiben Russlands nimmt Oksana Vasjakina mit ihrer Trilogie *Rana*, *Step'* und *Roza* ein. Vasjakina hat ihre literarische Karriere als Lyrikerin begonnen. Ihre erste Gedichtbände *Ženskaja proza* (2016) und *Veter jarosti* (2019) stießen in Russland und im Ausland auf ein positives Echo. Die Trilogie ist Vasjakinas erster Versuch, Prosa zu schreiben. Betrachtet man die Rezeption, ist es ihr gelungen. Ihr erster Roman *Rana* kam 2021 auf die Shortlist des nationalen Literaturpreises „Bol'saja kniga“ und wurde 2022 mit dem renommierten russländischen Literaturpreis „Novaja Slovesnost“ (NOS) ausgezeichnet. Die Trilogie setzt sich mit dem Sterben und dem Tod von Familienmitgliedern auseinander: *Rana* ist ein Roman über ihre Mutter, die an Brustkrebs stirbt. *Step'* erzählt das Leben und den Tod des Vaters infolge einer HIV-Infektion. In *Roza* schildert die Autorin das Leben ihrer Tante, die an Tuberkulose stirbt.

In den drei Romanen werden unterschiedliche Krankheiten thematisiert, die jeweils spezifische Bedeutungsdimensionen und symbolische Implikationen aufweisen. Krebs wird als Tragödie inszeniert, während HIV als eine Krankheit dargestellt wird, die die individuelle Selbstverantwortung betont. Tuberkulose hingegen wird als eine zugleich faszinierende und mit Wahnsinn assoziierte Krankheit beschrieben.

Die vorliegende Studie fußt auf dem methodischen Ansatz der Literaturwissenschaft in Verbindung mit der narrativen Ethik. Im ersten Teil der Analyse werden die narrativen Strukturen der Trilogie untersucht. Der zweite Teil widmet sich den dominanten Darstellungen von Krankheiten wie Krebs, HIV, Tuberkulose und psychischen Störungen in der russländischen Gesellschaft, wobei der Fokus insbesondere auf deren Repräsentation in der genannten literarischen Trilogie liegt. Die Analyse zielt darauf ab, die Beziehung der Trilogie zu diesen gesellschaftlichen Diskursen zu ergründen und zu untersuchen, inwiefern ihre erzählerische Praxis dazu beiträgt, diese etablierten Narrative kritisch zu hinterfragen und aufzubrechen. In diesem Zusammenhang wird ebenfalls untersucht, auf welche Weise Vasjakinas Werk die gängigen moralischen und sozialen Implikationen von Krankheitsdarstellungen dekonstruiert und neue Perspektiven und Sprechweisen auf die individuelle und kollektive Verarbeitung von Krankheit eröffnet.

2. Struktur und Form

Die Trilogie lässt sich zweifelsfrei der Gattung der Autofiktion zuordnen, auch wenn der Begriff der Autofiktion selbst eine Vielzahl unterschiedlicher Kombinationen von autobiografischem und fiktionalem Erzählen umfasst (Zipfel 2009). Erstens zeichnet

sich die Gattung Autofiktion dadurch aus, dass „eine Figur, die eindeutig als der Autor erkennbar ist [...], in einer offensichtlich [...] als fiktional gekennzeichneten Erzählung auftritt“ (*ibid.*: 31). Dies offenbart die Ich-Erzählerin in allen drei Büchern an vielen Stellen und alle drei Bücher werden aus der Perspektive der Ich-Erzählerin geschildert. In der gesamten Trilogie besteht eine eindeutige Übereinstimmung zwischen den Namen der Autorin, der Ich-Erzählerin und der Protagonistin, sie tragen alle den Namen Oksana Vasjakina. Zudem bezeichnet Vasjakina ihre Protagonistin in mehreren Interviews als *moja avtogeroinja* (Stoljar 2023). Zweitens liefert die Ich-Erzählerin in der Trilogie eine assoziative und nicht chronologische Darstellung ihres Lebens. Auch dabei handelt es sich um ein typisches Merkmal der Autofiktion (Zipfel 2009). Drittens thematisiert Vasjakina in ihren Texten die Identitätssuche einer homosexuellen Person, die sich insbesondere in den Beziehungen zu Mutter, Vater und Tante manifestiert.

Diese autofiktionale Art des Schreibens lässt sich besonders gut mit dem Konzept der Autofiktion erfassen (*ibid.*). Die fiktionalen Elemente der Trilogie lassen sich anhand verschiedener Kriterien identifizieren. Auf den Titelseiten der drei Bände werden lediglich *Rana* und *Step'* als Romane ausgewiesen, während *Roza* diese Gattungsbezeichnung nicht aufweist. Die Gattungszuweisung „Roman“ kann als klares Fiktionsmerkmal bezeichnet werden, das traditionell auf eine fiktionale Erzählweise hinweist. Des Weiteren lassen sich auf Textebene weitere Indikatoren für die Fiktionalität des Textes ausmachen, darunter Essays, Gedichte, Reflexionen der Ich-Erzählerin sowie ihre Erinnerungen aus der Kindheit und der Jugend. Die genannten Aspekte lassen sich wie folgt zusammenfassen: Die Verwendung literarischer Techniken, die narrative Struktur sowie die mögliche Überlagerung von realen und imaginierten Ereignissen erschweren eine klare Trennung zwischen Fakt und Fiktion. Hybride Erzählstrategien sind ein typisches Merkmal von Autofiktion, bei der die Grenzen zwischen autobiografischen und fiktionalen Elementen bewusst verwischt werden.

Die drei Bücher weisen signifikante Unterschiede in Struktur, Stil und Erzählweise auf, was darauf hinweist, dass jedes Buch eine eigenständige narrative Identität besitzt. Laut der Autorin unterscheiden sich ihre Texte nicht nur in ihrer sprachlichen Form, sondern auch in ihrer Struktur. Jedes Buch der Trilogie habe seine eigene poetische Sprache. *Rana* sei ein Poem, bei *Step'* handle es sich um ein Lied und *Roza* stelle eine Elegie dar (Stoljar 2023). Die Wahl der Gattungsbezeichnung Poem lässt eine Anknüpfung an zentrale literarische Traditionen erkennen, insbesondere an Gogol's *Mertvyje duši*, das als gesellschaftskritisches Epos gilt, und Erofeevs *Moskva – Petuški*, ein Werk, das durch seine experimentelle Form und lyrische Prosa besticht. Die Entscheidung, *Step'* als Lied zu gestalten, verweist auf Čechovs *Step'*, ein Werk, das für seine poetische Landschaftsbeschreibung und musikalischen Rhythmen bekannt ist. In *Roza* stellt Vasjakina mit der Elegie eine Verbindung zu Žukovskij her, der durch seine sentimentale Poesie und die melancholische Reflexion von Verlust und Vergänglichkeit die russische Literatur maßgeblich geprägt hat. Durch diese Bezüge verortet Vasjakina ihre Trilogie bewusst in einem intertextuellen Dialog mit unterschiedlichen literarischen Gattungen und Traditionen.

Obschon die Bücher in thematischer Hinsicht miteinander verknüpft sind und gemeinsam eine übergeordnete Erzählung konstituieren, entfalten sie jeweils unterschiedliche literarische Ansätze und stilistische Mittel. Die individuellen Besonderheiten jedes Buches verdeutlichen die Vielfalt der narrativen Techniken und thematischen Fokussierungen, die die Trilogie prägen. Eine Analyse der Erzählform der Bücher ergibt, dass sich strukturelle Unterschiede feststellen lassen. In den Texten *Rana* und *Roza* dominiert eine erzählerische Struktur mit einer Zeitachse, die immer wieder durch Rückblenden durchbrochen wird, während *Step'* durch seine Form als innerer Monolog hervorsticht. Charakteristisch für *Step'* ist jedoch, dass die Ich-Erzählerin den Leser immer wieder direkt anspricht und damit einen dialogischen Moment im Text schafft. Diese Interaktionen erfolgen durch Formulierungen wie „Das habe ich dir schon erzählt“, „Den Rest kennst du schon“ oder „Ich will dir noch etwas dazu erzählen“, wodurch die Erzählerin eine unmittelbare Beziehung zum Leser etabliert. Dieser Wechsel zwischen introspektiver Reflexion und direkter Ansprache verleiht dem Text eine zusätzliche Ebene der Subjektivität und verstärkt den Eindruck einer fortlaufenden Auseinandersetzung mit dem eigenen Erleben. Dabei wird der Leser nicht nur als passiver Rezipient, sondern als aktiver Teil des Erzählprozesses integriert. Dies lässt darauf schließen, dass die Texte bewusst mit narrativen Konventionen spielen, um eine tiefere emotionale und intellektuelle Verbindung zum Publikum herzustellen. Zudem können *Rana* und *Step'* der Untergattung des Reiseberichts zugeordnet werden, da in beiden Texten das Zurücklegen einer Route beschrieben wird. Demgegenüber präsentiert sich *Roza* als statisch. Die Handlungsorte sind im Wesentlichen auf die Wohnung der Tante sowie das Krankenhaus beschränkt. Unter Berücksichtigung der gesamten Lebensspanne der Tante, von der Geburt bis zum Tod, lässt sich ihr Leben als eine Flucht vor sich selbst, ihrer Familie und ihrer Krankheit interpretieren. Dies kann als ein allegorischer Weg von Verleugnung, Zorn, Verhandlung, Depression und Akzeptanz verstanden werden. Folglich kann jedes Buch sowohl als Teil eines größeren Ganzen als auch als eigenständiges Werk betrachtet werden, das eigene ästhetische und inhaltliche Akzente setzt. Die drei Werke können jeweils für sich allein gelesen werden. Bei einer Gesamtbetrachtung aller drei Bücher wird jedoch ersichtlich, dass sie einen umfassenden Blick auf das Leben der Ich-Erzählerin in all seinen Facetten bieten. Diese Verflechtung gibt Anlass, die drei Werke in der Analyse als einen Gesamttext zu behandeln.

Mit dieser autofiktionalen Trilogie lässt sich Vasjakina in die Tradition des autobiografischen Schreibens einordnen, die seit dem Zerfall der Sowjetunion und der damit verbundenen Zensur in Russland eine neue Entwicklung erfahren hat. Diese zeichnet sich durch den Übergang vom kollektiven Trauma zum persönlichen Gedächtnis aus (Juzefovič 2024), das seinen Platz im autobiografischen Schreiben findet. Darüber hinaus zeigt sich diese Entwicklung auch in der Suche nach neuen Formen des autobiografischen Schreibens. Die postsowjetische autobiografische Literatur lehnt sowohl die Idee der Glaubwürdigkeit als obligatorische Voraussetzung des autobiografischen Genres als auch die Aufteilung des Genres in Memoirenliteratur, Reiseberichte, Briefe

und andere zusammenhängende Subgenres ab (Balina 2015: 188). Dieser Prozess ist nicht abgeschlossen, denn viele russischsprachige Dichter und Autoren suchen weiterhin nach neuen Formen und Ausdrucksmöglichkeiten. Ein prominentes Beispiel dieser Entwicklung stellt Marija Stepanovas Metaroman *Pamjati pamjati* (2017) dar, der Familien- und Liebesgeschichten sowie Reiseberichte, Reflexionen über Fotografie, Erinnerung und Trauma essayistisch verbindet.

So wie Stepanova erfindet Vasjakina das autobiografische Schreiben neu und schafft mit der Trilogie eine Autofiktion, die aus unterschiedlichsten Formen des Schreibens besteht. Die Trilogie folgt keiner chronologischen Darstellung der Ereignisse und stellt vielmehr eine assoziative Schilderung aus Erinnerungen, Selbstreflexionen, Notizen, Beobachtungen, Essays und Einschüben bestehend aus ihren früheren Gedichten und Poemen dar. Warum Vasjakina als Lyrikerin die Form der Prosa gewählt hat, erklärt ihre Ich-Erzählerin damit, dass ihre poetische Stimme während des Todes des Vaters in voller Kraft erblühte und nach dem Tod der Mutter zusammenbrach. Als Lyrikerin konnte sie nicht über das Sterben dichten und musste dafür eine neue Form finden. „После ее [матери. – А.М.] смерти моя поэтическая машина сломалась, забила, как мышца. [...] Сломался язык, сломался орган производства поэтического вещества“ (Vasjakina 2021: 130). Die Autorin entwickelt eine neue Art des Schreibens, nämlich Essays. „Я начала писать эссе о поэзии, письме, языке, но эти эссе – с помощью них я пыталась говорить с миром мертвых. Если поэзия для меня – это способ предъявить себя миру живых, то эссе стали для меня способом говорить с мертвой матерью“ (*ibid.*: 153). Im Laufe des Schreibens wird die Trilogie zur Notizensammlung, die sich als Nachdenken über die angemessene Sprache der Trauer versteht und an Roland Barthes' *Journal de deuil* (2009) anknüpft. Im Gegensatz zum chronologisch strukturierten Tagebuch von Barthes weist Vasjakinas Schreiben keine chronologische Struktur auf. Demgegenüber nehmen assoziative Essays in den Texten einen größeren Raum ein, wobei die Familiengeschichte als erzählerischer Rahmen der Trilogie fungiert. Die Trilogie kann in ihrer Eigenschaft als Sammlung von Notizen betrachtet werden, die in Hinblick auf ihren Ton, ihrem Genre und ihre Form variieren. Dennoch sind sie durch ein übergreifendes Thema miteinander verbunden, das im Verlust und der Erfahrung desselben besteht. Die Ich-Erzählerin reflektiert dabei über diverse Problematiken, die in Zusammenhang mit der Emanzipierung von Frauen, toxischer Maskulinität sowie der Stigmatisierung von Menschen mit Krebs, HIV, Tuberkulose oder psychischen Störungen und Depressionen stehen.

Vasjakina ergänzt ihre Texte durch Beobachtungen aus der Natur und stellt dabei Bezüge zu ihren bereits verstorbenen Familienmitgliedern her. Die Natur stellt für die Ich-Erzählerin eine Metapher für das Leben und den Tod dar. Diese Dichotomie spiegelt sich bis hin zur Darstellung von Vögeln und Pflanzen wider. Während Vögel – in der europäischen Kultur – als Vorboten des Todes agieren, symbolisieren Pflanzen das Leben. Vier Male weisen Vögel die Ich-Erzählerin darauf hin, dass der Tod der Mutter nah ist. „Они [птицы. – А.М.] чувствовали смерть и предупреждали меня

о ней и о том пути, который мне предстоит проделать, о моем переживании ее смерти, о жизни с материнским прахом в одной комнате. Я знала язык птиц, а птицы знали, что я могу прочитать их сообщения“ (Vasjakina 2021: 128). So landet auf dem Fensterbrett eine Krähe und die Ich-Erzählerin sieht darin ein schlechtes Zeichen. Eines Tages kommt ein Spatz zu ihr, und an diesem Tag bekommt sie einen Anruf von ihrer Mutter. Die Mutter teilt ihr mit, dass bei ihr zwei Metastasen in Größe einer Bohne gefunden wurden und dass die Leber nicht operierbar ist. Im Winter findet die Ich-Erzählerin einen bereits toten Gimpel, der eine blutrote Farbe aufweist. Zwei Tage danach bekommt sie eine SMS, dass die Mutter nicht mehr aufstehen kann. Vor der Abreise nach Wolschski findet sie auf der Straße einen schwer atmenden Spatzen. Sie platziert ihn um, indem sie ihn von der Straße wegnimmt und ihn neben ein Haus setzt. Dabei erscheint der Ich-Erzählerin die ganze Situation mit dem Spatzen als ein Zeichen dafür, dass ihre Mutter ohne Leiden und Schmerzen sterben soll. Sie entscheidet sich für eine Umplatzierung ihrer Mutter in ein Hospiz, in dem sie innerhalb weniger Tage stirbt. Nach dem Tod der Mutter verlieren Vögel für die Ich-Erzählerin allerdings ihre symbolische Bedeutung als Vorboten des Todes.

Im Gegensatz zu den Vögeln nehmen Bäume und Pflanzen als Symbole des Wachstums und des Lebens auch nach dem Sterben der Familienmitglieder einen höheren Stellenwert ein. Am deutlichsten sieht man diese Metaphorik in Bezug auf die Figur der Mutter. Die Mutter liebte wie alle Frauen in ihrer Umgebung Zimmerpflanzen, allerdings wachsen diese bei ihr nicht so richtig. Die Familie besaß eine Pfeilwurz, die jedoch aufgrund des fehlenden Lichts wie auch der fehlenden (Familien-)Wärme nicht richtig wuchs. Dafür entfaltete sich bei der Familie eine Porzellanblume; diese hatte die Mutter von ihrer Mutter zusammen mit der Wohnung bekommen. Die Mutter bezeichnete diese Porzellanblume als Blume des Todes, und ihren Geruch, wenn sie blühte, als Leichengeruch, weil er so schwer in der Wohnung lag. Die Mutter glaubte, dass die Porzellanblume nur blüht, wenn Kummer in die Familie kommt. Zudem sagte sie, dass die Blume während Streitereien intensiver riecht. Letztendlich schaffte die Protagonistin die Blume aus der Wohnung und brachte sie in die Schule.

Nach dem Tod der Mutter bekommt die Ich-Erzählerin von einer ihrer Tanten den Steckling eines Krotons. Die Tante hatte diese Pflanze von der Mutter der Ich-Erzählerin bekommen. Der Steckling des Krotons bildet erst nach einem Jahr die ersten Blätter. Das freut die Ich-Erzählerin besonders, denn sie verbindet diesen Kroton mit ihrer Mutter.

Маленькое смелое растение летело вместе со мной в самолете и ехало по сибирской трассе тысячу километров. Потом переезжало из квартиры в квартиру. В нем нет ничего, что могло бы быть связано с мамой. Мама отдала тетке совсем маленькое растение. Но мысль о том, что этот кротон родился из маминого цветка, меня греет. (*Ibid.*: 197)

Zudem schafft die Ich-Erzählerin mit diesen Blumen die gleiche Atmosphäre bei sich zu Hause, die sie aus ihrer Kindheit kannte. Dafür kauft sie eine junge Porzellanblume und bringt sie nach Hause. Auf diese Weise verbindet sie ihr Zuhause der Kindheit – d.h.

ihre kindliche Erinnerung an die Mutter – mit ihrer aktuellen Situation. Dies hilft ihr, die Mutter in guter Erinnerung zu behalten.

Die zeitliche Abfolge der Ereignisse, wie sie in der Trilogie dargestellt wird, entspricht nicht der chronologischen Reihenfolge. Man kann in diesem Zusammenhang von einer narrativen Anachronie sprechen. Die Texte sind gekennzeichnet durch eine Mischung aus Prolepse und Analepse. Die Familiengeschichte samt ihren Krankheiten wird in der Retrospektive dargelegt, während die Ich-Erzählerin ihre eigene Krankheitsgeschichte, ihre Reflexionen in der Gegenwart schildert. Die verschiedenen Erzählebenen sind miteinander verwoben und lassen sich nicht klar voneinander trennen. Geschrieben und herausgegeben wurden alle drei Bücher während der COVID-19-Pandemie: *Rana* im Jahr 2021, *Step'* im Jahr 2022 und *Roza* im Jahr 2023. Der Tod der Mutter Anžella im Februar 2019 und die globale Pandemie, die die Isolation von allen erforderte, hatten die Autorin dazu gebracht, sich mit ihren bereits toten Familienmitgliedern auseinanderzusetzen: die Tante Svetlana verstarb im Januar 2014, der Vater Jurij im September 2014, die Großmutter Valentina im Jahr 2016. Sie versuchte, ihre Verlusttraumata, aber auch ihre eigene mentale Krankheit literarisch zu verarbeiten und sich auf diese Weise zu befreien. In gewisser Weise kann man diese Trilogie als eine Art Nekropolis der Familienmitglieder und der globalen Krankheiten wie Krebs, HIV sowie Tuberkulose betrachten. Damit werden die Familienmitglieder samt ihren Krankheiten in Textform zum einen vergegenwärtigt und zum anderen verewigt.

3. Neue Sprache und Intermedialität

Vasjakina nutzt die Sprache, um sich gegen die in der russländischen Gesellschaft vorherrschende Stigmatisierung der Krankheiten sowie der Sexualisierung der Frauenkörper im Allgemeinen zu positionieren. Die Ausdrucksweise dieser Sprache ist gekennzeichnet durch eine naturalistische, direkte und offene Darstellungsform. Die Ich-Erzählerin verwendet eine unverblünte Sprache, um oftmals tabuisierte Sachverhalte beim Namen zu nennen und jegliche Form von Beschönigungen zu vermeiden, sowohl im Kontext der Todesthematik – „Никто не называет смерть смертью. Смерть называется всяким случаем, уходом и еще разными словами, которые не обозначают смерть в бытовой речи. Мама не должна была умирать, должен был произойти всякий случай“ (Vasjakina 2021: 37) – als auch hinsichtlich bestimmter physiologischer Aspekte des Lebens wie Urinieren, Menstruieren, Masturbieren, Geschlechtsverkehr, Vulva etc. „Я хотела забыть о том, как лысая светлая головка орудует языком у меня между ног“ (*ibid.*: 49). „Моим сексом была неловкая навязчивая клиторальная мастурбация [...]“ (*ibid.*: 200). Ihre anti-ästhetische Haltung in Bezug auf Beschreibungen der Physiologie richtet sich gegen den von Männern geschaffenen kulturellen Mythos der Frau und geht auf die russische Frauenprosa der 1990er und 2000er Jahre zurück. Der Anti-Ästhetizismus entwickelt sich zu einem Modus weiblicher Selbstidentifikation und stellt eine bewusste Opposition

gegen die in patriarchalen Strukturen tief verankerte Erwartung dar, dass Frauen von Natur aus nach einer erhabenen ästhetischen Wahrnehmung streben sollen (Fateeva 2005). In dieser Haltung manifestiert sich ein aktiver Widerstand gegen die normativen Geschlechterrollen, die Frauen auf eine passive Rolle als Objekte ästhetischer Begierde reduzieren. Stattdessen wird Vasjakinas Anti-Ästhetizismus zu einem Mittel der Selbstermächtigung, das es Frauen ermöglicht, eigene Identitätskonzepte zu formulieren, die nicht den ästhetischen Diktaten der männlich dominierten Gesellschaft unterworfen sind.

Die besondere Eigenschaft dieser neuen Sprache besteht in ihrer Leichtigkeit und in ihrer Fähigkeit, Sachen, Räume und Situationen auf eine Weise darzustellen, die den Leser in die Lage versetzt, die beschriebenen Inhalte klar zu erkennen und nachzuvollziehen. Dies resultiert in einer immersiven Leseerfahrung, welche eine vertiefte Auseinandersetzung mit den dargestellten Inhalten fördert. In ihrer Rezension spricht Irina Karpova davon, dass *Rana* in einer menschlichen Sprache verfasst sei und betont die sprachliche Offenheit der Autorin in Bezug auf gesellschaftlich tabuisierte Themen, die über einen langen Zeitraum hinweg vermieden worden seien (Karpova, Šorochova 2022).

Это язык молодой женщины, сибирячки, поэтессы и лесбиянки, но в первую очередь он человеческий – Васякина говорит со мной, читательницей, как с человеком. Это не язык коллективной Улицкой, в мелодраматическом экстазе описывающей горести интеллигенции, не язык-снотворное лауреатов крупных премий, не язык „новых искренних“ из начала нулевых, через который надо продираться, как через торговый ряд на Черкизоне, откидывая с лица рукав паленого „абибасного“ костюма. (*Ibid.*)

Ogleich Vasjakina als Autorin eine ablehnende Haltung gegenüber der Verwendung von Metaphern zur Beschreibung von Krankheiten einnimmt, bedient sie sich als Ich-Erzählerin dennoch dieses Stilmittels, um ihre Protagonisten mit Naturphänomenen zu vergleichen. Die Ich-Erzählerin vergleicht die Figur der Mutter mit einem Baum, der für sie die Verbindung zwischen der Erde und der Luft symbolisiert. „Мать всю жизнь работала на то, чтобы крупницы обработанного дерева на ее заводе поднимались вместе с дымом в небо. Теперь и она, как дерево, была на небе“ (Vasjakina 2023: 50). Die Figur des Vaters wird in Verbindung mit der Steppe dargestellt. In ähnlicher Weise wird der eigene Vater von der Ich-Erzählerin wahrgenommen. Dabei wird er am Tag als warm und sanft, in der Nacht hingegen als kühl und brutal beschrieben. In einer Erinnerung wird er von der Ich-Erzählerin als ein guter Freund beschrieben, mit dem man alles machen kann. Die Brutalität des Vaters manifestiert sich in seiner Beziehung zu seiner Ehefrau, die er misshandelte. In der Beziehung zu seiner Tochter zeigte er keine emotionalen Regungen und nahm keine Rücksicht auf ihre Bedürfnisse. Die Tante wird in zweierlei Hinsicht mit der Rose verglichen. Erstens wollte Svetlana diesen Namen ihrer Tochter geben, musste allerdings dem Druck der Großmutter nachgeben und ihre Tochter Valentina taufen, obwohl sie diesen Namen nicht

wollte. Zweitens symbolisierte die rote Rose in der europäischen Malerei des 19. und 20. Jahrhunderts den Bluthusten, ein Attribut der Tuberkulose, und wurde oft in den Händen der an dieser Krankheit sterbenden Frauen gemalt. Die Ich-Erzählerin zieht im Werk einen Vergleich zwischen ihrer Tante und den Frauen, die in einer Reihe von Kunstwerken dargestellt werden, darunter Jules Bouvier *The common lot* (1842–1865), Claude Monet *Camille Monet sur son lit de mort* (1879), Christian Krohg *Syk pike* (1881) und Michail Nesterov *Bol'naja devuška* (1928).

In der Trilogie stellt die Ich-Erzählerin intermediale Bezüge zwischen den Kunstformen Malerei und Kino und den Protagonisten her, um ihre Krankheit und ihr Leiden visuell darzustellen. Die Vermittlung eines anschaulichen Bildes der Krankheitssituation ermöglicht es dem Leser, sich angemessen mit dem Thema auseinanderzusetzen und eine Vorstellung von der betroffenen Figur zu gewinnen, auch ohne sie persönlich zu kennen. Durch den Vergleich ihrer Tante mit dem Mädchen auf Nesterovs Bild, das an Tuberkulose stirbt, konstatiert die Ich-Erzählerin eine auffallende Ähnlichkeit zwischen den beiden. Die Mutter wird mit der Heiligen Agathe verglichen, deren Brüste abgeschnitten wurden, woraufhin sie als Märtyrin starb. Der Vergleich mit der Heiligen Agathe basiert auf den letzten Jahren im Leben der Mutter, in denen sie infolge ihrer Krebserkrankung schweres Leid erfuhr und ihr zudem eine Brust amputiert wurde. Die Figur des Vaters wird mit derjenigen des Taxifahrers Ivan Šlykov aus dem Film *Taxi Blues* (Regie: Pavel Lungin, 1990) verglichen. Der Vater wird dabei als eine von sadistischen Zügen geprägte, kleinkriminelle Persönlichkeit beschrieben, die ihren Lebensunterhalt mit Taxifahren verdient. Er misshandelte die Mutter der Ich-Erzählerin in einer Weise, die zu einer bläulichen Färbung ihres Gesichts und zum Abbruch ihres Vorderzahns führte. Im Anschluss vergewaltigte er sie, während sie in ihrem Blut lag. Die Ich-Erzählerin erkennt eine gewisse Ähnlichkeit zwischen sich selbst sowie den Frauen in ihrer Familie und den Frauen aus der Bilderserie *Depression* von Paula Rego (2017). Sowohl die Frauen in der Bildserie als auch die Frauen ihrer Familie strahlen etwas Unausgesprochenes aus, als ob sie alle ihre Krankheiten und Emotionen eindämmen würden. Die Ich-Erzählerin vergleicht ihren eigenen Schreibstil mit Skulpturen von Berlinde De Bruyckere, deren zentrale Themen die Verletzlichkeit des menschlichen Körpers, das menschliche Bedürfnis nach Schutz und Wärme, Liebe und Verständnis, Leben und Tod, Einsamkeit und Fragilität von Mensch, Tier und Pflanzenwelt sind (Mengono 2014). „Она [Berlinde De Bruyckere – А.М.] делает слепки с поверженных бурей стволов деревьев и обматывает их мягкой состаренной тканью, похожей на застиранные портянки. Я тоже делаю слепки со своей жизни и бережно укрываю их текстами“ (Vasjakina 2023: 182).

Die Ich-Erzählerin zieht Ekphrasen vor, um Beziehungen zwischen ihren Familienmitgliedern zu charakterisieren. So vergleicht sie die Beziehungen zwischen der Tante und der Großmutter mit dem Bild *Two plants* (1977–1980) von Lucian Freud, auf dem Lakritz-Strohblumen und Schusterpalmen dargestellt sind. Ihrer Meinung nach riechen die abgebildeten Pflanzen nach Verwesung, so wie das gemeinsame

Leben der beiden Frauen (*ibid.*: 53). Allerdings ist Freuds Bild zu naturalistisch, um menschliche Beziehungen repräsentieren zu können. Als das Bild zum ersten Mal ausgestellt wurde, sorgte es für Verwirrung, „[...] denn die Pflanzen, die Freud zum Malen auswählte, haben nichts über menschliche Angelegenheiten zu sagen – sie sind zu pflanzenähnlich: so schweigsam wie Pflanzen nur sein können“ (Aloi 2022). Freud sagt über das Bild: „I wanted it to have a really biological feeling of things growing and fading and leaves coming up and others dying“ (zitiert nach *ibid.*). In dieser Hinsicht scheint das von der Ich-Erzählerin ausgewählte Bild mehr zum Ausdruck zu bringen als nur die komplexe Beziehung zwischen der Tante und der Großmutter. Freuds Bild repräsentiert das ganze Leben der Familie der Ich-Erzählerin. Die gelben Blätter auf dem Bild, die langsam absterben, symbolisieren das langsame Sterben der Familienmitglieder.

4. Krankheitsnarrative

Die Narrative des Krankseins, der Pflege sowie des Sterbens und der Trauer spielen in der Trilogie eine außerordentlich bedeutsame Rolle. Der Tod als Folge einer Erkrankung stellt das Leitmotiv der Trilogie dar, da alle Familienmitglieder der Ich-Erzählerin an verschiedenen Krankheiten verstorben sind. Von besonderer Bedeutung ist dabei, dass die Krankheitsgeschichten aus der Perspektive der Ich-Erzählerin wiedergegeben werden, die selbst direkt davon betroffen ist. In Anlehnung an die Theorie von Arthur Frank kann man die Ich-Erzählerin als „wounded storyteller“ bezeichnen (Frank 2013). Damit beschreibt Frank eine Figur, die durch das Erzählen ihrer Leidensgeschichte den Versuch unternimmt, Kontrolle über die eigene Erfahrung zurückzugewinnen und gleichzeitig ihre Verwundung zu kommunizieren (*ibid.*). Die Ich-Erzählerin der Trilogie thematisiert nicht nur die Krankheitsgeschichten ihrer Familienmitglieder, sondern offenbart auch ihre eigene Krankheitsgeschichte. Im Verlauf der Trilogie schildert sie, wie sie unter Panikattacken und chronischen Depressionen leidet, bis schließlich eine Borderline-Persönlichkeitsstörung diagnostiziert wird. Die Verarbeitung von Erfahrungen erfolgt durch das Erzählen von Geschichten, wodurch der Erkrankung ein Sinn gegeben wird (*ibid.*: 7). Die Ich-Erzählerin sieht sich mit dem Verlust ihrer Mutter, ihres Vaters und ihrer Tante sowie mit einer eigenen psychischen Erkrankung konfrontiert, welche ihr die Bewältigung des Alltags erheblich erschwert, und versucht ihre Geschichte zu erzählen. Frank differenziert zwischen verschiedenen Erzählformen, wobei er zwischen dem „Restitutionsnarrativ“, das auf Heilung und Wiederherstellung abzielt (*ibid.*: 75), dem „Chaosnarrativ“, das von Verzweiflung und Sinnlosigkeit geprägt ist (*ibid.*: 97), und dem „Quest-Narrativ“ unterscheidet. Letzgenannter Begriff bezeichnet eine Erzählform, bei der die Krankheit als eine Reise aufgefasst wird, die eine persönliche Transformation ermöglicht (*ibid.*: 115). Die jeweilige Erzählform reflektiert die Art und Weise, wie Betroffene ihre Erfahrungen deuten und mit ihrer Verwundung umgehen. Vasjakinas Ich-Erzählerin präsentiert ihre

Geschichte fragmentarisch, sie wechselt häufig die Gedankengänge, bricht abrupt ab und beginnt neue Erzählstränge. Diese sprunghafte Erzählweise tendiert zum Chaosenarrativ. Dieses Narrativ ist durch Unordnung, Unterbrechungen und einen Mangel an linearer Struktur gekennzeichnet und dient als Mittel, um die Verwirrung und den Mangel an Kontrolle auszudrücken, die in der Erfahrung von Krankheit und Verlust vorherrschen. Die Ich-Erzählerin verwendet diese chaotische Erzählordnung, um ihren emotionalen und psychologischen Zustand nach dem Verlust ihrer Familienmitglieder widerzuspiegeln und die Fragmentierung ihrer Realität zu veranschaulichen. Die verwundete Ich-Erzählerin macht ihre Wunde zum integralen Bestandteil des künstlerischen Ausdrucks. Dies führt dazu, dass sie zögert, das Buch über den Tod der Mutter zu vollenden.

Я боюсь этого [закончить книгу. – *A.M.*] потому, что у меня есть четкое ощущение: после того как я допишу эту книгу, во мне запечатается рана. Рана, которую я долго не хотела заживать, рана, которая долго была частью моего сознания, моей художественной практики. (Vasjakina 2021: 243)

Douglas Davies spricht über ein „medizinisches Modell“ der Trauer (2022: 117–121). Dieses Modell zeichnet sich durch die Auffassung der Trauer als eine Krankheit aus. Menschen, die ihre Nächsten verloren haben, werden ihr zufolge krank und verwundet. Nur wenn sie die Wunde geschlossen haben, können sie in den Alltag zurückkehren, was laut dieser Theorie als Verheilung gilt. Allerdings schlussfolgert Davies, dass es keine Rückkehr zum vorherigen Zustand gibt. Denn die gemachte Erfahrung mit dem Tod verändert Menschen innerlich, sie prägt ihr Gedächtnis und ihre Sichtweise auf die Welt (Davies 2022: 121).

Krankheit und Kranksein erfordern sowohl Fürsorge als auch Pflege, die in spezifischen Räumen wie Privatwohnungen und Krankenhäusern stattfinden. In der Trilogie ist die Handlung hauptsächlich in diesen Räumen angesiedelt. Diese Orte sind in der russischen und europäischen Kultur traditionell stark mit Frauen und sogenannter Frauenarbeit verbunden. Die Darstellung dieser Räume als primäre Handlungsorte unterstreicht die historisch und kulturell geprägte zentrale Rolle von Frauen in der Pflege und Betreuung von Kranken und reflektiert zugleich die geschlechtsspezifische Arbeitsteilung in diesen Gesellschaften. In ihrer Analyse der russischen feministischen Literatur der 1980er und 1990er Jahre weist Helena Goscilo (1989; 1996) nach, dass der Chronotopos des Krankenhauses und des Heims in der russischen Kultur seit jeher mit weiblichen Konnotationen verbunden ist. In diesem Kontext folgt Vasjakina der Tradition, indem sie die Rolle der Frauen in diesen Räumen thematisiert und gleichzeitig die Intensität und Komplexität des Leidens aus weiblicher Sicht schildert. Sie spitzt das Konzept zu und setzt die Frau mit einem Raum gleich. Dies impliziert, dass im Falle ihres Todes auch der Haushalt und die Wohnung als nicht mehr existent betrachtet werden. Die Verantwortung für die Haushaltsführung, die Reinigung der Wohnung und die Anschaffung von Haushaltsgeräten wird in diesem Zusammenhang als eine Form

der Aneignung der Kontrolle über den weiblichen Körper und die weibliche Sphäre durch die Frau interpretiert. „Кропотливая забота о вещах, бережливость, скупое выстраивание своего личного мира – это возврат контроля над собственным телом и участком территории, которая им принадлежала“ (Vasjakina 2023: 176). Ihre Werke bieten somit nicht nur eine tiefere Einsicht in die Erfahrungen von Frauen im Kontext von Krankheit und Pflege, sondern auch eine kritische Reflexion über die kulturellen und sozialen Konstruktionen dieser Räume. Durch die Aufnahme und Weiterentwicklung traditioneller Narrative leistet Vasjakina einen wesentlichen Beitrag zur Diskussion über Geschlecht und Raum in der zeitgenössischen russischen Literatur.

4.1. Krebsnarrativ

In der russischen, wie in der westeuropäischen Literatur dominiert ein Erzählmuster über Krebs, insbesondere Brustkrebs, das von erfolgreichen Behandlungen geprägt ist. Dieses Muster wird von verschiedenen gesellschaftlichen Akteuren verbreitet, darunter Verlage, die durch ihre Publikationen erkrankte Menschen ermutigen möchten, sowie verschiedene Organisationen, die auf das Problem aufmerksam machen. In den meisten Fällen wurde das Narrativ von gebildeten Frauen aus der Mittelschicht erzählt, die Brustkrebs hatten und ihn durch eine Behandlung unter Kontrolle brachten oder sogar vollständig geheilt wurden, wodurch sie sich im positiven Sinne veränderten (Couser 1997: 39). Beispiele hierfür sind Dar'ja Doncovas Buch *Ja očen' choču žit': Moj ličnyj opyt* (2022) und Katerina Gordeevas Bücher *Pobedit' rak* (2013) und *Pravila vedenija boja* (2019). Vasjakina etabliert ein neues Narrativ der Brustkrebserkrankung, indem sie die tragische Krankheitsgeschichte einer Frau aus sozioökonomisch benachteiligten Verhältnissen darstellt, welche an den Folgen ihrer Brustkrebserkrankung verstirbt.

Im Jahr 2016 wurde bei der Mutter der Ich-Erzählerin Brustkrebs diagnostiziert, was eine Amputation der betroffenen Brust zur Folge hatte. Nach Abschluss der Chemotherapie und Bestrahlung wurden bei der Patientin im Jahr 2018 Metastasen im Körper festgestellt, was für ihren Partner und die Ich-Erzählerin mit einer langen Phase der Ungewissheit und des Wartens auf den Tod einherging. Während andere Familienmitglieder auf ein Wunder hofften, hat die Ich-Erzählerin ein solches erwartet. Das Warten erstreckte sich über einen Zeitraum von einem Jahr.

Год ждать смерти – это не то же, что год ждать чего-то другого. Год ждать смерти – это как ждать горя и облегчения одновременно. Год ждать смерти – это долго и мучительно. Год ждать смерти – это не то же, что ждать переезда или выхода книги. Кажется, что каждая минута теперь – это возможность чуда и не найденного до этого счастья. Но это не так. Это тяжелое время преждевременной скорби. Потом я ждала еще две недели, когда мама совсем перестала вставать. Эти две недели были как большое время беды. Бесконечное время тишины. (Vasjakina 2021: 30)

Die Mutter befand sie sich nun im Terminalstadium. Sie konnte kaum noch aufstehen. Sie lag auf dem Schlafsofa, schaute Krimis im Fernseher und aß fast nicht. Nachts musste sie viel husten und erbrechen, von Schlaf konnte keine Rede sein. Das langsame Sterben der Mutter an Krebs verfolgte die Ich-Erzählerin aus unmittelbarer Nähe. Sie reiste aus Moskau nach Wolschki, pflegte die sterbenskranke Mutter, wechselte den Eimer voller Erbrochenem und Urin und erledigte alltägliche Aufgaben wie Kochen, Putzen und Aufräumen. Dabei versuchte sie den monotonen Alltag der Mutter mit verschiedenen kleinen Geschenken wie Blumen oder Büchern zu verschönern.

Ровно неделю, пока мама умирала, я жила в ее квартире. Я ходила в магазин и приносила ей цветы и подарки. Каждый раз, поднимаясь по лестнице в подъезде, я думала, что, пока меня не было, ее не стало совсем. Но она все еще была жива. Она невидящими глазами смотрела телевизор и молчала. (*Ibid.*: 30)

Die Entscheidung, in der Wohnung ihrer Mutter zu leben, fasste die Ich-Erzählerin aus Angst, sich und der Mutter einzugestehen, dass es ihr sehr weh tut, sie in diesem miserablen Zustand zu sehen. Aufgrund der geringen Größe der Wohnung mussten die Mutter und die Ich-Erzählerin ein Schlafsofa teilen. Sie schlafen mit dem Kopf neben den Füßen des anderen, weil die Ich-Erzählerin Angst vor der Atmung der Mutter hat. In dieser Konstellation verbringen sie fünf Nächte. Die darauffolgenden vier Absätze im Text beginnen mit dem Satz „Мы спали валетом, а она умирала“ (*ibid.*: 76–78). Die Repetition intensiviert die Aussage und evokiert beim Leser eine kognitive Erfahrung, die es ihm ermöglicht, sich in die beschriebenen Nächte hineinzusetzen.

Мы спали валетом, а она умирала. Я знала, что она умирает, и Андрей знал, что она умирает, и мама знала, что она умирает. [...]

Мы спали валетом, а она умирала. Я мысленно возвращаюсь в те ночи, я пытаюсь написать о том, как это – спать на одном диване с умирающей матерью, но сбиваюсь на квартиру, на ее запах, на телевизор. [...]

Мы спали валетом, а она умирала. Мне не было легко, но и тяжело мне не было. [...]

Мы спали валетом, а она умирала. Я все думала и думала о себе, заставляла себя осознать происходящее. (*Ibid.*: 76–78)

Der Wunsch der Ich-Erzählerin, mit der Mutter ihre letzten Tage und Stunden zu verbringen, basiert auf einer allgemeinen idealisierten Vorstellung der letzten Tage mit einer sterbenden Person. Sie beruht auf Annahmen, dass die sterbende Person noch etwas Wichtiges sagen wird und man diesen Moment nicht verpassen will. So glaubt auch die Ich-Erzählerin, dass diese letzten mit der Mutter verbrachten Minuten etwas Sinnvolles sind. Dennoch werden ihre Erwartungen nicht erfüllt. Es passiert einfach nichts in diesen Minuten, außer Sterben. Die Phase des Wartens ist für alle Beteiligten von beträchtlicher Dauer.

Aus diesem eintönigen Alltag blieb der Ich-Erzählerin ein Tag in Erinnerung, an dem die Mutter aufstand, um einen Hering in Salzlake einzulegen, von dem

sie am Abend mehrere Stücke aß. Salzhering und allgemein Fisch waren das Lieblingsgericht der Mutter. Dieses Mahl war ihr letztes. An diesem Abend sprachen die Mutter und die Ich-Erzählerin über den möglichen Ort der Beerdigung. Auf Vorschlag der Ich-Erzählerin, die Mutter in Ust-Ilimsk neben ihrer Mutter – in der Trilogie als Großmutter bezeichnet – und ihrer Schwester – in der Trilogie Tante genannt – zu beerdigen, sagte sie zu ihr: „Возле Светки не хорони, мы с ней перед ее смертью поругались“ (*ibid.*: 38). Zudem äußerte die Mutter den Wunsch, in einem beigen Hosenanzug beerdigt zu werden. Nachdem die Ich-Erzählerin sagte, dass das leider nicht möglich sei, da der Hosenanzug synthetisch sei, einigten sich die beiden auf ein knielanges schwarzes Kleid, das Lieblingsstück in der Garderobe der Mutter.

Das kleine schwarze Kleid, das von Gabrielle Chanel entwickelt und von bekannten Schauspielerinnen wie Marilyn Monroe, Audrey Hepburn und Brigitte Bardot auf der Leinwand getragen und somit popularisiert wurde, steht für Weiblichkeit und die sexuell erfahrene Frau. In jungen Jahren hat die Mutter das kleine Schwarze bei vielen Anlässen gerne getragen und damit allen Männern in ihrer Umgebung den Kopf verdreht. Für die Ich-Erzählerin verkörpert sie das Ideal der wahren Frau, die selbst in den schwierigsten Situationen des Lebens ihre Weiblichkeit bewahrt.

Мама была настоящей женщиной. Женщиной в квадрате. Женщиной-женщиной. ЖЕНЩИНОЙ. Она часто говорила мне, что я тоже однажды стану женщиной. Что такое стать женщиной, я не понимала и, кажется, до сих пор не поняла. Когда моя жена Алина меня спросила, что это значит – женщина-женщина, я ответила, что женщина-женщина, даже находясь при смерти в ожидании врача, просит помочь ей надеть трехкилограммовый силиконовый протез груди, чтобы врач не видел, что она увечна. (*Ibid.*: 55)

Die Weiblichkeit der Mutter war stark ausgeprägt. Für sie bedeutete das Leben Weiblichkeit. Als ihr eine Brust amputiert wurde, gab sie diese Weiblichkeit nicht auf und bestellte eine Brustprothese aus der Überzeugung, dass eine Frau mit einer Brust keine Frau sei, eine Frau brauche zwei Brüste. Um diese Prothese zu bekommen, musste sie ein Jahr lang beim lokalen Gesundheitsministerium kämpfen. Nach der Chemotherapie verlor sie ihre Haare, sie trug jedoch Perücken und Kopftücher. Gleichzeitig schämte sich die Mutter dafür, dass ihr die Krankheit zwei Attribute des Frauseins, nämlich die Haare und die Brüste, geraubt hatte.

Она [мать. – А.М.] стыдилась своей болезни, стыдилась того, что она потеряла главные атрибуты женской женщины – волосы и грудь. [...] Она была поражена в своей женскости. Она понимала, что потеряла себя как женщину. Но не признавала этого до самого конца, пока не осталась без сознания и не смогла контролировать свой внешний вид. (*Ibid.*: 57)

Im Hospiz merkte ihr Lebenspartner Andrej, dass sie sich nicht mehr pflegte und schließlich den Kampf um das Leben und – viel wichtiger – um ihre Weiblichkeit aufgab.

Она [мать. – А.М.] лежала на постели с открытыми глазами и распахнутой на груди ночнушкой. Ее шрам на половину груди был виден всем. Всем, кроме нее. Когда Андрей рассказал мне это, я окончательно поняла, что она уже тогда была мертва. Странно, подумала я, что ее женскость умерла первой и только потом погибло ее тело. (*Ibid.*)

Nach ihrem Tod im Hospiz wurde der Körper der Mutter eingeäschert und von der Ich-Erzählerin in einer Urne nach Sibirien transportiert. In Ust-Ilimsk wurde ihre Asche neben der Großmutter und der Tante der Ich-Erzählerin begraben. Auf der Reise dorthin wurde die Gedenkveranstaltung viermal gefeiert, entsprechend der Anzahl der Stationen, die Bedeutung in ihren Biografien hatten: in Wolschski, wo die Mutter ihre letzten Jahre gelebt hatte, in Moskau, wo die Ich-Erzählerin wohnt, in Irkutsk, wo die Mutter studiert hatte, und letztendlich in Ust-Ulimsk, wo sie den größten Teil ihres Lebens verbracht hatte.

4.2. HIV-Narrativ

In der russländischen Gesellschaft herrscht eine starke Stigmatisierung von Personen, die an HIV¹ erkrankt sind, gerade auch weil die Krankheit ausschließlich mit Homosexuellen, Prostituierten und Drogenabhängigen in Verbindung gebracht wird. Diese Wahrnehmung steht im Widerspruch zur Realität, da das Virus mittlerweile in allen Schichten der Gesellschaft verbreitet ist (Wagner 2018). Die Stigmatisierung von HIV hat ihre Ursprünge in den 1980er Jahren, als das Virus noch nicht ausreichend erforscht war und mit einer lockeren sexuellen Moral in Verbindung gebracht wurde (Reuster 2019). Die Krankheit wurde in den 1990er Jahren als SPID und *čuma* bezeichnet und der Name ist nach wie vor präsent. Das Stigmatisierungsbild wurde durch eine massive Werbekampagne mit Plakaten verstärkt, die in Krankenhäusern der UdSSR und später Russlands zu finden waren und die Botschaft vermittelten, dass promiskuitives Verhalten zu AIDS führt.

Im Verlauf der 2000er Jahre manifestierte sich in der russländischen Bevölkerung die Annahme, dass HIV ausschließlich Menschen in Risikogruppen betrifft. Diese Überzeugung konnte durch die jüngste Umfrage des Allrussländischen Meinungsforschungszentrum (VCIOM) bestätigt werden und ist nach wie vor von dominanter Präsenz („Bol'naja tema: rossijane o VIČ i SPIDE“ 2023). Obschon sich in Russland weiterhin eine steigende Anzahl von Menschen mit dem HI-Virus infiziert, wurde das Thema HIV weder in der Literatur noch in der Kunstszene

1 Das Human Immunodeficiency Virus (HIV) ist eine Krankheit, deren finale Phase das Acquired Immune Deficiency Syndrome (AIDS) darstellt. Im vorliegenden Artikel wird der fachliche Terminus HIV verwendet, wobei in der russischen Umgangssprache beide Begriffe als Synonyme gelten. Der letztere ist jedoch mit einer negativeren Konnotation behaftet als das HIV.

Russlands reflektiert (Merkur'eva 2020). Im Gegensatz zur amerikanischen und französischen Literatur, wo ein großer Korpus solcher Texte existiert, wurde das Thema HIV in der russischen Literatur bis zur zweiten Hälfte der 2010er Jahre kaum behandelt (Loginova 2020; Kuz'min 2020). Es entstand nur eine Handvoll Werke auf Russisch, die diese Krankheit und ihre Folgen in den Mittelpunkt stellen: *Pljus žizn'* (2019) von Kristina Gepting und *SPID. Doroga tuda i obratno* (Kurakin 2023) von Denis Kurakin.

Vasjakinas Vers libre *moj otec byl dal'nobojščik* ist einer der ersten Versuche, in der russischen Poesie über HIV zu sprechen. Folgenden Ausschnitt zitiert die Ich-Erzählerin in der Trilogie:

[...] от СПИДа умирают кто угодно
 чужие наркоманы
 чужие рок-звезды
 чужие манекенщицы
 чужие геи
 чужие люди
 но не чьи-то отцы и братья
 вот он умер от СПИДа
 и никто об этом не знает и не узнает если не прочтет этот
 текст
 потому что когда его друг узнал что отец
 умер от СПИДа
 он удивился и сказал: ведь я с ним из одной кружки пил
 и ничего здоров
 есть официальная версия смерти моего отца менингит
 от менингита может умереть
 твой ребенок
 твой отец
 твоя мать
 твоя сестра
 твоя жена
 твой муж
 кто угодно твой
 то что он умер от СПИДа держится в строгом секрете
 мне непонятно зачем
 хотя когда у меня редко спрашивают от чего он умер
 таким молодым
 47 лет
 я смотрю на человека и думаю что ему ответить
 не знаю почему
 но иногда мне кажется что я думаю что выбрать
 именно от того что есть
 официальная версия
 на самом деле когда меня спрашивают
 чаще всего я отвечаю
 что это была ВИЧ-инфекция

это не так страшно звучит как СПИД
 от СПИДа не умирает твой отец
 а ВИЧ-инфекция может вызвать смерть твоего отца [...]. (Vasjakina 2019: 30)

In diesem Gedicht thematisiert Vasjakina die Stigmatisierung von HIV und stellt fest, dass nur fremde Leute an AIDS sterben, während vertraute Menschen wie Verwandte oder Freunde an Hirnhautentzündung sterben. Die Gegenüberstellung von dem Eigenen und dem Fremden verdeutlicht die Diskrepanz in der Wahrnehmung und Darstellung von HIV. Diese Haltung reflektiert eine weitverbreitete Meinung in der russischen Gesellschaft, dass sich nur die Fremden mit HIV infizieren und an AIDS sterben können, während die Eigenen davon verschont bleiben, weil sie ein frommes Leben führen.

In ihrem zweiten Roman *Step'* greift Vasjakina das HIV-Narrativ erneut auf und erzählt über das Leben ihres Vaters Jurij. Die Ich-Erzählerin kannte ihren Vater schlecht. Er und die Mutter ließen sich vor mehreren Jahren scheiden. Er zog nach Astrachan und die Mutter blieb mit der Tochter in Ust-Ilimsk. In der Erinnerung der Ich-Erzählerin blieb der Vater als ein guter Freund, mit dem man alles machen konnte. Er war für die Ich-Erzählerin wie ein großes Fest im Vergleich zur Mutter, die immer streng und fordernd war. Als sie ihn nach mehreren Jahren als Erwachsene wiedertraf, begegnete sie einem alternden Mann, der ein ärmliches Leben führt und seinen Lebensunterhalt mit LKW-Touren verdient. Die Ich-Erzählerin begleitete ihn mehrere Male auf diesen Touren und lernte den Vater von seiner bösen Seite kennen. Er erzählte ihr, wie er seine Frau schlug und vergewaltigte, als er erfuhr, dass sie fremdgegangen war. Der Vater besuchte seine Tochter mehrmals in Moskau, die beiden pflegten jedoch keinen regelmäßigen Kontakt miteinander. Die Ich-Erzählerin erfuhr lediglich per Telefonanruf von seinem Tod und machte sich auf den Weg nach Astrachan. Ihr Vater Jurij starb mitten im Leben, er war gerade 47 Jahre alt. „Он умер 10 сентября 2014 года. Ему было сорок семь лет, но выглядел он как старик. Степь ветром и солнцем обвела его и состарила, СПИД привел к параличу части лица и нескольких пальцев на правой руки, менингит разрушил его мозг“ (Vasjakina 2022: 109). Als offizielle Todesursache wurde eine Hirnhautentzündung angegeben, allerdings hegte die Ich-Erzählerin Zweifel daran und fand heraus, dass ihr Vater infolge einer HIV-Infektion verstorben war, die sich aufgrund mangelnder Behandlung zu AIDS entwickelt hatte. Die Krankheit und der Lebensstil des Vaters verschlechterten seinen Gesundheitszustand und führten letztendlich zum Tod.

Отец вел разрушительный образ жизни: бесконечно ехал, плохо спал, курил по две пачки крепких сигарет в день и раз в две недели напивался до беспамятства. Несколько раз я видела, как он курил траву в перерывах между рейсами или на долгой погрузке. (*Ibid.*: 183)

Der Vater wusste von seinem HIV-positiven Status, aber er ließ sich nicht therapieren, weil er dies ablehnte. Als ehemaliger Drogenkonsument wurde er wahrscheinlich

durch eine Heroinspritze mit HIV infiziert. Er behielt diese Information für sich und erzählte niemandem von seinem positiven Status. Erst nach dem Tod erfuhren einige seiner engsten Freunde, dass er das Virus gehabt hatte, und waren darüber überrascht. Seine Lebenspartnerin Ilona wusste von seiner HIV-Infektion und wurde durch ungeschützten Geschlechtsverkehr mit ihm ebenfalls infizieren. Die beiden dachten, dass der Tod unausweichlich ist und es keine Möglichkeit gibt, ihn aufzuschieben.

Он был в курсе своего статуса и относился к нему как к чему-то фатальному. ВИЧ представлялся отцу как заурядная *болячка* [H.i.O.], от которой он был обязан умереть. Но когда это произойдет, он не знал, и поэтому его время становилось временем повторяющихся предсмертных мгновений. Однажды эти мгновения должны были закончиться, и он принимал этот факт угрюмо и с тоской. (*Ibid.*: 182)

Die weit verbreitete Angst vor Stigmatisierung und Diskriminierung aufgrund einer HIV-Infektion führte dazu, dass Jurij und seine Lebenspartnerin Ilona ihren positiven Status geheim hielten und keine Anzeichen dafür zeigten. Sie vermieden es, anderen von ihrer Infektion zu erzählen und verbargen alle Hinweise, die Verdacht erregen könnten. Die beiden unterwarfen sich dem Schicksal und akzeptierten das Virus in ihren Körpern. Sie informierten sich nicht über mögliche Therapien und suchten keine Kontakte zu Ärzten. „Она [Илона. – А.М.] боялась. Боялась глупых пересудов, боялась, что погибнет. Ей было невыносимо стыдно. Уязвимость, свидетельницей которой я стала, была уязвимостью ни в чем не виноватой женщины, которая не знала, что она виновата“ (*ibid.*: 182). Obwohl Ilona nicht schuld daran war, war sie in dieser Situation eine Gefangene. Ihrer Meinung nach gab es keinen Ausweg daraus, außer den Tod. „[...] ВИЧ для нее [Илоны. – А.М.] означал неизбежную смерть. Ее вой над гробом отца был воем о собственной обреченности“ (*ibid.*: 202). In der russländischen Gesellschaft ist nicht nur das HIV, sondern auch das Sterben an AIDS stark stigmatisiert. AIDS haftet der Mythos einer schändlichen tödlichen Krankheit an. Für die Familie des Verstorbenen bedeutet der Tod durch AIDS eine generelle Schweigepflicht. „Одно только слово СПИД вызывает мутный стыд. [...] Илона, чтобы скрыть тайну смерти, [...] взяла под контроль все документы и похороны. Справки о статусе она спрятала“ (*ibid.*: 181). Ilona kontrollierte die Beerdigung des Vaters und versteckte alle gesundheitlichen Papiere, die seine HIV-Infektion dokumentieren. Ihr Handeln ist mit ihrem eigenen Überleben verbunden, denn sollte die Wahrheit ans Licht kommen, würde dies ihren sozialen Tod bedeuten.

Das HIV-Narrativ bei Vasjakina bezieht sich auf die Darstellung und den Umgang mit HIV in der Literatur. Sie thematisiert die Stigmatisierung von HIV in der Gesellschaft, indem sie ihre persönlichen Erfahrungen und Beobachtungen von Menschen mit HIV in ihre Texte integriert und die Krankheit und die Todesursache ihres Vaters öffentlich macht. In ihrem Roman fordert die Autorin das gängige Narrativ heraus, dass nur Drogenkonsumenten und deren Familienmitglieder HIV bekommen können. Gleichzeitig durchbricht sie das langanhaltende Schweigen über dieses Thema und

versucht Empathie für alle Menschen zu schaffen, die mit HIV infiziert sind. In diesem Text wird HIV nicht ausschließlich als eine lebensbedrohliche Krankheit dargestellt, sondern vielmehr als integraler Bestandteil des menschlichen Lebens mit all seinen Facetten. Der Vater und seine Partnerin werden nicht als Ausgestoßene geschildert, vielmehr als lebendige Individuen, die ein Leben führen, obwohl dieses Leben nicht als vollkommen erfüllt betrachtet werden kann.

4.3. Narrativ der Tuberkulose

In der russischen Kultur wird Tuberkulose heute ähnlich stark wie HIV stigmatisiert. Die Krankheit hat sich in der russischen und westeuropäischen Kultur von einer romantisierten Krankheit, die in der Vorstellung mit Adel verbunden war, zu einer „asozialen“ Erkrankung für Randgruppen der Gesellschaft entwickelt (Moser 2018). In der russländischen Gesellschaft herrscht die weit verbreitete Auffassung, dass Tuberkulose hauptsächlich sozial benachteiligte Gruppen betrifft und keine Bedrohung für den Rest der Bevölkerung darstellt (Nazarova 2016). Dieser logische Irrtum beruht darauf, dass Angehörige benachteiligter Gruppen einen signifikanten Anteil der Tuberkulosepatienten ausmachen. Zudem ist Tuberkulose in Russland mit einem starken sozialen Stigma verbunden, wodurch viele Patienten versuchen, ihre Erkrankung oder die ihrer nahen Verwandten zu verbergen, einschließlich derjenigen, die in der Vergangenheit an Tuberkulose erkrankt waren. Das Verschweigen der Krankheit vor sich selbst, den Angehörigen und der Gesellschaft hat negative Auswirkungen auf die epidemiologische Situation und die Sterblichkeitsrate. Ein weiterer Stereotyp basiert auf dem Bild von Tuberkulosepatienten in der klassischen Literatur, nach dem sich die Symptome zwangsläufig als Sputumproduktion und Hämoptyse manifestieren, obwohl diese erst in späteren Stadien auftreten, wenn die Heilung schwieriger ist. Infolgedessen bremsen Stereotypen und Stigmatisierung in Russland die Verbesserung der epidemiologischen Situation bei Tuberkulose.

Die Tante der Ich-Erzählerin, Svetlana, litt 14 Jahre lang an Tuberkulose und verstarb jung im Alter von 39 Jahren. Das dritte Buch der Trilogie trägt den Titel *Roza* und ist der Tante und ihrem Leben von der Geburt bis zum Tod gewidmet. Dabei wird ersichtlich, dass Svetlana ihr ganzes Leben von Tod, Krankheiten, psychischen und physischen Leiden geprägt war. Bereits als Säugling erlitt sie einen Erstickenfalls durch ein Stück Wurst, welches ihr von ihrer Schwester, der Mutter der Ich-Erzählerin, in den Mund gelegt worden war. In ihrer Kindheit wies Svetlana eine hohe Prävalenz für Infektionskrankheiten auf. Wunden an den Lippen heilten nur unzureichend und die Hände waren von Neurodermitis betroffen. Dazu wurden bei Svetlana wiederholt verschiedene Hauterkrankungen wie Krätze, Läuse und Flechte diagnostiziert. Im Jugendalter manifestierte sich eine Hautkrankheit im Genitalbereich.

Eine Ausbildung schaffte Svetlana nicht abzuschließen, auch hatte sie keine feste Arbeitsstelle. Sie verdiente ihren Lebensunterhalt mit gelegentlichen kurzzeitigen

Beschäftigungen und wohnte bei der Großmutter der Ich-Erzählerin. Die Großmutter schuftete für die ganze Familie, die ausschließlich aus Frauen bestand: Großmutter Valentina, Tante Svetlana und ihre Tochter Valentina. Schon in ihrer Jugend erfreute sich Svetlana eines ausgefüllten Lebens, wobei ihre Partys mitunter eine Dauer von mehreren Tagen aufwiesen. Die Partys waren für Svetlana eine Flucht aus dem depressiven Alltag. Sie nutze jede Gelegenheit, um feiern zu gehen. Ihr Lebensstil war geprägt durch exzessiven Alkoholkonsum und eine hohe Frequenz an sexuellen Kontakten mit wechselnden Partnern.

Светлану тяготили готовка, поиск работы, уход за ребенком. Она делала это, как говорила мать, спустя рукава, поскольку единственное, чего ей хотелось, – гулять. [...] Она использовала любую возможность, чтобы провести время в подъезде или попасть на пьянку. (Vasjakina 2023: 61–62)

Die freudigen Lebensumstände sowie die Teilnahme an zahlreichen Partys führten bei Svetlana zu sieben Schwangerschaftsabbrüchen. In der Folge litt sie jeweils über einen langen Zeitraum sowohl unter emotionalen als auch unter physischen Beschwerden.

После аборта Светлана приходила бледная, и свернувшись калачиком, еще несколько дней лежала на диване. Она говорила матери, что чуть не потеряла сознание, когда ее скоблили. После нескольких неудачных аборт у нее начиналось заражение, и она снова шла в женскую консультацию на повторную чистку и курс капельниц. (*Ibid.*: 91)

Die Großmutter übte keine Kritik an den Abtreibungen, weil eine die Vorgehensweise innerhalb der Familie toleriert wurde. Die Großmutter hatte auch selbst eine Abtreibung vorgenommen, ebenso wie die Mutter der Ich-Erzählerin. Sie beanstandete jedoch, dass Svetlana nach jeder übermäßig ausschweifenden Party schwanger war. Die achte Schwangerschaft führte zur Geburt der Tochter Valentina.

Als bei Svetlana Tuberkulose diagnostiziert wurde, wurde ihr seitens der Familie vorgeworfen, dass ihr asozialer Lebensstil für die Erkrankung verantwortlich sei. Nach der Diagnosestellung akzeptierte Svetlana ihr Schicksal und unterwarf sich ihrem Krankheitsbild. Die Tuberkulose wies eine geschlossene Form auf, sodass keine Ansteckungsgefahr bestand. Dennoch wurde sie umgehend stigmatisiert und als „krank und infektiös“ gebrandmarkt. Dies hatte zur Konsequenz, dass sie umgehend ihre Anstellung im Einzelhandel verlor und ihre Tochter aus dem Kindergarten verwiesen wurde. Sie war nicht mehr überall als Gast willkommen und musste sich in ihrer Wohnung zurückziehen, in der sie ohnehin schon die meiste Zeit ihres Lebens verbracht hatte.

Am Anfang der Krankheit suchte Svetlana noch nach einer Heilungsmöglichkeit. Sie begab sich für einen Zeitraum von mehreren Wochen in stationäre Behandlung. Diese Aufenthalte hatten für Svetlana eine hohe persönliche Relevanz. Im Krankenhaus fand sie Anschluss an eine Gruppe von Menschen, die sich in einer ähnlichen Lebenssituation befanden. Dort erfuhr sie eine Form von Akzeptanz, die sie als Frau in der Gesellschaft zuvor nicht erfahren hatte. Im Buch wird sie von der Ich-Erzählerin

mit der russischen Madame Clawdia Chauchat aus Thomas Manns Roman *Der Zauberberg* verglichen. Svetlana verbrachte mehr Zeit in Männergesellschaft und zeigte ein ausgeprägtes Interesse an allen Männern, die sich ebenfalls auf der Station befanden. Die Ich-Erzählerin besuchte ihre Tante regelmäßig im Krankenhaus und brachte ihr Essen und Zigaretten. Diese Besuche wurden von der Ich-Erzählerin jedoch als demütigend empfunden, da sie eine ausgeprägte Angst davor hatte, sich mit der Tuberkulose anzustecken. Diese Angst führte dazu, dass sie beim Betreten des Krankenhausgebäudes jedes Mal in eine Art Schockzustand verfiel und den Atem anhielt. Zudem wurde die Tante von der Großmutter im Rahmen einer Spezialdiät mit viel Fleisch bekocht. Im Laufe der Zeit suchte die Tante keine Heilung mehr und akzeptierte ihr Schicksal. Die Tuberkulose wurde folglich zu einem integralen Bestandteil der Identität Svetlanas und determinierte maßgeblich ihren Lebensverlauf. Darüber hinaus wurde sie durch die Erkrankung mit einer vollständigen persönlichen und sozialen Desintegration konfrontiert.

Приняв в себе болезнь, она долгое время оставалась в прежнем теле. О тубике [Н.и.О] же она говорила с пренебрежением, словно он был колючей занозой в подушечках пальца. [...] Тубик [Н.и.О] для Светланы был чем-то подобным, он не волновал ее, но при этом она относилась к нему как к тому, чего невозможно было избежать, и тому, что непременно ее уничтожит. Она говорила о себе болящей как о паршивой собаке, которая вот-вот издохнет, и в ее словах не было сожаления, только нервный холодок. Она говорила о собственной смерти с высоकोмерной жестокостью. (*Ibid.*: 143)

Grundsätzlich kann die Tuberkulose geheilt werden. Allerdings setzt diese eine strenge medikamentöse Disziplin voraus. Die Familie der Ich-Erzählerin stand einer medikamentösen Behandlung jedoch skeptisch gegenüber und vertraute stattdessen auf Naturheilmittel. Svetlana verweigerte die Einnahme der vom Arzt verschriebenen Medikamente, da sie Gerüchte über mögliche Nebenwirkungen, darunter Hörverlust, gehört hatte. Als alternative Ernährungsform wurde ihr von der Großmutter Hundefleisch zubereitet, da dieses laut örtlicher Überzeugung heilende Eigenschaften besitzt. Die Tatsache, dass Svetlana bestrebt war, sich von den Fesseln des Lebens, des Alltags sowie ihrer eigenen Identität zu befreien, erklärt ihren Wunsch, nicht geheilt zu werden. Sie befand sich demnach in einem Zustand der permanenten Flucht, sowohl vor ihrer Familie als auch vor sich selbst, was letzten Endes zu ihrem Tod führte. Denn der Tod stellte den einzigen Ort dar, an dem sie keiner Einschränkung unterlag.

Vasjakina betont, dass Svetlanas Ableben weder ihre eigene Schuld noch die Schuld anderer darstellte, sondern eine Entscheidung war, die sie aus freien Stücken getroffen hat. Mit diesem Buch restituiert der Autorin das Subjektivitätsrecht ihrer Tante und plädiert gegen die Etikettierung von Menschen, die als krank und leidend definiert werden. In einem Interview sagt Vasjakina über ihre Tante, dass „[...] неудобная женщина в обществе, изгой, козел отпущения – на самом деле это, возможно, фигура, которая ищет и желает свободы. И, возможно, ее воля к

свободе намного сильнее, радикальнее, чем тех, кто эту свободу манифестирует“ (Stoljar 2023).

4.4. Narrativ der Depression

Neben ihren Familienmitgliedern leidet auch die Ich-Erzählerin Oksana Vasjakina unter der Trauer und dem Verlust von Angehörigen, ihrer Homosexualität und an Depressionen. Im Laufe der Trilogie outet sie sich als homosexuelle und als psychisch erkrankte Person. Dadurch wird sie in doppelter Hinsicht von der russländischen Gesellschaft ausgegrenzt.

In *Rana* und *Step'* berichtet die Ich-Erzählerin über ihre Entdeckung der Homosexualität, Masturbation, ihre Beziehungen mit zahlreichen Liebhaberinnen und ihre nicht vollzogenen Coming-Outs. Denn gegenüber ihrer Mutter konnte sie sich nicht outen. Nur der Vater hat sie beim Küssen mit einer Frau entdeckt, aber darüber haben sie nie gesprochen.

In *Rana* thematisiert die Ich-Erzählerin ihre durch Masturbation induzierten depressiven Zustände. Diese Zustände werden von der Ich-Erzählerin auf die enge Verbindung zwischen ihrer Mutter und ihrer Sexualität zurückgeführt. In diesem Kontext vergleicht die Ich-Erzählerin ihre eigene Situation mit der Patientin Èlen aus dem Werk *Černoe solnce. Depressija i melancholija* (2010) der französisch-bulgarischen Psychoanalytikerin und Literaturtheoretikerin Julia Kristeva. Kristeva postuliert in ihrer Analyse *Figuren weiblicher Depression*, dass die höhere Prävalenz von Depressionen bei Frauen auf spezifische Aspekte der weiblichen Sexualität zurückzuführen ist (Kristeva 2010: 83). Dabei verweist sie insbesondere auf die Abhängigkeit von der mütterlichen Figur sowie die geringere Leichtigkeit im Umgang mit befreiender Perversion (*ibid.*). In ähnlicher Weise wie Èlen erhielt auch die Ich-Erzählerin Oksana Vasjakina nur unzureichende mütterliche Zuwendung und war in hohem Maße von der Mutterfigur abhängig. Die Mutter hatte für die Ich-Erzählerin eine zentrale Bedeutung, da sie ihr keine Möglichkeit bot, ihre Sexualität auszuleben. „Моя вагина долгое время была онемевшей. [...] Внутри я была мертвой, слепой, темной. Секс принадлежал матери, наслаждение принадлежало ей“ (Vasjakina 2021: 200). Erst nach dem Tod der Mutter war die Ich-Erzählerin in der Lage, sich von dieser Bindung zu lösen und ein selbstbestimmtes sexuelles Leben zu führen.

In *Step'* stellte die Ich-Erzählerin fest, dass mit ihr etwas nicht stimmte. In der Badewanne merkte sie, dass sie eine leichte Varikose hat, und diese Tatsache versetzte sie in Schrecken. „Столкновение с собственным телом напугало меня. Мне тридцать два года, я не была беременна, и у меня нет хронических болезней, есть астигматизм и тяжелый предменструальный синдром“ (Vasjakina 2022: 93). In *Roza* wird sichtbar, wie schwer die Ich-Erzählerin unter Depressionen und Migräne litt.

Кажное утро я просыпалась от болей в суставах и мутного шума в голове. Прежде чем встать с постели, я лежала по два часа с закрытыми глазами и пыталась прийти в себя. Работала я по вечерам, поэтому у меня была возможность лежать и переживать свое бессилие. [...] Болезнь обострялась, и я начала терять зрение. [...] Внутри меня блуждала боль. Она занималась в крестце и постепенно, очагами, поднималась в голову. [...] Мигрень не давала мне открыть глаза. И я, зная, что сигареты ее усугубляют, все равно продолжала курить одну за другой. (Vasjakina 2023: 58–59)

Die Ich-Erzählerin berichtete, dass sie in manchen Nächten plötzlich aus dem Schlaf erwachte und sich nicht erklären konnte, wer sie war und wo sie sich befand. Der Zustand der Desorientierung persistierte bis zu dem Zeitpunkt, an dem sie die Erkenntnis gewann, dass sie Oksana Vasjakina war und sich in ihrem eigenen Zimmer befand. In den Phasen intensiver emotionaler Erlebnisse zog die Ich-Erzählerin Parallelen zu ihrer Tante Svetlana. Die Intensität der eigenen emotionalen Erfahrung ermöglichte es der Ich-Erzählerin, die Lebensumstände, das Handeln sowie die Leiden ihrer Tante nachzuvollziehen. Dies erfolgte durch eine Art Identifikation mit der Tante, wobei die Ich-Erzählerin deren Perspektive einnahm und deren Erleben nachzuempfinden versuchte.

Когда я медленно начала проваливаться на дно депрессии, я все чаще начала вспоминать Светлану. [...] Я лежала на диване и думала, что написать книгу о человеке, который страдает и никуда не едет, никуда не идет и ничего не делает, не так-то просто. [...] Я много думала о Светлане. Всю жизнь она прожила в одной квартире. Я силилась посчитать, сколько часов она провела на своем диване перед телевизором. Ее крохотное тело, отягченное болезнью, беспокоило меня. [...] В дни, когда не было работы, я пролеживала на диване и медленно думала о ней. Мне казалось, что я постепенно превращаюсь в нее. Я знаю, что нельзя превратиться в другого человека, но можно с помощью воображения выстроить с ним связь и попытаться представить, каково быть другим. В самых тяжелых страданиях я чувствовала связь со Светланой. Я словно обросла еще одной кожей – такой же земистой и плотной, как у нее. В моем теле образовался еще один костный каркас, и на него narosло мясо. Возможно, думала я, мне так тяжело именно от того, что во мне живет еще один человек. [...] в своей дымной голове я смотрела на ее комнату с диваном и тяжелыми синтетическими шторами. Светлана лежала в ней, и я рассматривала ее затылок с небрежно забранными волосами мышиноного цвета. Комната пылала: на полу рябил ворсистый ковер с красным узором, а ее диван был застелен китайским покрывалом с флуоресцентными бутонами. Ее халат синтетического шелка переливался в дымке моей головы. Я одновременно была ею и собой. Я одновременно была во времени смерти и тут же пыталась оживить свои онемевшие пальцы на ногах. (*Ibid.*: 58–60)

Der Versuch, sich in einen anderen Körper hineinzusetzen, stellt ein wiederkehrendes Motiv im ersten Buch dar. Bereits in *Rana* wird ersichtlich, dass die Ich-Erzählerin bestrebt war, die Gedanken ihrer Mutter zu rekonstruieren und zu erfassen, was sie

vor dem Sterben fühlt. Die visuelle Hervorhebung der Gedanken der Mutter erfolgte durch die Verwendung einer kursiven Schrift, wodurch eine grafische Abhebung von den übrigen Textpassagen erreicht wird.

Bei der Ich-Erzählerin wurde eine Borderline-Persönlichkeitsstörung diagnostiziert und medikamentös behandelt. Die Medikation führte zu einer sofortigen Remission der Depression. Obwohl die Erzählerin nach der Einnahme der Tabletten unter heftigem Erbrechen litt, nahm sie diese weiter, weil sie wusste, dass sie ihre Stimmungsschwankungen ausgleichen. Darüber hinaus halfen sie ihr, eine innere Freiheit zu finden, eine Freiheit, die sie bisher nicht gespürt hatte.

Obleich die Erkrankung mit einer signifikanten Stigmatisierung seitens der Familienangehörigen sowie der Gesellschaft einschließlich des medizinischen Personals einhergeht (De-la-Morena-Perez *et al.* 2023), präsentiert die Ich-Erzählerin ihre Erfahrungen mit der Erkrankung, einschließlich Diagnose und Therapie, in bemerkenswerter Offenheit. Diese dient nicht nur der persönlichen Auseinandersetzung, sondern trägt auch zur Enttabuisierung des Krankseins bei. Verdrängte Aspekte der Krankheit werden sichtbar gemacht, was einen wichtigen Beitrag zum Diskurs über gesellschaftliche und medizinische Normen leistet.

5. Schlussbetrachtung

Oksana Vasjakina gehört zu den jüngeren, jedoch bereits einflussreichen Stimmen der russischen Literatur. Ihre Werke zeichnen sich durch eine außergewöhnliche Offenheit und Tiefe in der Darstellung ihrer weiblichen Erfahrungen aus. Die Trilogie *Rana*, *Step'* und *Rosa* stellt einen bedeutenden und innovativen Beitrag zur russischen Literatur dar, indem sie die Erfahrungen stigmatisierter Personen im Umgang mit ihren Krankheiten auf eine bisher ungekannte Weise literarisch verarbeitet und dabei eine besondere Komplexität und Vielschichtigkeit in ihrer Darstellung entfaltet.

Vasjakina bedient sich des Mittels der Autofiktion, um die eigene Krankheitsgeschichte sowie diejenige ihrer Familienmitglieder für den Leser nachvollziehbar zu machen. Der Tod von Familienangehörigen, sowohl in der realen als auch in der erzählten Welt, stellt dabei einen katalytischen Moment der literarischen Auseinandersetzung dar. Der Prozess dient sowohl der Autorin als auch ihrer Ich-Erzählerin und der Protagonistin als Instrument, um die komplexe Familiengeschichte und ihre Beziehungen zur Mutter, zum Vater und zur Tante kritisch zu reflektieren sowie den eigenen Platz innerhalb der familiären Strukturen zu verorten. Die literarische Verarbeitung führt somit nicht nur zur Offenlegung persönlicher Traumata, sondern auch zu tiefgehenden Reflexionen über die eigene Identität und Zugehörigkeit innerhalb der Familie sowie der postsozialistischen Gesellschaft. In ihrer literarischen Auseinandersetzung innerhalb der Möglichkeiten und Grenzen der Autofiktion beleuchtet Vasjakina zudem die Frage, wie persönliche und kollektive Erfahrungen literarisch neu verhandelt werden können.

Die literarische Verarbeitung des Todes eines nahestehenden Menschen ist ein in der europäischen Kulturgeschichte tief verwurzelteres Thema und seit langem Gegenstand literarischer Auseinandersetzung. Autoren wie Barthes, Diez u. a. verwandeln ihre persönlichen Verluste in allgemeingültige Erzählungen, die Trauer, Erinnerung und Verlustbewältigung in den Mittelpunkt stellen. Mit ihrer Trilogie vermag es Vasjakina, die individuelle Erfahrung von Schmerz und Trauer zu einer gemeinsamen menschlichen Erfahrung zu sublimieren, die über das Persönliche hinausgeht. Ihren Texten gelingt es, die subjektive Dimension des Verlustes in einen größeren kulturellen und existentiellen Kontext einzubetten, der es dem Leser ermöglicht, sich mit den komplexen Emotionen der Trauer auseinanderzusetzen. Darüber hinaus trägt sie dazu bei, gesellschaftliche Tabus in Bezug auf Tod und Trauer zu hinterfragen, indem sie stillschweigend akzeptierte Formen des Gedenkens und der Bewältigung in der russischen Kultur reflektiert und transformiert. Durch die literarische Darstellung wird der Verlust nicht nur als persönliches, sondern auch als kulturelles und philosophisches Phänomen betrachtet, das universelle Fragen über die Vergänglichkeit, die Bedeutung der Erinnerung und die Möglichkeit eines Weiterlebens nach dem Tod aufwirft.

Aus literaturwissenschaftlicher Perspektive ist die Trilogie von Vasjakina bemerkenswert, weil sie mit narrativen Strukturen und lyrischen Elementen experimentiert und somit die Grenzen zwischen autobiografischem Schreiben, fiktionaler Prosa und Poesie verschiebt. Darüber hinaus greift sie wichtige Themen wie Krankheit, Verlust und Trauer auf und setzt diese in einen intertextuellen Dialog mit der russischen und europäischen Literaturtradition. Theoretisch setzt sich die Trilogie mit narrativer Ethik und der Darstellbarkeit des Körpers in der Literatur auseinander und verbindet auf diese Weise literarische Tradition und zeitgenössische Diskurse über Feminismus und Maskulinität. Vasjakina verbindet die Wiederaufnahme und Neuinterpretation literarischer Motive über existenzielle Erfahrungen mit innovativen Ausdrucksformen.

In ihren Krankheitsnarrativen präsentiert die Autorin ein detailliertes Bild des Alltags von Menschen, die an Erkrankungen leiden. Sie verdeutlicht, wie die Protagonisten ihre Krankheiten entweder bewusst verarbeiten oder verdrängen und wie sie zugleich durch das Gesundheitssystem marginalisiert werden. Die institutionelle Marginalisierung trägt maßgeblich zur (Selbst-)Stigmatisierung der Betroffenen bei, was dazu führt, dass sie sich zunehmend von konventionellen medizinischen Behandlungsansätzen abwenden und stattdessen alternative Heilmethoden wie die Naturheilkunde oder schamanistische Praktiken suchen. Die Autorin verdeutlicht dabei nicht nur die individuellen Reaktionen auf die Erkrankungen, sondern auch die gesellschaftlichen und kulturellen Implikationen dieser alternativen Heilmethoden. Ihre Trilogie offenbart die Mechanismen der Stigmatisierung sowie deren Konsequenzen für die gesundheitsbezogenen Entscheidungen der Betroffenen.

Die Autorin setzt sich mit ihrer Trilogie für die Entstigmatisierung von psychischen und physischen Erkrankungen ein. In ihren Werken porträtiert sie fragile, verletzte Figuren, die aufgrund ihrer Andersartigkeit von der Gesellschaft marginalisiert und

ausgegrenzt werden. Die literarischen Figuren fungieren nicht nur als Spiegelbild derjenigen, die bereits unter Stigmatisierung leiden, sondern auch als Appell an die Leserschaft, diesen Menschen mit größerer Empathie und Verständnis zu begegnen. Die Autorin postuliert die Anerkennung der Würde und des Wertes jedes Einzelnen, unabhängig von seinem Gesundheitszustand, und erinnert daran, dass niemand vor ähnlichen Schicksalsschlägen gefeit ist. Ihr Werk proklamiert einen gesellschaftlichen Wandel, der zu einer größeren Akzeptanz und einem verstärkten Mitgefühl für diejenigen führen soll, die in ihrer Verletzlichkeit auf Unterstützung und Anerkennung angewiesen sind.

Literaturverzeichnis

- ALOI G., 2022: „Lucian Freud: the silence of two plants“. Pallant House Gallery. <https://pallant.org.uk/perspectives-lucian-freud-plants/> (Zugriff am 24.7.2023)
- BALINA M., 2015: „(Auto)Biographical prose“, in Dobrenko E., Lipovetsky M. (eds.), *Russian Literature since 1991*. Cambridge: Cambridge University Press, 188–206
- BARSKOVA P., 2021: „Prjamoe“, in Vasjakina O. (red.), *Rana*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 9–14
- BARTHES R., 2009: *Journal de deuil*. Paris: Seuil – Imecs
- „BOL'NAJA TEMA: ROSSIJANE O VIČ I SPIDE“, 2023: „Bolnaja tema: rossijane o VIČ i SPIDE“. VCIOM. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolnaja-tema-rossijane-o-vich-i-spide> (Zugriff am 28.7.2024)
- COUSER G.T., 1997: *Recovering Bodies. Illness, Disability, and Life Writing*. W.L. Andrews, ed. [Wisconsin Studies in Autobiography]. Madison: The University of Wisconsin Press
- ČISTJAKOVA K., 2020: *Tam, na perimetre*. Moskva: AST
- DANICHNOV V., 2018: *Tvar' razmerom s koleso obozrenija*. Moskva: Èksmo
- DAVIES D., 2022: *Smert', ritual i vera: Ritorika pogrebal'nych obrjadov*. Red. S. Elagin. *Studia religiosa*. Red. S. Mochov. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie
- DE-LA-MORENA-PEREZ N., INMACULADA C.-L., JAVIER S.-A., BECERRO-DE-BENGOA-VALLEJO R., LOSA-IGLESIAS M., JIMENEZ-FERNANDEZ R., 2023: „Experiences of women diagnosed with borderline personality disorder: perception of motherhood, social, health, and construction of gender“, in *Perspectives in Psychiatric Care*, 2023, № 1: 5345101. <https://doi.org/https://doi.org/10.1155/2023/5345101>. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1155/2023/5345101>
- DONCOVA D., 2022: *Ja očen' choču žit'. Moj ličnyj opyt*. Moskva: Èksmo
- FATEEVA N.A., 2005: „Ženskij tekst kak ,istorija bolezni“, in Bogdanov K., Murašov Ju., Nicolosi R. (red.), *Russkaja literatura i medicina: Telo, predpisanija, social'naja praktika*. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 258–268
- FRANK A.W., 2013: *The Wounded Storyteller: Body, Illness, and Ethics*, 2nd ed. Chicago: The University of Chicago Press

- GANDLEVSKIJ S., 1996: *Trepanacija čerepa. Istorija bolezni*. Sankt-Peterburg: Puškinskij fond
- GEPTING K., 2019: *Pljus žizn'*. Moskva: Like Book
- GORDEEVA K., 2013: *Pobedit' rak*. Moskva: Zacharov
- GORDEEVA K., 2019: *Pravila vedenija boja*. Moskva: Corpus
- GOSCILO H., 1989: „Women's wards and wardens: the hospital in contemporary Russian women's fiction“, in *Canadian Woman Studies/les cahiers de la femme*, 1989, № 10 (4): 83–86. <https://cws.journals.yorku.ca/index.php/cws/article/view/11136>
- GOSCILO H., 1996: „Women's space and women's place in contemporary Russian fiction“, March R. (ed.), *Gender and Russian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press: 326–347
- JUZEFOVIČ G., 2024: „Ot polifonii k travme. O novom rascvete ruskoj literatury“. Carnegie Endowment for International Peace. <https://carnegieendowment.org/politika/91567> (Zugriff am 4.5.2024)
- KARPOVA I., ŠOROCHOVA T., 2022; „Kak projti po polju iz ognja. O knige Oksany Vasjakinoj ‚Rana‘“, in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2022. https://www.nlobooks.ru/books/khudozhestvennaya_serija/24590/review/24744/ (Zugriff am 16.1.2024)
- KRISTEVA Ju., 2010: *Černoe solnce. Depressija i melancholija*. Moskva: Kogito-Centr
- KURAKIN D., 2023: *SPID. Doroga tuda i obratno*. Moskva: F8
- KUZ'MIN D., 2020: „Kak VIČ povljal na poëziju?“. Centr Voznesenskogo. <https://notalone.voznesenskycenter.ru/kuzminpoetry/> (Zugriff am 11.1.2024)
- LOGINOVA R., 2020. „Kak VIČ povljal na literaturu?“. Centr Voznesenskogo. <https://notalone.voznesenskycenter.ru/literatureloginova/> (Zugriff am 11.1.2024)
- MENGONI A., 2014. *Berlinde de Bruyckere*. München: Hirmer
- MERKUR'EVA K., 2020. „‚Odnaj krovi‘. Virus immunodeficita i russkaja kul'tura“. Radio Svoboda. <https://www.svoboda.org/a/30980347.html> (Zugriff am 28.7.2024)
- MEŠČANINOVA N., 2017. *Rasskazy*. Sankt-Peterburg: Seans
- MOSER U., 2018: *Schwindsucht: Eine andere deutsche Gesellschaftsgeschichte*. Berlin: Matthes & Seitz
- NAZAROVA N., 2016: „Tuberkulez v Rossii: Bolezn', o kotoroj ne govornjat“. Spid. Centr. <https://spid.center/ru/articles/461> (Zugriff am 28.7.2024)
- REUSTER Ja., 2019: „AIDS in der Sowjetunion“. dekoeder. <https://www.dekoeder.org/de/gnose/aids-hiv-sowjetunion> (Zugriff am 11.1.2024)
- STAROBINEC A., 2022: *Posmotri na nego*. Moskva: Corpus
- STEPANOVA M., 2017: *Pamjati pamjati. Romans*. Moskva: Novoe izdatel'stvo
- STOLJAR T., 2023: „Často ljudi putajut terapiju s pis'mom“. Blueprint. <https://the-blueprint.ru/culture/paper/independence-issue-vasakina> (Zugriff am 24.7.2023)
- ULICKAJA L., 2000: *Kazus Kukockogo*. Moskva: AST
- ULICKAJA L., 2002: *Veselye pochorony* Moskva: Èksmo
- ULICKAJA L., 2019: *O tele duši*. Moskva: AST
- VASJAKINA O., 2016: *Ženskaja proza*. Red. K. Korčagin. *Pokolenie*. Moskva: ARGO-RISK

- VASJAKINA O., 2019: *Veter jarosti*. Red. E. Pisareva. *Ženskij golos*. Moskva: AST
- VASJAKINA O., 2021: *Rana*. Red. D. Larionov. [Chudožestvennaja slovesnost']. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie
- VASJAKINA O., 2022: *Step'*. Red. D. Larionov. [Chudožestvennaja slovesnost']. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie
- VASJAKINA O., 2023: *Roza*. Red. D. Larionov. [Chudožestvennaja slovesnost']. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie
- WAGNER P., 2018: „Russlands AIDS-Epidemie“. statista. <https://de.statista.com/infografik/14815/hiv-infektionsrate-in-russland/> (Zugriff am 11.1.2024)
- ZIPFEL F., 2009: „Autofiktion“, in Lamping D. (Hrsg.), *Handbuch der literarischen Gattungen*. Stuttgart: Kröner, 31–36

Sébastien Moret (Université de Lausanne)

Aurélien Sauvageot et Nikolaï Marr

Abstract:

Based on published articles and archive document, our contribution examines the relationship between the French linguist Aurélien Sauvageot (1897–1988), a specialist in Finno-Ugric languages, and the linguist Nikolai Marr (1864–1934), leader of Soviet linguistics and promoter of a New Theory of Language based on Marxism. The question of their relationship is all the more interesting because N. Marr was of the opinion that if “bourgeois” linguists (like Antoine Meillet, for example) had neither admitted nor understood his Marxist linguistics, it was because they were constrained by their class affiliation and by the fact that the latter imposed a way of seeing on them. A. Sauvageot was a Marxist, and we shall have to see whether his “class consciousness” enabled him to take a positive view on N. Marr’s linguistic ideas.

Keywords: Aurélien Sauvageot, Nikolai Marr, Marrist linguistics, Marxism in linguistics

1. Introduction

C’est un échange épistolaire¹ entre le linguiste Nikolaï Marr et son collègue germano-russe Friedrich (Fedor) Braun qui a lieu en 1921–1922 et qui est rapporté dans la biographie de Marr (Michankova 1949: 323–324). Les deux hommes s’étaient rencontrés à Leipzig à l’automne 1920 et Marr « avait convaincu Braun de la validité » (Tunkina 2000: 387) de sa théorie japhétique d’inspiration marxiste; ce dernier devint dès lors (et jusque en 1925, date de la rupture entre les deux hommes [*ibid.*]) la tête de pont en Europe des idées de Marr qu’il essaya de faire connaître, tout en retravaillant la question de l’ethnogenèse des Allemands à la lumière des théories marristes (*ibid.*: 384). C’est ainsi que Braun donna en janvier 1921, devant des « indo-européanistes » (Michankova 1949: 323), une série de conférences à Leipzig dans lesquelles il exposa les tenants de la théorie japhétique (*ibid.*: 323). Mais, « comme on pouvait s’y attendre », écrit-il à Marr le 3 février, cela ne donna rien (*ibid.*), la majorité du public étant restée circonspecte devant les idées marristes. Marr lui répondra qu’il ne fallait « perdre ni du temps ni des forces » pour contrer les « objections [...] sur des points particuliers venant de gens ayant une vision du monde complètement différente » (*ibid.*: 324).

La notion de *vision du monde* avait alors sa place dans l’opposition marxiste entre bourgeoisie et prolétariat (cf. Sauvageot 1935: 164); puisque, comme l’enseignait Marx,

1 La correspondance entre Marr et Braun se trouve présentée dans deux travaux: Michankova 1949: 314–335 et Tunkina 2000.

chaque base économique engendrait des superstructures particulières (art, religion, morale, sciences, ...), alors chaque base économique produisait aussi une certaine vision du monde. La linguistique indo-européenne apparaissait ainsi comme l'émanation de classe de la bourgeoisie, reflétant sa vision du monde et servant ses intérêts (Marr 1924 [1934: 1]). Cette façon de voir les choses laissait donc entendre – et c'est ce que dit Marr à Braun – que les linguistes « bourgeois » européens ne pouvaient tout simplement pas comprendre ni apprécier la linguistique marxiste de Marr, n'étant pas idéologiquement préparés ou « programmés » pour cela. Dans ces mêmes années, c'est ce qu'on disait, par exemple, d'Antoine Meillet, dont la « linguistique sociale » ne prenait pas en compte la lutte des classes, car elle ne pouvait tout simplement pas le faire, Meillet étant comme « engoncé » dans la vision du monde propre à sa classe (Moret 2024). Dans ces conditions, si les linguistes « bourgeois » ne peuvent saisir et accepter la théorie linguistique de Nikolaï Marr pour des raisons de « vision du monde », qu'en serait-il d'un linguiste européen marxiste? C'est de ce point de vue que nous aborderons la question des relations entre N. Marr et le linguiste français Aurélien Sauvageot qui se disait marxiste², poursuivant ainsi nos recherches sur les liens entre les linguistes français et Marr³.

Né en 1897 dans la multiethnique Constantinople, Sauvageot est dès très jeune en contact avec de nombreuses langues, dont il finira par maîtriser plusieurs d'entre elles (Le Calloc'h 1992: 131). De retour à Paris, il se prend d'intérêt pour l'allemand (il étudie avec assiduité la langue et la culture), puis pour les langues scandinaves apparentées (*ibid.*: 133). Il s'orientait ainsi vers une carrière de linguiste germaniste quand Meillet décida qu'il abandonnerait sa passion pour le monde germanique pour devenir, après des séjours en Hongrie et en Finlande, le premier spécialiste français des langues finno-ougriennes dont il occuperait à son retour la chaire spécialement créée pour lui à l'École des langues orientales⁴. Ce fut chose faite en 1931 et Sauvageot resta pendant longtemps le seul spécialiste en France des langues finno-ougriennes en général et du hongrois en particulier (Józan 2019: 369 et 376).

2. Le marxisme d'Aurélien Sauvageot

On doit à Sauvageot plusieurs livres rétrospectifs de souvenirs ou de mémoires (cf. Sauvageot 1937; 1947; 1988; 2020), dont certains, difficilement disponibles, mériteraient d'être réédités. Il raconte ainsi son arrivée en Hongrie, au début des années

2 Lettre d'Aurélien Sauvageot à Nikolaï Marr du 25 juillet 1933, Archives de l'Académie des sciences de Saint-Petersbourg, *fond 800, opis' 3, edinica chranenija* 1268.

3 Sur les relations Meillet-Marr, cf. Moret 2019.

4 La décision de Meillet faisait suite au décès en 1916, d'une blessure de guerre, de Robert Gauthiot qui était en train de se spécialiser dans les langues finno-ougriennes (Le Calloc'h 1992: 137). Sauvageot a raconté dans ses *Souvenirs de ma vie hongroise* (Sauvageot 1988: 10) le jour où Meillet décida de sa nouvelle carrière.

1920. Et notamment le « malaise » qu’il ressent au sein de la bonne société hongroise quand « [p]resque chaque jour, [il] découvrirai[t] quelque nouveau privilège dont jouissaient les gens titrés et aussi les gens sans titres quand ils étaient riches » (Sauvageot 1988: 16 et 23):

Partout, on retrouvait la perpétuelle servilité qui caractérisait les formes les plus simples de la vie. On ne pouvait mettre les pieds dans un restaurant sans essayer les salutations d’un personnel dont l’obséquiosité rivalisait avec celle des valets et des larbins de nos grands hôtels ou de nos restaurants de luxe. Cet état de choses existait même au Collège [où Sauvageot enseignait]. On ne passait pas devant la loge du concierge-chef sans être salué bien bas. Le garçon de service qui m’apportait tous les matins autour de 9 heures le petit déjeuner (café au lait, pain presque noir, beurre tout à fait blanc) et faisait le ménage dans l’appartement, ne répondait à mes questions qu’avec embarras et en gardant prudemment ses distances. Un mur se dressait entre lui et moi. J’avais eu beau faire des progrès en hongrois et m’exprimer avec plus d’aisance, il était toujours emprisonné dans son infériorité. Mon comportement « démocratique » le déconcertait. Il devait se dire que les Français étaient vraiment de drôles de gens qui ignoraient comment il convenait de se comporter dans la société. (*Ibid.*: 22)

Car Sauvageot était un « homme de gauche » (Sandu 2009: 47), comme il l’évoque dans plusieurs textes. Il fait ainsi partie, dès l’École Normale, de la SFIO⁵ (Sauvageot 1988: 17), devant certaines sections de laquelle il donne aussi parfois des conférences (*ibid.*: 243). À côté de ce militantisme pratique, Sauvageot avait lu aussi, en version originale (il lit l’allemand, mais aussi le russe [Sauvageot 2020: 233]), et connaissait très bien les textes et les débats théoriques, Marx, Engels, le *Manifeste* (*ibid.*: 56), mais aussi Kautsky, Lénine ou Plékhanov (*ibid.*: 215). S’il était « socialiste » (Sauvageot 1988: 216) et se disait « marxiste » (cf. note 2), son appartenance au parti communiste n’est pas tranchée, comme l’a relevé John Joseph (2022b). Toujours est-il que dans des Mémoires inédits récemment publiés, il émet plusieurs fois des doutes sur la notion de dictature du prolétariat et s’interroge sur la façon dont les bolcheviques géraient la nouvelle Russie et sur la façon dont pourraient être appliquées en France certaines des mesures prises par ces mêmes bolcheviques (Sauvageot 2020: 232–237).

2.1. « Linguistique et marxisme »

C’est « par des intellectuels français de gauche et avec le soutien de l’URSS, par l’intermédiaire de sa Société d’échanges culturels avec l’étranger (la VOKS) »⁶ (Gouarné

5 Fondée en 1905, la Section française de l’Internationale ouvrière prendra le nom de parti socialiste en 1969.

6 VOKS: *Vsesojuznoe obščestvo kul’turnoj svyazi s zagranicej*.

2013: 15) que fut fondé en 1927 en France le Cercle de la Russie neuve (CRN). Partie prenante de la « diplomatie culturelle soviétique » (*ibid.*: 89) et composé « d'intellectuels issus d'horizons divers, mais partageant tous un intérêt pour la science soviétique et la perspective marxiste dont elle se réclamait » (*ibid.*: 102), le Cercle avait pour mission « d'étudier et de faire connaître l'activité de l'URSS » dans le domaine culturel d'abord, puis, dès 1932, « dans le domaine scientifique » (*ibid.*: 16). En tant que « principal théoricien de la linguistique soviétique » (*ibid.*: 107), Marr eut droit, en 1932, aux honneurs d'une diffusion officielle, mais limitée⁷, au sein du Cercle de la Russie neuve. Deux linguistes faisaient partie de la Commission scientifique du CRN: Aurélien Sauvageot et un linguiste dont l'adhésion au communisme ne faisait aucun doute, Marcel Cohen (Boutet 2024: 121). Ce sont donc eux qui furent chargés de traiter de la linguistique soviétique (et donc marriste) lors des conférences publiques que le Cercle organisa en 1933–1934 et dont les exposés furent publiés en 1935 dans les deux tomes d'*À la lumière du marxisme* (Paris: Éditions sociales internationales)⁸. Mais n'y aurait-il pas eu cette intervention officielle pour faire connaître en France les théories linguistiques de Marr, on peut penser que Sauvageot, linguiste de gauche qui de plus maîtrisait le russe, aurait malgré tout été au courant de la tentative de Nikolai Marr d'élaborer, depuis l'Union soviétique, une linguistique marxiste

Il faudrait explorer le fonds Marcel Cohen (Gouarné 2013: 107, n. 66) pour connaître le titre de l'ouvrage de Marr envoyé par l'intermédiaire de la VOKS et le contenu du rapport qui l'accompagnait, puisque ni l'article de Cohen (1935) ni celui de Sauvageot (1935) ne contiennent de bibliographie. Et il est possible que celle de l'article de Sauvageot aurait contenu d'autres références que l'ouvrage reçu de la VOKS⁹; il existe en effet, dans les archives Marr à l'Académie des sciences de Saint-Petersbourg, une lettre de Sauvageot à Marr datée du 25 juillet 1933, dans laquelle il lui demande de « [lui] faire tenir [*sic*] l'essentiel et plus particulièrement le dernier livre paru »¹⁰, notamment en prévision de la conférence qu'il sera amené à faire « dès la rentrée » devant le Cercle de la Russie neuve.

À notre connaissance, cette lettre de Sauvageot à Marr n'a jamais été exploitée (elle n'est pas utilisée, par exemple, dans la biographie pourtant étoffée et détaillée de Marr [Michankova 1949] ni même mentionnée par les auteurs qui ont déjà travaillé

7 Isabelle Gouarné (2013: 107) écrit que « la VOKS transmettra un des ouvrages de Marr, accompagné d'un rapport d'une vingtaine de pages sur ses théories et celles de ses disciples ».

8 L'article de Sauvageot (1935) sera traité dans la suite de ces propos; pour une rapide analyse du contenu de l'article de Marcel Cohen, cf. par exemple Boutet 2024: 120–125.

9 D'ailleurs, dans le texte publié de la conférence, Sauvageot semble indiquer qu'il a lu plusieurs ouvrages de Marr: « C'est dans ce sens qu'il faut interpréter les attaques véhémentes auxquelles il s'est livré contre l'indo-européanisme et ses représentants dans la plupart des ouvrages qu'il a écrits » (Sauvageot 1935: 161–162).

10 Lettre de Sauvageot à Marr du 25 juillet 1933 (cf. note 2). Nous remercions Patrick Sériot de nous avoir fourni une copie de cette lettre. Il n'a pas été possible d'identifier ce « dernier livre paru » dont il est fait mention. Nous ne savons pas si Marr a répondu à cette lettre.

sur l'approche par Sauvageot de la linguistique marxiste de Marr (cf. Boutet 2024: 125–127; Joseph 2019; 2022a; 2022b). Elle ajoute pourtant quelques nuances à la façon dont Sauvageot considérait la question du marxisme en linguistique et à son rapport à Marr.

À partir de ces deux documents – la lettre à Marr et le texte de la conférence donnée devant le Cercle de la Russie neuve –, nous présenterons et analyserons deux points: 1) la conception que Sauvageot avait de la linguistique en général, et du marxisme en linguistique en particulier; et 2) ce que Sauvageot pensait de la théorie de Marr et de sa tentative d'introduire le marxisme en linguistique.

Sauvageot a eu beau faire carrière comme spécialiste du hongrois et du finnois, il n'en demeure pas moins qu'il a d'abord été un élève d'Antoine Meillet formé comme germaniste-scandinaviste dans le contexte de la linguistique historico-comparée des langues indo-européennes. Et pourtant, dans sa lettre à Marr, il commencera par faire un état des lieux mitigé du comparatisme:

Il y a déjà longtemps que je souffre de la « comparativite » qui sévit dans la linguistique officielle de nos pays capitalistes. Après avoir essayé ce que la méthode comparative pouvait donner dans le domaine des langues ouraliennes où je me suis surtout spécialisé, j'ai été obligé de me rendre compte de son complet fiasco. [...]

Depuis, je suis moi-aussi [*sic*] à la recherche d'une interprétation plus adéquate des faits linguistiques. Et comme par ailleurs il se trouve que je suis marxiste, j'ai naturellement songé aux efforts que vous avez développés si brillamment. (Lettre de Sauvageot à Marr du 25 juillet 1933)

Comme on peut le voir, Sauvageot exprime une certaine gêne face à la linguistique comparative indo-européenne et à ses principes, qui ne semblent pas fonctionner très efficacement lorsqu'ils sont appliqués aux langues finno-ougriennes, et déclare que c'est ce qui l'a amené à réfléchir à une nouvelle approche des faits linguistiques que le marxisme pourrait représenter. À ces quelques lignes de la lettre de Sauvageot relatant son parcours de réflexion d'autres font écho, tirées du texte de sa conférence sur le marrisme. On y lit ceci sur le parcours de Marr:

Et pourtant Marr avait eu des débuts très « classiques ». Il avait commencé par un essai de démonstration de la parenté des langues caucasiennes avec le sémitique.

C'est que, spécialiste du caucasien, il s'était heurté dès l'abord à la quasi-impossibilité de constituer une grammaire comparée des langues caucasiennes. Il avait cherché alors un biais: celui d'une parenté avec une famille de langues aux traits bien définis. En accrochant le caucasien au sémitique, il risquait de voir les faits caucasiens s'expliquer par la comparaison avec les faits sémitiques déjà coordonnés en une théorie à peu près cohérente. (Sauvageot 1935: 160)

Il y aurait ainsi comme un point de départ identique entre les deux chercheurs et la constatation partagée de la nécessité d'un renouvellement de la linguistique. Une constatation émanant d'une même raison: Marr et Sauvageot ne travaillaient pas sur des langues indo-européennes. D'ailleurs, ils n'auront été ni les premiers ni les

derniers à constater que la théorie indo-européenne et ses principes n'étaient pas toujours transposables sans difficultés à d'autres familles de langues. Sauvageot mentionne ainsi ces « finno-ougriotes qui s'obstinent à restituer une grammaire comparée finno-ougrienne en tout point similaire à celle des langues indo-européennes » (*ibid.*: 163). Comme il apparaît, Sauvageot n'avait pas que ses convictions marxistes pour souhaiter une approche marxiste des faits linguistiques et pour s'intéresser à la tentative de Marr, il y avait aussi sa pratique quotidienne de finno-ougriote formé à l'école de l'indo-européanisme et qui constatait des inadéquations.

Dans sa conférence devant le Cercle de la Russie neuve, il avancera d'autres doutes face à la linguistique « telle qu'elle reste encore formulée le plus souvent » (*ibid.*: 161), tentant ainsi d'expliquer en partie les raisons des « attaques véhémentes auxquelles [Marr] s'est livré contre l'indo-européanisme et ses représentants » (*ibid.*: 161–162):

Et, en effet, si nous considérons la théorie de l'indo-européen telle qu'elle reste encore formulée le plus souvent, il apparaît bien qu'elle se borne à noter un ensemble de faits dont elle signale les correspondances sans en expliquer la causalité. À cet égard, elle est une science purement formelle. L'indo-européanisme n'a visé qu'à retracer la succession des changements qui ont transformé l'indo-européen commun en parlars distincts. Il est muet sur la cause de ces changements. Faisant pour ainsi dire violence à la vie même du langage, il restitue une unité abstraite par-dessus et malgré les divergences visibles. Au mouvement du langage, il substitue l'immobilité, à la variation, l'identité. (*Ibid.*: 161)

Et un peu plus loin:

Sans vouloir s'associer à tout ce que Marr a écrit sur ce point, force est de reconnaître que le formalisme a sévi dans l'indo-européanisme jusqu'à aboutir à des raffinements d'un byzantinisme tout philologique. Certains savants se sont littéralement enlisés dans une masse informe de petites distinctions de détail sans aucune signification linguistique. On a coupé des cheveux en quatre pour savoir ce qu'avait pu inscrire sur un manuscrit un copiste inconnu, alors qu'on négligeait d'étudier autour de soi des phénomènes d'une importance vitale. Il est arrivé ainsi qu'on a pu rendre compte de l'emploi des mots les plus rares du latin par les écrivains les plus obscurs, mais qu'une grande langue moderne de civilisation comme le français attend toujours de posséder son *Thésaurus*.

Le plus grave est qu'on a mis à la base de toute étude systématique du langage des notions acquises au maniement de langues mortes. Le système de la grammaire latine régit encore aujourd'hui la grammaire des parlars les plus éloignés du latin écrit ou même qui n'ont rien à voir avec le latin ni de près ni de loin.

La précision avec laquelle les philologues du classicisme ont opéré est fallacieuse. Ils ont discuté à perte de vue sur des formes dont ils ne savaient pas à quoi elles répondaient exactement. Leur œuvre s'avère aujourd'hui caduque parce qu'elle portait sur des données faussement scientifiques. (*Ibid.*)

Après avoir dit qu'« [i]l serait puéril de se dissimuler tout ce que de pareilles critiques contiennent de juste et de pertinent » (*ibid.*: 162), Sauvageot donnera quelques pistes pour réorienter la linguistique, des pistes qui mèneront vers un des maîtres-mots du marxisme, la dialectique:

L'étude devrait porter d'abord sur les idiomes parlés, quels qu'ils soient. On devrait chercher à définir leur structure, leur mécanisme, les analyser en leurs éléments constitutifs, à l'instar de ce que fait le chimiste quand il veut connaître la nature des corps. Et puis, il faudrait étudier le « mouvement » du langage, pour tout dire sa « dialectique » (*ibid.*)

Comme il apparaît, Sauvageot semblait présenter quelques bonnes raisons pour s'intéresser à la tentative marriste de constitution d'une linguistique marxiste et pour la considérer objectivement. Non seulement il y avait ses langues finno-ougriennes qui manifestaient quelques difficultés à entrer dans le cadre indo-européen, mais aussi ses critiques lancées aux « indo-européanistes qui faisaient la loi dans la linguistique depuis qu'ils prétendaient avoir réussi à restituer une langue indo-européenne commune » (*ibid.*: 161). Sauvageot étant de plus marxiste, il ne risquait pas d'être aveuglé comme d'autres par un quelconque masque idéologique:

Il n'y a rien à objecter à une théorie ainsi conçue. Il est certes au moins aussi justifié d'interpréter les faits du langage au point de vue dialectique que de les expliquer par le lamarckisme, voire même par le bergsonisme et il est trop certain qu'une tentative comme celle-là ne rencontre une violente réprobation que parce qu'elle heurte des préjugés politiques. Le marxisme est devenu la doctrine de combat du prolétariat en lutte pour la possession du pouvoir. Son application à la science suscite l'opposition irréductible des savants qui, idéologiquement ou politiquement, ressortissent à ce qu'on est convenu d'appeler la bourgeoisie. (Sauvageot 1935: 164)

À ce moment de l'analyse, tout semble réuni pour que Sauvageot apprécie positivement et loue la linguistique marriste. Mais, contrairement à ce qui était espéré dans la lettre – Sauvageot s'y excuse de son « effusion », mentionne son « désir de savoir ce qui se fait en linguistique dans le pays le plus intéressant et le plus neuf du monde » (lettre de Sauvageot à Marr du 25 juillet 1933) –, le verdict rendu à la fin de la conférence, « après avoir lu d'un bout à l'autre ces contradictions confuses qui occupent aujourd'hui plusieurs volumes édités avec soin » (Sauvageot 1935: 167), sera autre:

Eh bien, il faut en prendre notre parti. En dehors de quelques citations plus ou moins bien choisies et de quelques affirmations non prouvées, du marxisme on ne trouvera pas de trace.

Car enfin, où nous a-t-on décrit les phases contradictoires qui produisent le mouvement dialectique dont est issu le développement linguistique? Où nous a-t-on démontré les effets de la lutte des classes sur la formation, la ruine et la refonte des langues? (Sauvageot 1935: 167)

Mais si Sauvageot prononce l'échec du marrisme – « Dans l'intérêt de la linguistique, il faut toutefois espérer que les marxistes sauront reconnaître que cette première tentative est entachée de trop d'erreurs de méthode et que l'enseignement si parfaitement scientifique des grands DOCTEURS du marxisme doit susciter des travaux plus solidement fondés » (*ibid.*: 168; souligné dans l'original) –, il ne prononce pas celui du marxisme en linguistique:

La linguistique marxiste en est encore à ses débuts. Nous percevons ses premiers balbutiements. La bruyante publicité faite autour du japhétisme ne doit pas nous tromper sur la valeur du marxisme en tant qu'hypothèse de travail en linguistique. La faillite du japhétisme ne doit pas être imputée au marxisme. (*Ibid.*)

Et même, il appellera à continuer le travail, à ne pas renoncer à « faire cet essai d'une hypothèse de travail qui s'est révélée si féconde dans le domaine sociologique » (*ibid.*):

Ma seule conclusion, à l'adresse de mes confrères de l'URSS et d'ailleurs sera celle-ci: il faut faire enfin de la linguistique vraiment marxiste, authentiquement marxiste. À cet effet, il faut essayer de vérifier en linguistique les principales affirmations dogmatiques du marxisme: dialectique et lutte des classes.

Qu'on nous propose des études sérieuses et nous verrons bien ce que cela donnera. (*Ibid.*)

3. Conclusion

Le fait qu'Aurélien Sauvageot fût marxiste n'a pas suffi à lui faire accepter sans aucune critique la théorie linguistique dite marxiste de Nikolaï Marr. Les deux linguistes partageaient pourtant de la même constatation, celle de l'inadéquation de l'édifice théorique indo-européen pour les langues non indo-européennes qu'ils étudiaient et de la nécessité de nouvelles approches pour les faits de langue. Mais peut-être que Sauvageot était trop au courant des théories marxistes pour pouvoir trouver chez Marr « le marxisme qu'on nous avait promis » (Sauvageot 1935: 167). Il n'y a donc pas qu'une question de « vision du monde ».

Il semble que la relation entre Nikolaï Marr et Aurélien Sauvageot ne soit pas allée plus loin que ces deux documents du début des années 1930. À notre connaissance, Marr (qui meurt en 1934) n'apparaît dans aucun autre texte du linguiste français. Et il s'est même effacé de tous les livres de souvenirs écrits par Sauvageot, dans lesquels il n'a aucune place. Quant à Sauvageot, il n'est mentionné qu'une fois dans les cinq tomes des *Œuvres choisies* de Marr (cf. Marr 1926 [1937: 94]), à propos de son article « Eskimo et uralien » (Sauvageot 1924).

Bibliographie

- BOUTET J., 2024: *Marcel Cohen, linguiste engagé dans son siècle (1884–1974)*. Limoges: Lambert-Lucas
- COHEN M., 1935: « Linguistique et société », in *la lumière du marxisme*, t. I. Paris: Éditions sociales internationales, 152–159
- GOUARNÉ I., 2013: *L'introduction du marxisme en France. Philosoviétisme et sciences humaines, 1920–1939*. Rennes: Presses universitaires de Rennes

- JOSEPH J.E., 2019: «The resistant embrace of formalism in the work of Émile Benveniste and Aurélien Sauvageot», in McElvenny J. (ed.), *Form and Formalism in Linguistics*. Berlin: Language Science Press, 141–174
- JOSEPH J.E., 2022a: «Making grammars concrete again: Aurélien Sauvageot’s esquisses of Finnish and Hungarian», in Denecker T., Desmet P., Jooen L., Lauwers P., Van Hal T., Van Rooy R. (eds.), *The Architecture of Grammar: Studies in Linguistic Historiography in Honour of Pierre Swiggers*. Leuven: Peeters, 457–470
- JOSEPH J.E., 2022b: «The “Truly Marxist, Authentically Marxist” linguistics of Aurélien Sauvageot», communication devant la *Henry Sweet Society*. Louvain
- JÓZAN I., 2019: «Géographie, typologie, politique: la fondation de la chaire des langues finno-ougriennes à l’École des langues orientales vivantes», in *Hungarian Studies*, 2019, vol. 33, № 2, 367–384
- LE CALLOC’H B., 1992: «Aurélien Sauvageot: les années d’apprentissage», in *Études finno-ougriennes*, 1992, t. XXIV, 131–155
- MARR N.Ja., 1924 [1934]: «Ob jafetičeskoj teorii», in Marr N.Ja. *Izbrannye raboty*, t. III. Moskva – Leningrad: Gosudarstvennoe social’no-èkonomičeskoe izdatel’stvo, 1934, 1–34
- MARR N.Ja., 1926 [1937]: «Proischoždenie amerikanskogo čeloveka i jafetičeskoe jazykoznanie», in Marr N.Ja. *Izbrannye raboty*, t. IV. Leningrad: Gosudarstvennoe social’no-èkonomičeskoe izdatel’stvo, 1937, 85–99
- MICHANKOVA V.A., 1949: *Nikolaj Jakovlevič Marr: Očerk ego žizni i naučnoj dejatel’nosti*. Moskva – Leningrad: Izdatel’stvo Akademii Nauk SSSR
- MORET S., 2019: «Meillet et Marr», in Morè S., de Lja Fortel’ A. (dir.), *Istorija lingvistiki, istorija idej: Festšrift v čest’ Patrika Serio / Histoire des linguistiques, histoire des idées: Mélanges offerts à Patrick Sériot*. Moskva: OGI, 361–399
- MORET S., 2024: «La moitié du chemin. Sur la réception d’Antoine Meillet dans l’URSS de Staline», in *Langages*, 2024, № 233, 111–130
- SANDU T., 2009: «Aurélien Sauvageot à la découverte de la Hongrie des années 1923–1933», in *Études finno-ougriennes*, 2009, t. 41, 45–56
- SAUVAGEOT A., 1924: «Eskimo et uralien», in *Journal de la Société des américanistes de Paris*, t. 16, 279–316
- SAUVAGEOT A., 1935: «Linguistique et marxisme. La théorie “japhétique” de l’académicien N. Marr», in *À la lumière du marxisme*, t. I. Paris: Éditions sociales internationales, 160–168
- SAUVAGEOT A., 1937: *Découverte de la Hongrie*. Paris: Alcan
- SAUVAGEOT A., 1947: *Rencontre de l’Allemagne*. Vincennes: Nord-Sud
- SAUVAGEOT A., 1988: *Souvenirs de ma vie hongroise*. Budapest: Corvina
- SAUVAGEOT A., 2020: *Un linguiste dans son siècle. Mémoires, 1897–1954*. Paris: Adéfo – L’Harmattan
- TUNKINA I.V., 2000: «N.Ja. Marr i F.A. Braun: istorija vzaimootnošenij (1920–1925 gg.)», in *Stratum plus*, 2000, № 4, 384–391

Екатерина Вельмезова (Лозаннский университет)

Московско-тартуская / Тартуско-московская семиотическая школа: страница истории славистики глазами современных семиотиков

Abstract:

The importance of the Moscow-Tartu / Tartu-Moscow semiotic school in the history of ideas of the last century cannot be overestimated, and the history of Slavic studies is no exception to this. Based on an analysis of interviews conducted over the past several years with some leading experts in semiotics (U. Eco, J. Hoffmeyer, P. Fabbri, G. Kress, R. Posner, V. Nöth, P. Cogley, etc.), this article considers the different attempts to look at this school *a posteriori*. From the general context of the history of the Moscow-Tartu / Tartu-Moscow school, the figure of Juri Lotman obviously stands out to a contemporary perspective. Today he is known far beyond specialists in the semiotics of culture; one of his most famous concepts is that of the *semiosphere*.

Keywords: Moscow-Tartu / Tartu-Moscow semiotic school, history of Slavic studies, history of semiotics, interview, Juri Lotman, *semiosphere*, the role of personality in science

В течение нескольких лет вместе с моим тартуским коллегой Калеви Куллем мы проводили (иногда в письменной, иногда в устной формах) интервью с учеными – специалистами по семиотике, которые были в какой-то степени связаны с тартуской «традицией» семиотических исследований¹. Большинство из этих интервью проводились начиная с 2010 года (лишь отдельные немногочисленные беседы были организованы раньше). В одной из предыдущих публикаций, анализирующих проделанную работу (Вельмезова, Кулль 2022), уже рассматривалось, как интервьюируемые нами коллеги оценивают сегодня научную деятельность Юрия Михайловича Лотмана (1922–1993) – в это исследование мы включили и анализ интервью, организованных и с непосредственными

1 См. книгу Kull, Velmezova 2025. Это исследование изначально ориентировалось скорее на международный контекст: мы намеренно не включали в книгу беседы с эстонскими коллегами, многие из которых близко знали ученых Московско-тартуской / Тартуско-московской семиотической школы (некоторые из них непосредственно участвовали в ее деятельности) и интервью с которыми мы также публиковали на страницах научных изданий. Взгляд эстонских исследователей на историю и современное состояние интересующей нас Школы – отдельная тема, достойная специального исследования.

Я благодарю профессора Калеви Кулля за то, что он прочитал эту статью в рукописи.

коллегами Ю.М. Лотмана по Московско-тартуской / Тартуско-московской семиотической школе – Борисом Андреевичем Успенским (род. в 1937 г.) и Вячеславом Всеволодовичем Ивановым (1929–2017). Настоящая же статья касается отражения в интервью Московско-тартуской / Тартуско-московской школы в целом, отчасти она построена по модели уже упомянутого исследования 2022 года и частично воспроизводит некоторые его положения. В ней я обращаюсь к тому, как Школа оценивается или оценивалась не ее непосредственными участниками, а скорее извне – однако учеными, которые всё же были некоторым образом связаны с тартуской семиотикой, в том числе и с семиотикой последних лет. Некоторые из них участвовали в организованных в Тарту научных конференциях и семинарах, кто-то приезжал читать лекции или оппонировать диссертационные работы, принимал участие в совместных с тартускими коллегами публикациях и т.д. При этом научные взгляды интервьюируемых нами ученых не всегда совпадали, скорее наоборот: к примеру, они могли по-разному оценивать ситуацию в современной семиотике и рассуждать о возможных путях ее развития, неодинаково интерпретировать основные семиотические понятия и концепты (*знак, текст, язык, коммуникация* и т.д.), работать в рамках разных семиотических «традиций» и т.д. – разброс мнений наших коллег по разным вопросам действительно был очевидным, однако тем интереснее было вести с ними беседы и впоследствии о них рассуждать, в том числе размышляя и об оценке интервьюируемыми Московско-тартуской / Тартуско-московской семиотической школы. Конечно, предлагаемый здесь анализ следует рассматривать не более чем скромным введением в тему большого исследования, которое, надеюсь, однажды состоится, – введением хотя бы потому, что из-за ограниченного объема этой статьи мне придется остановиться здесь прежде всего на тех контекстах проведенных интервью, в которых Школа упоминалась нашими собеседниками эксплицитно.

Как и в предыдущих работах, посвященных истории интеллектуальной культуры и основанных на анализе текстов интервью, уточню, что сам жанр научного интервью, конечно, еще не получил должного эпистемологического анализа. В нашем случае речь шла именно об интервью, а не об анкетах или опросниках, поэтому мы намеренно не задавали опрашиваемым коллегам одни и те же вопросы, что, разумеется, могло повлиять и на конечный результат – однако в какой-то степени это объясняется и эпистемологическими, и методологическими особенностями интервью как особого жанра, в том числе и жанра научного. Как бы то ни было, всем нашим коллегам были заданы вопросы о «тартуской семиотической традиции», что подразумевало и обращение к историческому контексту. Этим объясняется то, что речь о Московско-тартуской / Тартуско-московской семиотической школе заходила даже в тех интервью, которые касались скорее иных исторических контекстов и «традиций».

В большинстве же случаев и при проведении, и при чтении и перечитывании интервью неизменно возникало ощущение того, что – при всем понимании нашими интервьюируемыми коллегами организации Школы благодаря

деятельности не одного, а многих ученых, – оказывается, что для них сегодня есть, с одной стороны, Юрий Лотман, а с другой – все остальные участники Школы².

1. О Ю.М. Лотмане: интерес к работам ученого за пределами славистики. Концепт *семиосферы*

Как уже было отмечено в упомянутой выше работе 2022 года (Вельмезова, Куль 2022), в ряде случаев имя Ю.М. Лотмана было единственным из имен участников Московско-тартуской / Тартуско-московской школы, которое вообще упоминалось в проведенных нами интервью. Показательно, однако, что интервьюируемые в таких случаях могли и не быть специалистами в области семиотики культуры, но вели исследования в других областях семиотики; интересно и то, что ссылались они порой на одни и те же концепты, разработанные Ю.М. Лотманом. К примеру, и британский специалист по социальной семиотике Гюнтер Кресс (1940–2019)³, и известный датский биосемиотик Йеспер Хоффмейер (1942–2019)⁴ в своих интервью упомянули лотмановский концепт *семиосферы*. Г. Кресс сослался и на книгу Ю.М. Лотмана *Universe of the Mind* (Lotman 1990a), в то время как Й. Хоффмейер, по его собственному признанию, не читал работ Лотмана в то время, когда впервые употребил термин *семиосфера*: он неосознанно заимствовал его, видимо, из диссертационной работы своего коллеги, датского семиотика Фредерика Стиернфелта (род. в 1957 г.) (Stjernfelt 1992), которую рецензировал для одного из периодических изданий (Вельмезова, Куль 2022:

2 В одном из не включенных в книгу 2025 года интервью, которое Татьяна Михайловна Николаева (1933–2015) дала мне по электронной почте в январе 2015 года, исследовательница упомянула об очень преувеличенной, по ее мнению, роли Ю.М. Лотмана в современных дискуссиях об истории Школы (Velmezova 2015: 37). Проведенные со специалистами по семиотике интервью показывают, что – по крайней мере, в этой научной среде – академическое наследие Ю.М. Лотмана действительно вызывает сегодня больший интерес, по сравнению с работами других участников Школы.

Если же говорить о славистах, интересующихся историей науки, то мой опыт издательской работы свидетельствует о том же: в 2015 году в Тулузе был издан сборник, посвященный «Московско-Тартуской / Тартуско-Московской семиотической школе» (Velmezova [éd.] 2015); в этом издательском проекте приняли участие ученые из нескольких стран. Коллеги, работы которых были опубликованы в сборнике, могли выбрать для своей статьи любую тему, так или иначе связанную с Московско-тартуской / Тартуско-московской школой, – однако большинство из них написали именно о Ю.М. Лотмане.

3 Устное интервью с Г. Крессом состоялось в Тарту в ноябре 2018 года.

4 Первое интервью с Й. Хоффмейером было организовано по электронной почте в декабре 2012 года; устное интервью с ним состоялось в Тарту в ноябре 2014 года (Kull, Velmezova 2019).

164–165; Kull, Velmezova 2025: 303), – что свидетельствует о знакомстве с работами Ю.М. Лотмана и других датских семиотиков. По признанию же самого Й. Хоффмейера, даже если ученые не всегда могут легко вспомнить об авторстве того или иного научного термина⁵, сегодня ему «очень жаль», что он «ввел [в свою работу. – *Е.В.*] термин “семиосфера”, не упоминая Лотмана» (Вельмезова, Кулль 2022: 164)⁶. Тем самым, как можно видеть, размышления об интеллектуальном наследии Ю.М. Лотмана вызвали интерес к истории семиотики культуры даже у исследователя, изначально ею не интересовавшегося.

О концепте *семиосферы* речь заходила и в других интервью. Особенно интересной в этой связи была беседа с немецким лингвистом и семиотиком, президентом Международной ассоциации семиотических исследований в 1994–2004 годах Роландом Познером (1942–2020)⁷, который в начале девяностых годов прошлого века перевел статью Ю.М. Лотмана о семиосфере на немецкий язык (Lotman 1990b) и опубликовал с тартуским ученым интервью (Lotman, Posner 1990)⁸. Будучи специалистом (прежде всего) по семиотике культуры⁹, Р. Познер, разумеется, не мог не знать о важности работ Ю.М. Лотмана для развития этой области, и сам он, по его утверждению, изучал проблемы семиотики культуры, развивая «лотмановский подход» (Posner 1991; 2008). Это отмечалось в его интервью, в котором исследователь упоминал, в частности, «основы» современной семиотики, «заложенные Лотманом» (Вельмезова, Кулль 2022: 170; Kull, Velmezova 2025: 266).

Если о работах Ю.М. Лотмана по семиотике культуры могли – хотя бы фрагментарно – знать и биосемиотики, некоторые его труды по истории русской культуры читали не только слависты. Так, один из ведущих когда-то итальянских семиотиков Паоло Фаббри (1939–2020)¹⁰, в свое время встречавшийся с тартуским ученым в Италии и даже организовавший его беседу с Альгирдасом Жюльеном Греймасом (1917–1992)¹¹, считал Ю.М. Лотмана наследником «традиций русского формализма» и ученым столь же важным для семиотики Северной Европы, каким Умберто Эко был для семиотики итальянской. А среди лотмановских работ, оказавших на него большое влияние, ученый выделил книгу о структуре

5 К тому же Ю.М. Лотман не был первым, кто использовал в своей научной работе слово *семиосфера* (сошлюсь на доклад К. Кулля, сделанный на Отделении семиотики Тартуского университета 6 января 2025 года).

6 Здесь и далее цитаты из интервью приводятся в русском переводе с английского.

7 Устное интервью с Р. Познером состоялось в Тарту в 2006 году.

8 Это интервью было организовано в 1989 году, во время пребывания Ю.М. Лотмана и Зары Григорьевны Минц (1927–1990) в Мюнхене.

9 В частности, вместе с коллегами Р. Познер издал известный четырехтомник *Semiotics: A Handbook on the Sign-Theoretic Foundations of Nature and Culture* (Posner, Robering, Sebeok [eds.] 1997–2004).

10 Устное интервью с П. Фаббри состоялось в Палермо в декабре 2016 года.

11 Об этом общении см. Вельмезова, Кулль 2022: 166–167; Kull, Velmezova 2025: 152–153.

художественного текста (Lotman 1972), написанные Лотманом в соавторстве с Б.А. Успенским тексты по средневековой культуре и лотмановский анализ *Евгения Онегина* (Lotman 1985). Однако – подобно и другим нашим собеседникам – П. Фаббри специально подчеркнул важность концепта *семиосферы* для своих исследований, а также для итальянской семиотики в целом¹². Вот как П. Фаббри ответил на вопрос, были ли для него важны работы участников Московско-тартуской / Тартуско-московской семиотической школы:

Очень важны. По нескольким причинам, я объясню. Во-первых, из-за утверждения, что семиотическое описание начинается с текстов: например, как Роман Якобсон или Леви-Стросс описывали поэзию. И первая книга Лотмана о поэзии была для нас чрезвычайно важна. Мы узнали Лотмана благодаря этой замечательной книге о поэзии. Сейчас люди всё меньше и меньше интересуются поэзией и всё больше и больше – нарративом. В работах Лотмана нет теории нарратива, но в работах Лотмана есть интересная идея о тексте. Лотман интересовался поэзией. Вспомните лотмановский анализ «Евгения Онегина»! И эта традиция, традиция формализма, русского формализма, была для нас очень сильна. Это было начало. А потом, когда он сформулировал общую идею семиосферы, [...] итальянцы говорят: ах, да, [...] Лотман прав. Это моя точка зрения, возможно, она слишком простая, но [...] мы выбрали именно это направление. А также важной для нас, для многих из нас в филологии (потому что есть семиотика, выходящая из филологии) была работа Лотмана по средневековой культуре. Эко так интересовался средневековой культурой... Мы знаем русскую средневековую традицию в культуре благодаря Лотману... На самом деле, он был для нас очень важен. И вообще... идея изучения культуры, языка, межкультурного перевода и так далее, и так далее, и идея семиосферы – это было очень важно для нас. (Вельмезова, Кулл 2022: 165–166; Kull, Velmezova 2025: 152)

В своем интервью П. Фаббри ответил на вопрос, почему, по его мнению, семиотика в Италии очень сильна, и его ответ в какой-то мере объясняет и неплохое знакомство итальянских семиотиков с работами участников Московско-тартуской / Тартуско-московской школы, и значимость концепта *семиосфера* для итальянской семиотики – а возможно, и для других научных «традиций»:

Я не верующий, но все мы христиане. А Италия – это центр христианства, где значение символического измерения действительно велико, оно огромно. Если вы ребенком входите в церковь, имя Божие является знаком. Ребенок это знает... Мы – культура, у которой нет натуралистического [*naturalistic*] отношения к миру; вы знаете, что мир создан знаками. Знаки, дискурс, символическое измерение... Для нас семиосфера имеет огромное значение. Мы живем в семиосфере. И у нас нет одержимости естественностью [*naturality*], как, например, в протестантской культуре; мы действительно верим в

12 На итальянский язык работы Лотмана стали переводить раньше, чем на английский; к тому же на итальянский переведено больше трудов ученого, чем на английский (см. Sedda 2006; Kull 2011; Kull, Gramigna 2014; де Микиел 1995).

символическое измерение. Я думаю, что это важное объяснение. (Kull, Velmezova 2025: 150–151)

2. Ю.М. Лотман и другие участники Московско-тартуской / Тартуско-московской семиотической школы

В свете того, что было сказано П. Фаббри о «семиотическом» характере итальянской культуры, неудивительно, что о Ю.М. Лотмане много говорил в интервью и Умберто Эко (1932–2016) – признанный глава итальянской семиотики, заинтересовавшийся семиотикой, как и его известный тартуский коллега, в начале шестидесятых годов прошлого века¹³. Как и П. Фаббри, У. Эко лично встречался с Лотманом в Италии (см. Вельмезова, Куль 2022: 167; Kull, Velmezova 2025: 111). Впрочем, интервью с У. Эко было одним из тех, в которых упоминались и другие участники Школы, – что неудивительно, если вспомнить об интересе У. Эко к «русской семиотической традиции». Более того, оказалось, что Ю.М. Лотман вовсе не был первым «русским семиотиком», с работами которого Эко когда-то познакомился. Вот что он сказал:

[...] я не помню, было ли это в 1967 или в 1968 году, когда славист из Турина, Джан Луиджи Браво, сказал: «Я открыл для себя русских семиотиков!» И он перевел для меня их [работы] для большого журнала, который назывался *Marcatré*. Это был журнал, посвященный искусству, архитектуре, всему. Он перевел для меня Успенского¹⁴, Жолковского, Егорова, но в основном людей из московской школы, Лотмана [среди них] не было. Однако, я думаю, [...] я первым опубликовал тексты русских семиотиков. (Вельмезова, Куль 2022: 167–168; Kull, Velmezova 2025: 120)

Со временем У. Эко смог встретиться с Вяч.Вс. Ивановым, с Александром Константиновичем Жолковским (род. в 1937 г.) – однако встречу с Лотманом организовать оказалось труднее. Приведу здесь соответствующий фрагмент из его интервью – свидетельство того, как в то время была организована научная жизнь:

Постепенно русские семиотики вошли в итальянскую культуру. Потом, в 1970-е годы, я познакомился с первыми из них, это были Алик Жолковский, Иванов, но не Лотман. Я не был в Тарту, а Лотман не мог приехать в Европу, чтобы встретиться со мной. Я помню, как сражался в 1974 году, когда мы организовывали первый международный конгресс по семиотике. Я хотел, чтобы приехал Лотман и многие другие, и начал переговоры с российскими чиновниками. Мы начали, кажется, в 1971 году, во время моей поездки в

13 Устное интервью с У. Эко состоялось в Милане в январе 2012 года.

14 У. Эко не уточнил, идет ли речь о Б.А. Успенском или о брате последнего, Владимире Андреевиче Успенском (1930–2018). По-видимому, все же о Б.А. Успенском, работы которого У. Эко знал лучше. – *Е.В.* (см. Вельмезова, Куль 2022: 167).

Советский Союз. Я встречался с генеральным секретарем Союза писателей, и вы знаете, каким он был важным, потому что раньше он был послом в Пекине, а затем, поднявшись по карьерной лестнице, стал генеральным секретарем Союза [писателей]. И мы стали, скажем так, друзьями. Однажды он приехал в Милан пообедать, и я сказал: «Мне нужны эти десять человек, и пожалуйста, не присылайте идиотов из академии». Он посмотрел на меня и сказал: «Умберто, я могу прислать тебе трех стоящих людей, но остальные будут идиотами» (*смех*). «Нет, четырех стоящих и шесть идиотов. Давайте попробуем». На съезд ко мне приехало шестеро (они не были идиотами, но во всяком случае не были и ведущими семиотиками, это были университетские преподаватели, которые были в ладу с режимом), а остальные не приехали. Я встретился с ними и сказал: «Вы не те, кого я приглашал, поэтому гостиницы у нас для вас нет». Они сказали: «Мы знаем, у нас есть деньги, чтобы заплатить за гостиницу» (*смех*). Так что с Лотманом я тогда не встретился... Пока наконец у Лотмана не появилась такая возможность. Между тем мы несколько раз писали друг другу письма. Я получил его публикации, и Лотман был практически полностью переведен. И мы даже [...] перевели *Семиотику культуры* Лотмана-Успенского. Так что, когда мы встретились в Италии, мы уже были старыми друзьями. (Вельмезова, Кулль 2022: 168–169; Kull, Velmezova 2025: 120–121)

Хорошо зная работы Лотмана, У. Эко – так же, как и его коллега П. Фаббри, – не будучи славистом, понимал, что семиотикой деятельность тартуского ученого, конечно, не ограничивалась. Более того, как подчеркнул Эко, изучая, например, наследие А.С. Пушкина, Лотман вполне мог обходиться и без семиотических методов анализа (Вельмезова, Кулль 2022: 169; Kull, Velmezova 2025: 114).

Другим исследователем, в интервью с которым речь зашла не только о Лотмане, но и о других участниках Московско-тартуской / Тартуско-московской школы, был немецкий лингвист и семиотик Винфрид Нёт (род. в 1944 г.)¹⁵. Его осведомленность объяснялась прежде всего тем, что Нёт был автором книги энциклопедического характера *Handbook of Semiotics* (Nöth 1990; 1985 и 2000 [немецкие издания]): вообще, по словам ученого, при подготовке нового издания этой книги он бы обязательно включил в нее – наряду с главами о таких «классиках» семиотики, чьи работы по-прежнему остаются актуальными, как Ч.С. Пирс, Ч.У. Моррис, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, Р. Якобсон, Р. Барт, А.Ж. Греймас, Ю. Кристева, У. Эко... – и главу о Ю.М. Лотмане (Вельмезова, Кулль 2022: 170–171; Kull, Velmezova 2025: 239). К написанию такой главы немецкий ученый был достаточно подготовлен: он уже писал о – как он сам выразился – «семиотическом гении» Ю.М. Лотмана на нескольких языках (Вельмезова, Кулль 2022: 171; Kull, Velmezova 2025: 201), причем не только в упоминавшейся выше книге *Handbook of Semiotics* (см. также Nöth 2006; 2007; 2015). Работы Ю.М. Лотмана были важны для размышлений В. Нёта об «автокоммуникации» как одной из форм диалога (лотмановское теоретическое наследие рассматривалось в этом случае в связи и с бахтинской «парадигмой»)

15 Устное интервью с ним состоялось в Касселе в феврале 2012 года; в ноябре 2012 года ученый дополнил его письменно (по электронной почте).

(Вельмезова, Кулль 2022: 171–172; Kull, Velmezova 2025: 195); интерес немецкого ученого вызвал и концепт *непереводимости* (Вельмезова, Кулль 2022: 171; Kull, Velmezova 2025: 231–232).

В отличие от У. Эко – и подобно многим другим семиотикам, работающим на Западе, – В. Нёт открыл для себя Московско-тартускую / Тартуско-московскую семиотическую школу именно через работы Ю.М. Лотмана, однако впоследствии он познакомился и с трудами других ее представителей, также упоминающихся в его *Handbook of Semiotics*. Среди них – Александр Моисеевич Пятигорский (1929–2009), Исаак Иосифович Ревзин (1923–1974), Дмитрий Михайлович Сегал (род. в 1938 г.), Себастиан Константинович Шаумян (1916–2007), Владимир Николаевич Топоров (1928–2005), Б.А. Успенский, А.К. Жолковский, Вяч. Вс. Иванов (интересно, что именно Вяч.Вс. Иванова В. Нёт считал научным лидером московской группы Школы). Что же касается тартуской группы, в *Handbook of Semiotics* упоминается только Ю.М. Лотман (Nöth 1990: 309): о других тартуских семиотиках немецкий ученый узнал лишь позже (Вельмезова, Кулль 2022: 171; Kull, Velmezova 2025: 231–232).

3. Московско-тартуская / Тартуско-московская семиотика... без Лотмана (?)

Если же не говорить специально о Ю.М. Лотмане, но о других участниках Школы, следует, конечно, соблюдать некоторую осторожность в том смысле, что «границы» Московско-тартуской / Тартуско-московской семиотической школы никогда не были строго очерчены. К примеру, наши интервьюируемые говорили о Михаиле Михайловиче Бахтине (1895–1975) или о Романе Осиповиче Якобсоне (1896–1982), которые общались с некоторыми участниками Школы и безусловно повлияли на их работы, – однако к непосредственным участникам и протагонистам Школы как таковым отнести Якобсона и Бахтина все же нельзя.

Что же касается «признанных» участников Школы, некоторые тенденции того, как о них говорилось в проведенных нами интервью, всё же выявляются.

Так, например, если – как мы видели выше – из всех *тартуских* ученых, связанных со Школой, В. Нёт изначально знал лишь работы Ю.М. Лотмана, во многом то же можно сказать и о прочих проинтервьюированных нами семиотиках. О других тартуских исследователях в интервью практически не говорилось – разумеется, за некоторыми отдельными исключениями. Так, выше уже цитировался У. Эко, упомянувший коллегу и друга Лотмана Бориса Федоровича Егорова (1926–2020), с работами которого Эко когда-то познакомился благодаря переводу на итальянский (Вельмезова, Кулль 2022: 167–168; Kull, Velmezova 2025: 120). Некоторые же известные современные ученые, связанные с московско-тартуской / тартуско-московской семиотикой, но принадлежащие уже к другому, более молодому поколению по сравнению с основателями

Школы, ассоциировались у интервьюируемых уже скорее с современной семиотикой, чем с ее историей. Именно в таком контексте, например, В. Нёт говорил о Пеэтере Торопе (род. в 1950 г.) (Kull, Velmezova 2025: 240), а известный британский семиотик Пол Кобли (род. в 1963 г.), возглавлявший с 2014 по 2024 год Международную ассоциацию семиотических исследований, упомянул того же П. Торопа и Михаила Юрьевича Лотмана (род. в 1952 г.) (*ibid.*: 342) (кроме того, по словам П. Кобли, Тороп был одним из ученых, оказавших большое влияние на его собственные семиотические исследования [*ibid.*: 327])¹⁶. Однако эти немногочисленные исключения лишь подтверждают сказанное выше: в истории тартуской семиотики очевидно «доминирует» Ю.М. Лотман. Он же был одним из немногих представителей Школы, о котором наши собеседники не просто упоминали, но и ссылались на ряд разработанных им концептов. Из последних наиболее часто упоминалась *семиосфера* – о ней говорили и ученые, основной областью научных интересов которых была не семиотика культуры, а другие области семиотики.

Что же касается *московской* группы Школы, упоминаемых в интервью имен ее участников было очевидно больше, чем в случае Тарту; чаще других интервьюируемые говорили о Вяч.Вс. Иванове и Б.А. Успенском. Так, например, в приведенном выше фрагменте интервью У. Эко упомянул, что лично познакомился с Ивановым даже раньше, чем с Лотманом (Вельмезова, Куль 2022: 168–169; Kull, Velmezova 2025: 121). Более того, известный итальянский семиотик, конечно, знал отдельные работы Иванова (как и труды И.И. Ревзина, А. К. Жолковского, Ю.К. Щеглова, Б.А. Успенского, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, Д.М. Сегала и других советских ученых [см. Fassani, Eco (eds.) 1969; 1969 (1974)]) – однако детально он в своем интервью ничего об этих исследованиях не говорил. Интересно, что другой наш собеседник, упомянувший Вяч. Вс. Иванова, – В. Нёт – ссылался на него, в том числе, говоря о семиотических аспектах математики, упомянув работу Иванова о семиотике чисел (Ivanov 2007; см. Kull, Velmezova 2025: 238). Тем самым работы Вяч.Вс. Иванова представляли интерес не только в контексте семиотики филологии.

Если же говорить о Б.А. Успенском, то он был известен на Западе не только как соавтор Ю.М. Лотмана (см., например, в интервью У. Эко [Kull, Velmezova 2025: 121]), но и как семиотик, долгое время работавший в Италии, – что, безусловно, способствовало его научным контактам с западными коллегами (см., например, интервью с П. Кобли [*ibid.*: 342]). С Б.А. Успенским – как, впрочем, и с А.М. Пятигорским и Борисом Леонидовичем Огибениным (род. в 1940 г.) – в Италии встречался, например, П. Фаббри (Kull, Velmezova 2025: 153), о чем он специально упомянул в интервью. Однако о работах этих ученых П. Фаббри специально не говорил.

16 Интервью с П. Кобли было организовано по электронной почте в начале 2023 года.

4. Некоторые выводы

Анализ проведенных нами интервью показал, что из всех участников Московско-тартуской / Тартуско-московской семиотической школы лучше других известен сегодня Ю.М. Лотман (во многом благодаря концепту *семиосферы*, знакомому отнюдь не только специалистам по семиотике культуры) – при этом о большинстве других тартуских семиотиков интервьюируемые узнавали гораздо позже, зачастую уже после распада Школы. Московские семиотики упоминались нашими собеседниками реже, как правило без отсылок к их работам и исключительно учеными – специалистами в области семиотики культуры. Однако и состав имен здесь был более разнообразным, чем в случае связанных со Школой тартуских семиотиков; чаще всего при этом речь заходила о Вяч. Вс. Иванове и Б.А. Успенском.

Разумеется, размышляя над полученными результатами, следует иметь в виду, что среди опрашиваемых нами ученых были прежде всего специалисты по семиотике – и слависты, и историки славистики, думается, могли бы высказаться иначе¹⁷. Однако в любом случае полученные результаты дают возможность еще раз задуматься о роли личности в науке, и тем более о роли личности в развитии и истории научных школ. Огромный же вклад – как научный, так и человеческий – Юрия Михайловича Лотмана в становление Московско-тартуской / Тартуско-московской семиотической школы сомнению не подлежит.

Библиография

- ВЕЛЬМЕЗОВА Е., КУЛЛЬ К., 2022: «Ю.М. Лотман глазами современных семиотиков», in Киселева Л.Н, Степанищева Т.Н. (ред.), *К 100-летию Ю.М. Лотмана* [Acta Slavica Estonica, 14]. Tartu: University of Tartu Press, 160–175
- ДЕ МИКИЕЛ М., 1995: «О восприятии работ Ю.М. Лотмана в Италии», in Пермяков Е.В. (отв. ред.), *Лотмановский сборник I*. Москва: ИЦ – Гарант, 294–306
- FACCANI R., ECO U. (eds.), 1969: *I sistemi di segni e lo strutturalismo sovietico*. Milano: Bompiani

17 Кроме того, в настоящей статье представлены размышления исключительно над текстовой выборкой проведенных нами интервью. Знания же интервьюируемых об участниках Школы, конечно, могли быть – и были – гораздо полнее того, о чем они эксплицитно высказались в разговоре с нами (см., например, ссылки Мюрдин Андерсон [род. в 1934 г.], проинтервьюированной в Тарту в марте 2002 года, на работы А.М. Пятигорского [Kull, Velmezova 2025: 172] и т.д.).

- FACCANI R., ECO U. (eds.), 1969 [1974]: *Semiotica della letteratura in URSS. Testi di: V.V. Ivanov, I.I. Revzin, Ju.M. Lotman, A.K. Žolkovskij, Ju.K. Ščeglov, B.A. Uspenskij, V.N. Toporov, T.V. Civ'jan, D.M. Segal, O.G. Karpinskaja, A.N. Kolmogorov, A.M. Kondratov*. R. Faccani, G.L. Bravo, trans., 2nd ed. Milano: Bompiani, 1974
- IVANOV V., 2007: «Towards semiotics of number», in *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*, 2007, № 175 (1), 186–194
- KULL K., 2011: «Juri Lotman in English: bibliography», in *Sign Systems Studies*, 2011, vol. 39, № 2/4, 343–356
- KULL K., GRAMIGNA R., 2014: «Juri Lotman in English: updates to bibliography», in *Sign Systems Studies*, 2014, vol. 42, № 4, 549–552
- KULL K., VELMEZOVA E., 2019: «Jesper Hoffmeyer: Biosemiotics is a discovery», in *Biosemiotics*, 2019, vol. 12, issue 3, 373–379
- KULL K., VELMEZOVA E., 2025: *Sphere of Understanding: Tartu Dialogues with Semioticians* [Semiotics, Communication and Cognition, 23]. Berlin: De Gruyter Mouton
- LOTMAN Ju.M., 1972: *La struttura del testo poetico*. E. Bazzarelli, E. Klein, G. Schiaffino, trad.; a cura di E. Bazzarelli. Milan: Mursia
- LOTMAN Ju.M., 1985: *Il testo e la storia: L'Evgenij Onegin di Puškin*. A cura di C. Strada Janovic. Bologna: Il Mulino
- LOTMAN Yu.M., 1990a: *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. A. Shukman, trans. London – New York: I.B. Tauris
- LOTMAN Ju., 1990b: «Über die Semiosphäre». W. Eismann, R. Posner, Übersetz., in *Zeitschrift für Semiotik*, 1990, Bd. 12, Heft 4, 287–305
- LOTMAN Ju., POSNER R., 1990: «Sechs Fragen zur semiotischen Analyse von Kultur: Jurij M. Lotman im Gespräch mit Roland Posner», in *Zeitschrift für Semiotik*, 1990, Bd. 12, Heft 4, 375–380
- NÖTH W., 1985: *Handbuch der Semiotik*. Stuttgart: Metzler
- NÖTH W., 1990: *Handbook of Semiotics* [Advances in Semiotics]. Bloomington: Indiana University Press
- NÖTH W., 2000: *Handbuch der Semiotik*. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler
- NÖTH W., 2006: «Yuri Lotman on metaphors and culture as self-referential semiospheres», in *Semiotica*, 2006, vol. 161, issue 1/4, 249–263
- NÖTH W., 2007: «Cultura e suas metáforas como semiosferas auto-referencias», in Machado I. (ed.), *Semiótica da cultura e semiosfera*. São Paulo: Annablume, 81–95
- NÖTH W., 2015: «The topography of Yuri Lotman's semiosphere», in *International Journal of Cultural Studies*, 2015, vol. 18, № 1, 11–26
- POSNER R., 1991: «Kultur als Zeichensystem: Zur semiotischen Explikation kulturwissenschaftlicher Grundbegriffe», in Assmann A., Harth D. (Hrsg.), *Kultur als Lebenswelt und Monument*. Frankfurt am Main: Fischer, 37–74
- POSNER R., 2008: «Kultursemiotik», in Nünning A., Nünning V. (Hrsg.), *Einführung in die Kulturwissenschaften: Theoretische Grundlagen – Ansätze – Perspektiven*. Stuttgart: Metzler, 39–72

- SEDDA F., 2006: «Bibliografia dei testi di Jurij M. Lotman pubblicati in italiano», in Lotman Ju.M. *Tesi per una semiotica delle culture*. F. Sedda, ed. Roma: Meltemi, 303–311
- STJERNFELT F., 1992: *Formens betydning: Katastrofeteori og semiotik*. København: Akademisk Forlag
- VELMEZOVA E., 2015: « Douze questions à Tatiana Nikolaïeva sur l'École sémiotique de Moscou-Tartu (ou de Tartu-Moscou) », in Velmezova E. (éd.), 2015, 35–38
- VELMEZOVA E. (éd.), 2015: *L'École sémiotique de Moscou-Tartu / Tartu-Moscou. Histoire. Épistémologie. Actualité* [*Slavica Occitania*, 40]. Toulouse: Université de Toulouse

Даниэль Вайс (Цюрихский университет)

Какой (не)приятный сюрприз! Миративные русские конструкции типа «Отец взял да (и) умер»: их грамматикализация в 19-ом и 20-ом вв. (на основе данных из Национального корпуса русского языка)

Abstract:

In this paper, the ongoing grammaticalization of the Russian mirative pseudo-coordinative constructions *vzjat' da/i/da i X-ovat'* and their serialized equivalent *vzjat' X-ovat'* will be examined on the basis of data from the Russian National Corpus. The analysis encompasses the quantitative distribution of these four constructions and the different syntactic, semantic, and pragmatic criteria that mark the stages of their respective processes of grammaticalization. Special attention will be given to the semantic innovations of the last 50 years.

Keywords: pseudo-coordination, mirative constructions, colloquial syntax, verb serialization, negation, verbal aspect, *imperativus dramaticus*

1. Введение

Настоящая статья посвящена разбору четырех разговорных конструкций с первым глаголом *взять* и вторым присоединенным к нему псевдо-сочинительной (в смысле работ Д. Росса [Ross 2016] и Г. Джусти и др. [Giusti *et al.* (eds.) 2022]) или бессоюзной связью глаголом, ср.

$X V_1 [_ \text{взял}] (и/да/да и/и) V_2 [_ \text{сделал}]$

1. Оба глагола представлены в той же грамматической форме (за возможным исключением времени и вида) и согласованы с X-ом, т.е. субъектом.
2. Событие, обозначаемое V_2 и касающееся субъекта X, было быстро и неожиданно для X-а, говорящего, собеседника или рассказчика.

Данное определение отличается от всех существующих словарных определений от *Словаря Ушакова* (Ушаков 1935) вплоть до интернет-источника *Russian Construction*. Термин «событие» понимается в самом широком смысле, охватывая не только самые частотные точечные *achievements*, но и *accomplishments* или *activities*, по известной классификации Вендлера; тем самым лишь стативы (*generic states*) не входят в этот класс (о трех исключениях см. раздел о воздействии отрицания, 3.1).

Синтаксическое моделирование обсуждаемых конструкций в рамках теории «Смысл \Leftrightarrow текст» предлагается в работе Weiss 2007. Здесь нет места для учета этого анализа, удовлетворимся лишь заметкой, что цепочка [союз + второй глагол] трактуется как зависимая от первого глагола *взять*.

Особого рассмотрения требует императив в своем первичном, директивном значении. Его следует считать отдельной конструкцией, поскольку он не укладывается в рамки приведенного выше определения. Ввиду своей маргинальной употребительности он здесь не будет обсуждаться (подробнее см. Стойнова 2007); отметим лишь, что встречаются также производные употребления русского императива, такие как условно-следственное с частицей *хоть*, описанное Е. Фортойном (Fortuin 2000: 112). В связи с особым статусом императива следует указать на работу И. Мельчука (Мельчук 2023), где *возьми* трактуется как отдельная лексема.

2. Этапы грамматикализации в XIX-ом веке

Начиная с первого засвидетельствованного примера (1827 г.), на материале данных НКРЯ в работе Д. Вайса (Weiss 2022b) иллюстрируются а) переменное количественное распределение вышеуказанных четырех конструкций, б) постепенная утрата валентностных и семантических свойств первоначального глагола *взять*, которые также описываются И. Кор Шахин (Кор Шахин 2007), в) возникающие при этом двузначности, г) хронология отдельных этапов грамматикализации и е) взаимодействие миративных конструкций вслед за анализом А. Айхенвальд (Aikhenvald 2012) с другими миративными маркерами. В предмет анализа также входят разные прагматические эффекты, вызванные отдельными употреблениями.

Исторический разрез выявляет как сдвиги, так и константу в распределении четырех конструкций. Если в XIX-ом веке преобладал вариант *взять да и X-овать* (65% всего массива), то в XX-ом веке он почти полностью вытесняется конструкцией с *и*. Это отражает общую тенденцию к максимальному насыщению миративных показателей, характерную для начального этапа развития: в отличие от других соперников, союз *да и* уже сам собой выражает неожиданность, т.е. дублирует миративное значение. К тому же вся конструкция часто выступает в *imperativus dramaticus*, который опять же подчеркивает неожиданность данного события. И наконец, миративное предложение может еще содержать наречие вроде *вдруг* или *ни с того, ни с сего* как четвертый маркер миративности. Такое накопление всех четырех маркеров представлено в следующем примере:

- (1) Странная игра случая занесла меня наконец в дом одного из моих профессоров; а именно вот как: я пришел к нему записаться на курс, а он *вдруг возьми да и пригласи* меня к себе на вечер. [И.С. Тургенев. *Гамлет Щигровского уезда* (1849)]

Подобное насыщение характерно для первых десятилетий, после 1880 года оно исчезает.

Исторической константой оказывается маргинализация сериальной модели, которая с самого начала до сих пор занимает периферийную позицию (XIX в.: 5,7%) и отстает по всем критериям грамматикализации.

Таблица 1. Развитие всех миративных конструкций в XIX-ом веке по данным НКРЯ, из работы Д. Вайса.

	Первый пример	n	<i>Imperativus dramaticus</i>	Двузначные случаи	Дополнительные маркеры неожиданности
взять да V_2	1827	81	7	18	7
взять да и V_2	1839	416	47	26	29
взять и V_2	1851	147	9	12	12
взять (,) V_2	1844	39	–	6	1
Итого		685	63	62	49

Хронология этапов грамматикализации по НКРЯ выглядит следующим образом (везде отмечены первые вхождения):

1827 утрата дополнения глагола *взять*

1837 *imperativus dramaticus*

1847 неканонический субъект: *собака взяла да и шмыгнула...*

1849 неконтролируемое V_2 : *взять да удавиться*

1869 отрицание V_2 : *как вдруг этот Повилянский возьмет да и не придет*

1897 нсв вид V_1 : *... берет и бросает это купание*

Из критериев, указывающих на продолжающуюся грамматикализацию в XIX-ом веке, заслуживают нашего внимания «неканонические» (неодушевленные) субъекты и предикаты (V_2), обозначающие неконтролируемые события. В обоих случаях значение данного члена несовместимо с глаголом *взять* в своем первоначальном, физическом значении. Оба эффекта могут сочетаться, как это происходит в следующем примере:

- (2) Только не рассчитал, что матица-то гнилая была. Как только он на нее ступил, она *возьми да и провались*. Повис майор на воздухе; видит, что неминуемое дело об землю

прохнуться, а ему не хочется. [М.Е. Салтыков-Щедрин. *Сказки / Медведь на воеводстве* (1869–1886)]

Среди неканонических субъектов нашлось 14 названий животных и столько же названий неодушевленных понятий, например *солнце, матица, лодка, место, разговор, общество, натура, чувство, идея, болезнь, сплетни, Англия* (частично они обусловлены эффектом метонимии или метафоры). Неконтролируемые события, обозначаемые вторым глаголом, составляют 51 случай, например *родить, рассердиться, покраснеть, вспыхнуть, забыть, вспомнить, перепутать, заснуть, провалиться, захиреть, ожить, отжить*. Иногда наблюдается ироническое употребление таких глаголов, придающее им смысл сознательного действия, см. пример в заглавии этой статьи («*взял, да и вспомнил*»). Интересно отметить, что семантическое поле «умереть» (включающее и *издохнуть, отравиться, удавиться, утопиться* и др.) составляет 55% всех неконтролируемых событий. С этим и связаны частые шуточные переосмысления типа «возьму да и умру!».

3. Дальнейшая грамматикализация в XX-ом веке

3.1. Отрицание второго глагола: конструкции типа *взять и не сделать*

Ввиду представленного в таблице 1 массива вхождений из XIX-ого века, число примеров с отрицанием при втором глаголе выглядит весьма скромно, как показывается Д. Вайсом (Weiss 2022a): начиная с 1869 года до сегодняшнего дня набралось 83 вхождения, причем львиная доля (53) приходится на конструкцию с *и*. Серийные примеры отсутствуют полностью, что лишний раз свидетельствует об общем отставании этой конструкции в процессе грамматикализации. *Imperativus dramaticus* представлен в 9 примерах, из дополнительных маркеров неожиданности встречается только *вдруг*. Неканонические субъекты попадают довольно часто, ср. *вечер, железная дорога, лужа, Святой Дух, наркоз, КГБ и сердце*. У неконтролируемых событий, обозначаемых вторым глаголом, болезненное увлечение смертью значительно ослабло (3 примера): здесь мы находим, например, глаголы *заснуть, проснуться, родиться, высохнуть, знать, с ума сойти, получитьсь*. Зато наблюдается известная монотонность в наборе отрицаемых глаголов: 28% всего количества составляют глаголы движения типа *пойти, поехать*. То же самое верно для грамматического числа: 31 вхождение представлено в 1ед и 33 – в 3ед. Кроме того, будущее время также выступает в необычном объеме (26 примеров). Предпочтение 1ед и будущего времени взаимосвязаны и обусловлены прагматическим эффектом «назло».

В большинстве случаев неожиданность заключается в отсутствии события, которое в предшествующем контексте как-то предсказывалось. В шести примерах, однако, отрицание лишь повторяет предыдущее отрицательное высказывание, ср.

- (3) А вдруг вечер вообще не наступит? Всегда наступает, а конкретно сегодня – возьмет и не наступит. [Т.Ю. Соломатина. *Мой одесский язык* (2011)]

В таких контекстах миративная конструкция просто усиливает уже прежде установленную неожиданность события и тем самым добавляет только эмфазу. В связи с этим такие ярлыки, как «конструкция неожиданности» или «неожиданное событие», употребленные в работах Д. Вайса (Weiss 2008; 2022a) и также в определении, данном в начале этой работы, нуждаются в уточнении: они не всегда относятся к текстуальному плану. Термин же «миратив» позволяет покрывать и такие случаи, где эффект неожиданности снимается контекстуально.

Закрепленность позиции отрицания перед вторым глаголом нарушается только в тех редких случаях (в моем материале их два), где миративная конструкция содержит и отрицание глагола *взять*, ср. «чтобы не взять и не оторвать ее уши от ее головы». Все остальные употребления отрицания при первом глаголе объясняются иначе, например, воздействием предикатива *нельзя* или потенциальным значением совершенного презенса, ср. «Но просто так не возьмешь и не позвонишь...».

Для полноты картины следует еще указать на появление аспектуально несогласованных пар вроде *возьму и не буду делать*, вслед за которыми становятся возможными и утвердительные соответствия типа *возьму и буду делать* (см. ниже, раздел 4.1). Кроме того, впервые появляются раньше «запретные» стативные глаголы *знать* или *любить* («возьму – и не буду никого любить», «А вот возьму – и не буду знать!») и один утвердительный пример с императивом («странный рецепт: Возьми и люби!»).

3.2. Появление несовершенного вида: конструкции типа *брать и делать*

Последний этап грамматикализации миративных конструкций, описанный Д. Вайсом (Weiss 2023), заключается в введении несовершенного вида глагола *брать* в качестве V_1 . Происходит это в XX-ом веке, причем в медленном темпе: в НКРЯ нашлись лишь 64 вхождения презенса и 4 вхождения претерита, к тому же 35 вхождений императива и 7 – деонтического инфинитива со словом *надо*. Подавляющее большинство (57) примеров приходится на конструкции с союзом *и*. Встречаются и сериальные цепочки, зато *imperativus dramaticus* отсутствует, поскольку он выступает лишь в совершенном виде. Смысловый потенциал новой

конструкции в несовершенном виде лучше всего ухватывается ее аспектуальной характеристикой. Актуально-длительное значение нсв по определению невозможно, поскольку оно не совместимо с аспектуальной характеристикой миративных конструкций (пунктуальное событие). Преобладает неактуальная временная соотнесенность: она представлена либо в многократных действиях, ср. «Каждая третья московская брачная пара берет и разводится», либо в генеричных (родовых) высказываниях, ср. «Берешь звонишь своему маклеру и велишь продать три тысячи акций» (отметим, что адресатом здесь является генеричное [неадресатное] *ты*₂). К этому примыкает третий тип, назовем его условно фиктивным, ср. «...допустим, беру и продаю тебя за копейку». Наряду с этими неактуальными употреблениями встречается исторический презенс, ср. «отпуск проходит, тогда я беру и еду к сестре в Херсон».

Удивляет крайне низкая частотность примеров в претерите. Они все относятся к неактуальному плану, ср. «уже несколько раз брала выступала перед сотрудниками на совещаниях». Маргинальная позиция объясняется, по-видимому, тем, что большинство характерных для презенса употреблений в претерите отпадает: это верно не только для исторического настоящего, но и для генеричных и скорее всего также для фиктивных высказываний. Исключено также общефактическое значение, что объясняется в работах Н. Стойновой (Стойнова 2007) и Д. Вайса (Weiss 2008: 481). Императивы типа *Бери и делай* относительно многочисленны, но они также не связаны с эффектом неожиданности, а имеют директивное либо гипотетически-следственное значение типа «А джинсы – хоть бери и выкидывай в мусорную яму». Наблюдается также тенденция к фразеологизации, ср. *бери и владей*, *бери и радуйся* или *бери да помни*.

Ареальная картина миративных конструкций данного типа выявляет как параллели, так и значительные различия между русским, польским, литовским и латышским языками, как показывается в сборниках А. Андрасона и А. Айхенвальд (Andrason, Aikhenvald [eds.] 2022) и Н. Нау и др. (Nau et al. 2019). Так, в отличие от русских соответствий, польская конструкция с V_1 *wziąć* тяготеет скорее к сериальной модели. С другой стороны, она также допускает несовершенный вид V_1 *brać*, но как и у русских конструкций в маргинальном объеме и с крохотной долей форм претерита. Для балтийских языков предпочтение совершенного вида V_1 не характерно.

4. Тенденции развития за последние пятьдесят лет

Описанные процессы продолжают и в последние десятилетия, но с неравномерной интенсивностью. Если в грамматическом плане не наблюдается резких изменений, то в семантике вырисовывается новый фокус: значение конца данного явления все более выходит на передний план, и добавляются новые средства для выражения начала.

4.1. Общая характеристика

Следующий обзор посвящен трем критериям: а) возможность двузначных цепочек или таких, которые допускают лишь буквальное прочтение глагола *взять*, б) способ соединения (союзное или бессоюзное, выбор союза) и в) видовая характеристика данной цепочки.

Данные НКРЯ показывают, что по-прежнему встречаются отдельные сочинительные конструкции с физическим, т.е. не десемантизированным значением глагола *взять*, ср.

- (4) Конечно, куда проще ружья *взять да и пострелять* несогласных, а, постреляв, свободу живым объявить. Только горьки плоды свободы, взятой оружием. Чьи-то слезы на них, а свобода со слезами – не свобода. [Б.Л. Васильев. *Были и небыли*. Книга 2 (1988)]

Синтаксис заставляет здесь отнести предыдущий объект *ружья* к глаголу *взять*, а последующий *несогласных* – к *пострелять*. Более частотны случаи с двузначной семантикой (так наз. «*bridging contexts*»). Тогда имеется прямой физический объект, который облегчает буквальную интерпретацию:

- (5) – Значит, так, – наставительно сказал он, – из шевра пальто шьют. Я ведь уже для себя самого прицелился, а теперь можем и вместе. – Да не верю я! – крикнул я, холодея. – Да разве это здесь возможно? – А вот возможно! – крикнул он с наслаждением. – *Возьмем и пошьем!* – Да кожу-то где взять? – крикнул я, догадываясь, что это не треп: [Б.Ш. Окуджава. *Искусство кройки и житья* (1985)]
- (6) Надел всем безумно. Однажды сел он, как обычно, в свой уголок, взял мандолину, провел по струнам... А вместо струн оказались нитки. В землянке все засмеялись, а он со злости *взял да шарахнул* мандолину о печку. [Ю.В. Никулин. *Семь долгих лет* (1979)]

С другой стороны, наличие двух предыдущих дополнений затрудняет буквальное прочтение:

- (7) Ты посмотри, что в комнате у тебя творится, свинья ты такая! А сестре платье зачем изрезал, свинья ты такая? Парашютики он захотел сделать! Ну и что, что платье старое, из него мать фартук шить хотела, а он *взял и изрезал!* [А.И. Слаповский. *Жизнь Лагарпова* (1999)]

Глагол *взял* мог бы управлять словом *платье*, но *изрезать* относится однозначно к *парашютикам*. Во многих примерах дополнительный маркер «сюрприза» может также сдвинуть значение в миративную сторону:

- (8) *Взяли да и проанализировали* позвоночный мозг тысячи финских заключенных. [Лекарство от преступности // *Криминальная хроника*, 24.6.2003]

Не во всех таких случаях, однако, этот критерий является решающим, как показал пример (4).

Состав соединяющих средств в принципе не изменился. Доминирует союз *и*, но варианты *да* и *да и* пока еще держатся. Так, в материале, обсуждаемом в разделе 4.2, встретились 13 употреблений союза *да и* и 10 – союза *да*. Серийная конструкция типа *взяла сделала* по-прежнему занимает маргинальную позицию: в рассмотренном периоде нашлось лишь одно миративное употребление:

- (9) Удостовериться-а-а... Из-за плетня на них насмешливо смотрел Петро. – Спишите слова, – сказал он. – Ну, Петро, – обиделась Люба. – *Взял спугнул* песню. [В.М. Шукшин. *Калина красная* (1973)]

Из предыдущего периода можно процитировать пример «*Взять выйти* замуж и уехать» (1963).

Аспектуальная несогласованность миративных конструкций типа *взять делать* может иметь двоякую структуру: второй глагол всегда представлен в несовершенном виде, но при этом он может совпадать или не совпадать с глаголом *взять* по времени. Первый случай иллюстрируют примеры (10)-(11):

- (10) А между тем в один прекрасный день режиссер Куропаткин *возьмет и монтирует* ролик водки «Полковник Исаев», или нового сливочного масла «по старинным русским рецептам». [Е. Ухова. Песня о родине (2000) // *Рекламный мир*, 15.2.2000]
- (11) А в армию чего не берут его? – У него болезнь ушная. – А можно *взять да ходить* за ним, – сказал Игорь. – Куда он, туда и мы... – Он же не девчонка, чтобы за ним бегать! Паша Медведев вдруг рассердился: [С.Л. Соловейчик. *Вагана «Семь ветров»* (1979)]

В работе Н. Стойновой (Стойнова 2007) предполагается, что в таких случаях формы нсв фокусируют акцент на начальной фазе деятельности, тем самым став синонимами конструкции *начал делать*. Так она объясняет допустимость «Нужно срочно *взять и работать*» = «нужно срочно *взять и начать работать*» при сомнительности ^{???}«он *взял и работал*». Автор приписывает эту характеристику формам будущего времени, императива, инфинитива и сослагательного наклонения. Таким образом, примеры типа «*Возьму и (не) буду X-овать*» входят также в этот класс.

Первый несогласованный пример восходит к 1864 году: «так бы *взять да и писать* с него Моисея». Такие неидентичные по видовому критерию сочетания до сих пор редки: за последние пятьдесят лет в НКРЯ кроме (10) и (11) отмечены лишь «*возьмем и имплантируем* готовые решения» (2014) и «*решили взять и продемонстрировать* одну и ту же картину» (1966). Отметим, что в языке имеются

соответствия совершенного вида *смонтировать*, *продемонстрировать* и т.п. То же самое верно для раньше отмеченных примеров, например, «чтобы *взять и реставрировать* колокольни из чисто эстетических соображений» (1959), ср. *отреставрировать*. С другой стороны, *имплантировать* – глагол двувидовой, так же как и *декларировать*: «Если решим, то *возьмем и декларируем*, ибо дело только в декларации существующего факта» (1921). Создается подозрение, что и остальные заимствования на *-ировать* в данном отношении ведут себя как двувидовые.

Встречаются также примеры с другим союзом, ср. «может, *взять да приплачивать?*» (1976), «*возьмет да едет* на Дон» (1927). Кроме того, в НКРЯ обнаружилось еще 5 императивов, которые по определению не входят в миративные конструкции: «*возьми и изучай* наконец себя» (1998), «*возьми и приходи*» (1953), «*возьми и воображай*» (1931), «Приди, *возьми и бери* дары Мои» (1952), «просто вот хоть *возьми да иди* за будочником» (1871).

О конструкциях с сочетанием будущего времени св и нсв типа *возьму и (не) буду X-овать* уже шла речь в разделе 3.1. Из рассматриваемого периода можно добавить:

- (12) Вот *возьму и буду* встречаться со Славой Гуриным! [Э.В. Лимонов. *Молодой негодяй* (1985)]

Эти конструкции продолжают подобную модель с согласованными видовыми формами типа *возьму и (не) умру*, а в семантическом плане вносят лишь выше указанную сочетаемость со стативами при отрицании. Они необязательно выполняют прагматическую функцию провокации, как видно из текста песни «Просто *возьму и буду* слушать»¹. Поэтому они скорее не годятся в кандидаты на синтаксическую идиому, по определению И. Мельчука (Mel'čuk 2021: 65 сл.).

Несогласованность времени по образцу претерит + презенс была уже отмечена в XIX-ом веке: в работе Д. Вайса (Weiss 1922a: 44) приводятся примеры *взял и пишу* (1877) и *взял и молчу* (1865). Второй глагол тогда функционирует как исторический презенс. Из последнего периода в НКРЯ отмечен всего один, но зато интереснейший пример:

- (13) Может, *взяли и варят* где-нибудь втихаря? – выругалась Анка. [М.Г. Гиголашвили. *Чертovo колесо* (2007)]

Видимо, презенс *варят* здесь имеет актуально-длительное значение. Таким образом, нашелся возможный «эрзац» для отсутствующей конструкции с первым глаголом *братъ* в актуально-длительном значении (см. выше, раздел 3.2). Эта гипотеза нуждается в проверке на основе достаточного количества подобных

1 <https://libzek.club/76144-что-просто-так-возму-и-буду-слушат.html> (дата обращения: 27.12.2021).

данных. В газетном и устном подкорпусах НКРЯ она пока не находит поддержки, а в соответствующей литературе сочетания претерита и презенса в миративных конструкциях вообще не обсуждаются.

4.2. Семантические инновации последних пятидесяти лет

В дальнейшем ограничим рассматриваемый период последними пятьюдесятью годами. Объектом сравнения нам будет служить вторая половина XIX-ого века, когда произошли решающие семантические изменения, продвигающие процесс грамматикализации вперед. В разделе 3.1 уже указывалось на появление стативных глаголов при отрицании типа *Возьму и не буду знать* и *Возьму и не буду никого любить*; они маркируют самое далекое семантическое расстояние от исходной точки грамматикализации. Возникает вопрос, приведет ли это развитие к следующему этапу процесса, когда стативы также сочетаются с утвердительными миративами и станут возможными, например, сочетания вроде «*Петя взял и знал ответ». Пока, однако, никакие данные не говорят в пользу такой гипотезы. Более надежную перспективу открывают предикаты, описывающие вообще не контролируемые события.

Многие засвидетельствованные в последние десятилетия миративные конструкции напоминают картину, представленную уже во второй половине XIX-ого века. Так, грамматические субъекты обозначают одушевленные референты, а в качестве вторых глаголов для обозначения неконтролируемых событий чаще всего встречаются глаголы ментальной сферы *поверить* (8 раз), *уверовать*, *подумать* (4 раза), *передумать* (2 раза), *додуматься*, *убедиться*, *усомниться*, *догадаться*, *понять*, *забыть* (2 раза), *вспомнить*, *вспомниться*, *отупеть*. К физической сфере относятся *окаменеть*, *заболеть*, *впасть в анабиоз*, *заснуть*, *оглохнуть*, *прожить*, *пережить*, а эмоциональные реакции представлены глаголами *обидеть* (три раза) и *оскорбиться*. Изменения посессивного статуса описываются глаголами *потерять*, *получить* (3 раза), *найти* (2 раза), а изменение личного состояния глаголами *стать* (2 раза), ср. «Да разве такое возможно: *взять и стать* дочерью других?» и «Все стремились быть Иванами, а он *взял и стал* Абрамом — *накося выкуси!*», и *вырасти*: «А девица *возьми и вырасти* без его благословения», «Вот *возьму и вырасту* летающим хулиганом!».

Число неканонических субъектов у указанных глаголов выглядит довольно скромно. Так, появляются часть тела («к невзрачному слезящемуся глазу, который *взял да и прозрел*») и предметы («А дверца у печки *возьми и откройся*», «Портативный очень стол посередине *взял и стал* – на персон не то чтоб сто, так на четверть ста»), которые также могут издать звуки:

- (14) Я переваливался животом через подоконник и неосторожно повис на раме. А она *возьми и хрустни!* Дверь распахнулась, и на меня ринулся Бум, взбешенный, как сто тысяч маньяков... [Д.А. Емец. *Таня Гроттер и колодец Посейдона* (2004)]

Абстрактные существа попадают спорадично, ср. «купил сколько-то акций. А они *взяли и подскочили* в цене. Константин продал их» и «Акаев мечтательно заявил, что Киргизия могла бы стать “Швейцарией Центральной Азии”. Но *взять и стать* Швейцарией никак не получается».

Самым абстрактным глаголом является метапредикат *случиться*, т.е. название события вообще, ср. «У Астры же в тот период *возьми и случись* шанс» и «что-нибудь, может, хорошее *возьмет да случится*».

Семантическая категоризации предикатов, как известно, не всегда достаточно четка: некоторые случаи можно подвести то под одну, то под другую рубрику (подробнее об этом см. в работе Т. Булыгиной [Булыгина 1982]). То же самое верно и для критерия, о котором в этом разделе идет речь: иногда можно спорить, является ли данное событие контролируемым или нет, причем даже окружающий контекст не позволяет надеяться на однозначный ответ. По-видимому, так обстоит дело с вышеприведенными примерами «стать Абрамом» и «стать дочерью других». Возможно, следовало бы считаться и с градуируемостью этого критерия. К примеру, лишь частичная контролируемость характеризует такой глагол, как *проиграть*:

- (15) Короче, он из тех мерзавцев, которые поднесут своей избраннице гору роз и алмазный венец, а потом *возьмут и проиграют* ее в карты вместе с венцом и алмазами. [С. Бурлаченко. Сорвиголова // *Дальний Восток*, 2019]

Вышеуказанные миративы составляют 49 употреблений. Но этим круг возможных случаев не заканчивается. Значительно бóльшая доля приходится на группу конструкций, связанных со значением конца существования, функционирования или нахождения субъекта. Кроме того, появляется и соответственное антонимичное значение начала.

4.2.1. Семантика конца и начала

Статистика указывает на значительный вес конструкции, которая уже во второй половине XIX-ого века доминировала в рождающейся тогда группе примеров с неконтролируемыми предикатами: 39 вхождений относятся к семантике смерти субъекта, отмеченной в конструкциях *взять и умереть*, и ее синонимов вроде *помереть*, *отдать концы*, *подохнуть*. В материале XIX-ого века доля таких примеров составляла 28 из 51 примеров всего массива неконтролируемых событий (Weiss 2022b: 43).

Разброс в формальном отношении значителен: попадают как претерит (12 примеров), так и инфинитив (8) и конъюнктив (2). Отдельно следует отметить 5 вхождений будущего, из которых 4 представлены в 1л.ед.ч. *возьму и/да умру*, а одно в 3л., но благодаря передаче несобственно-прямой речи референт совпадает с мыслящим субъектом:

- (16) Аня в ту минуту твердо знала: скажут ей сейчас «умри» – она *возьмет и умрет*, лишь бы этот человек вот так светил, как светит. [Л.Р. Кабо. *Ровесники Октября* (1964|1997)]

Императив представлен в 10 примерах, 9 из которых оформляют формы *imperativus dramaticus* (нарративного императива); один же весьма любопытен, поскольку он оформлен как риторический вопрос:

- (17) Когда из замученного войной и послевоенной детства, из поношенной юности я наконец пришла к приличному существованию (спасибо, конечно, рохле-маме), так *возьми и умри?* [Г.Н. Щербакова. *Дивны дела Твои, Господи...* (2001)]

Видимо, мы здесь имеем дело с квази-цитатным значением императива типа «а мне сиди и работай?». Самый подробный разбор таких употреблений проводится в работе Fortuyn 2000: 114–134, где это значение называется нецесситативным².

Контекстуальное включение «летальной» конструкции отмечается определенной стандартностью: 14 раза она вводится союзом *а*, 2 раза – наречием *просто* и 2 раза частицей *вот*. Из этого пока нельзя сделать вывод, что уже вырисовывается синтаксическая фразама *а / просто X взял(а) и сделал(а) У*, тем более что данные вводящие элементы вообще частотны в миративных конструкциях с глаголом *взять*. Прагматическая мотивация употребления таких маркеров, как *просто*, *известно как* и *одно слово* обсуждается в работах Weiss 2008: 499 и 2022a: 50.

Константой являются и прагматические эффекты, вызванные этим приемом. Так, уже в XIX-ом веке наблюдалось шутовское переосмысление в контролируемое событие (намеренное действие) вроде «Я их надую, возьму да и умру», иногда с добавлением смысла «наперекор», «на зло», ср. «а я вот *на зло* всем *возьму и погибну, возьму вот и погибну...*» (Weiss 2022b: 49). Подобным образом построены и следующие примеры последних пятидесяти лет:

- (18) Даже был случай, еще до войны, когда Иван Иванович повздорил со всеми с ними и в сердцах сказал: «Вот *возьму и помру*, никого из вас, дураков, перед смертью не назову!» [С.П. Залыгин. *Комиссия* (1976)]
- (19) Да и намерение *взять и умереть* было мимолетным, нестойким – рядом Лиза, и тибетский монастырь ждет в горах. [Д. Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // *Октябрь*, 2001]

2 Из сказанного никак не следует, что нарративный императив и прямой вопрос совсем взаимоисключаются. В работе Fortuyn 2000: 139 цитируются 2 таких употребления в 2л. ед.ч.: «А вы и поверь ему?» и «А ты пойд и скажи об этом бабушке?».

Появляется и детская перспектива:

- (20) Ну почему мне так плохо живется на свете?! лучше я *возьму и умру*. Тогда Вера Евстигнеевна пожалует, что поставила мне двойку. [И.М. Пивоварова. *О чем думает моя голова* (1986)]

Сравнение с отместкой также представлено («словно назло вам»):

- (21) Почти уверуешь в это, примиришься, даже отвлечешься чем-то, а тут он как раз – *будто нарочно – возьми да и помри, словно назло вам* и как бы еще раз показывая, что сие не в вашей воле, а свершается, как и положено, с пугающей внезапностью. [М.А. Палей. *Поминовение* (1987)]

В других контекстах чувствуется просто шутливая установка, ср.

- (22) Мол, да, глаукома, туды ее в качель, счастливое будущее страны и то вижу расплывчато и нечетко... работать последнее время по вышеназванной причине не могу, сижу на заслуженном отдыхе, так что уже отсидел всю жопу; а тут этот подлец Шарик *взял и отдал* концы, собачий сын... [И. Безладнова. Дина // *Звезда*, 2003]

Миративный концепт смерти настолько устойчив, что может даже повториться три раза подряд в одном и том же абзаце:

- (23) «Кто это умер? Ах да, этот парень из Поддубенок, он все не мог простить своей Машке. Умер? Да, умер. Вот *взял и умер*. Совсем просто, *взял и умер*. Вот уже темно, и под ногами давно чавкает болото, он *взял и умер* на болоте, и его нужно опустить в воду». – Идти дальше, через пол часа должно быть сухое место. Передали по цепочке команду двигаться дальше, понятно, умирать на болоте нельзя, мертвый должен быть похоронен, а могилу можно вырыть только на сухом месте. [П.Л. Проскурин. *Исход*. Части I-II (1967)]

Как видно, эффект неожиданности здесь снимается полностью под давлением предыдущего контекста: подчеркивается лишь неоспоримый факт смерти человека, для похорон которого теперь приходится найти подходящее место.

К мнимым случаям намеренной смерти примыкает один случай самоубийства, где миративная конструкция помещена в клаузу, описывающую способ покончить с собой:

- (24) Ни с того ни с сего покончил с собой Юрцев, прямо на нефтяном банкете *взял и выпил* какую-то отраву. [А. Маринина. *Не мешайте палачу* (1996)]

Семантика смерти появляется также в миративной конструкции несовершенного вида с глаголом *брать*, представляющей собой последний этап грамматикализации миративных конструкций (см. раздел 3.2):

- (25) Толстой, – сказал Костыль, – давай еще что-нибудь про мертвецов. – Знаете, как мертвецами становятся? – спросил Толстой. – Знаем, – ответил Костыль, – *берут и умирают*. – И что дальше? – Ничего, – сказал Костыль, – как сон. Только уже не просыпаешься. [В.О. Пелевин. *Синий фонарь* (1991)]

Наряду со стилистически украшенными синонимами встречаются и гипоним *разбиться* (в одном из его значений):

- (26) Нора бросала эти письма со словами, что «эта кретинка могла бы выучить хотя бы еще одно слово». А кретинка *возьми и разбейся*... Но это потом, потом... [Г.Н. Щербакова. *Актриса и милиционер* (1999)]

Семантика смерти может интерпретироваться метафорически. Тогда она охватывает и такие « существа », как растения или ткань:

- (27) У *засохшей березы*, довольно высокой, с голой, без листьев, вершиной и с начинавшими обламываться сучьями, он долго, до легкого головокружения, стоял, запрокинув голову, и глядел вверх, Олегу стало жалко *умершего дерева*, рядом с ним высились живые, струящиеся молодой зеленью березы, а вот эта, с простершимся вбок длинным суком, тоже без листвы, с белой, но теперь уже тусклой корой, почему-то *взяла и засохла*. [П.Л. Проскурин. *Полуденные сны* (1983)]
- (28) При этом она аккуратно развешивала на балконе жакеты и проветривала старинное клеенчатое пальто прабабушки, мамину куртку разворачивала так бережно, словно имела дело с новорожденным котенком: чего доброго, старая болонья *возьмет и рассыплется* в пыль. [Улья Нова. *Инка* (2004)]

См. подобный пример «Дуб взял и засох» (2007).

Расширяя рамки анализа, можно сюда включить и неодушевленные референты (артефакты, предметы и вещества), которые испортились или вышли из строя. Таким образом, поле смерти («перестать существовать») переходит в семантику «перестать функционировать».

- (29) Ночью я наступил на магнитофон, он *взял и сломался*... [Г.М. Пращкевич, А. Богдан. *Человек «Ч»* (2001)]
- (30) Он как бы начал смотреть кино, а телевизор *возьми и сломайся*. [Г.Н. Щербакова. *Армия любовников* (1997)]

- (31) Хрипит, чадит перетруженный моторишко. форсунки в нем или гайки какие дребезжат. *Возьмет и развалится!* Что тогда? [В.П. Астафьев. *Царь-рыба* (1974)]
- (32) Сегодня праздник! Токарь приподнялся, одернул гимнастерку и сказал: – Канализационная труба этого не знала, *взяла и лопнула*. Он помолчал и добавил: – Я ей от души сочувствую, потому что и мое терпение лопается. Ясно? [С.Д. Довлатов. *Холодильник* (1990)]
- (33) Что случилось? Женька протянул руку, показал на кусок щеки с фиолетовыми буквами и осторожно сказал: – Я побоялся, что его в темноте не будет видно, мам, а потом он разбился. *Взял и разбился...* (о кукле) [В.В. Липатов. *И это все о нем* (1984)]

В XIX-ом веке попался лишь один такой пример: «но матица [...] возьми да провались» (Weiss 2022b: 45). В последние пятьдесят лет число тоже невелико: собралось всего 5 примеров. Юмористическая персонификация в (32) обыгрывается еще метафорой: «и мое терпение лопається».

Любопытный случай представляет собой полисемия глагола *сгинуть*, который допускает и значение «умереть», и «исчезнуть» (ср. [35]) ниже):

- (34) Белый, белый, белый снег, *Взял и сгинул* человек, Искрометное письмо, Что мы скажем? – Nevermore. [А. Пермяков. «Если спросите – откуда...» // *Волга*, 2014]

В связи с этим сто́ит отметить, что в последнее время наблюдается интересное развитие: наряду с семантикой смерти растет и число вхождений с близким по семантике смыслом *исчезнуть*, иначе *перестать находиться*. Так, кроме 44 примеров типа *взять и умереть*, НКРЯ за последние 50 лет содержит и 16 примеров на *взять и исчезнуть*, и 8 на глаголы-синонимы *прекратиться* и *перестать*, и гипонимы *улетучиться* (2х), *испариться*, *спрятаться*, *скрыться*, *оборваться*. Их число значительно увеличилось за последние 20 лет: на *умереть* и др. приходится 15 примеров, на *исчезнуть* и др. – 18. Небезынтересно, что НКРЯ кроме вышеуказанных случаев содержит всего лишь один пример из 1953 года. Иными словами, перед нами инновация именно последнего полувека.

От рассмотренных случаев со «смертной» семантикой новая группа отличается более широкой сочетаемостью: ведь *исчезают* не только люди и животные, но и предметы или абстрактные существа. Кроме того, в случае одушевленных субъектов контролируемость события остается открытой, поскольку иногда они исчезают и намеренно. И наконец, *исчезнуть* можно не только навсегда, но и временно, ср. примеры (35)-(36).

- (35) А ты по-прежнему хороша, как майская роза, курица моя!» Да, да, решено – *взять и исчезнуть* на время, сгинуть, пропасть, не быть... и пропади все пропадом... и пусть будет то, что будет! [И.Н. Безладнова. Дина // *Звезда*, 2003]

- (36) Винченцо вдруг испугался, что они вот так просто *возьмут и исчезнут* навсегда. [Н.С. Дашевская. *Скрипка неизвестного мастера* (2015)]
- (37) Ну, вот, как если бы стояла посреди опушки лестница, старичок взобрался бы по ней, а она сразу же после того *возьми и исчезни*. [С. Шикера. Стень (1998) // *Волга*, 2009]
- (38) Я прочитала эту белиберду раз пятнадцать подряд, в бессмысленной надежде, что она вдруг *возьмет и исчезнет*, но, увы, она никуда не девалась. [В.М. Белоусова. *По субботам не стреляю* (2000)]

Таким образом, конструкция *взять и исчезнуть* занимает на шкале грамматикализации три разных этапа в зависимости от категории субъекта: ±действующее лицо и предмет/абстрактное существо. Квазисинонимы имеют более узкую сочетаемость, поскольку люди здесь в неметафорических употреблениях исключаются:

- (39) Объясняет, что семья, которая продолжалась всю жизнь, не может вдруг *взять и прекратиться*. [М.П. Шишкин. *Письмовник* (2009) // *Знамя*, 2010]
- (40) Наша рубрика «Здесь такое было», как вы уже знаете, – про те места в Москве, где всякое такое было, а потом *взяло и перестало*. [В.В. Панюшкин. Яма, которую мы потеряли (1997) // *Столица*, 4.3.1997]
- (41) И все мое хорошее настроение, вся эта липовая гармония с окружающей действительностью, все те глупые и наивные слова, с помощью которых я себя уговаривал, вдруг *взяли и улетучились*. [А.М. Моторов. *Преступление доктора Паровозова* (2013)]
- (42) Была-была вера, а потом *взяла и испарилась?* [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)]
- (43) И вдруг дорога, до сих пор худо-бедно различимая, *взяла и оборвалась*, словно проложивший ее некогда вездеход в этой точке провалился сквозь землю либо стартовал вертикально в небеса, – дальше лежал девственный, нетронутый настил. [М.В. Бутов. Свобода // *Новый Мир*, 1999]

Для примера (43) допустима альтернативная категоризация «перестать существовать». Подлежащими, которые согласуются с этими предикатами, часто бывают и названия абстрактных понятий, такие как *слова, вера, достоинства, белиберда, всякое такое*, или собирательные имена (*семья, весь город*). Такие неканонические подлежащие представляют более продвинутый этап грамматикализации миративных конструкций.

В качестве общего знаменателя всех рассмотренных примеров типа *перестать существовать*, *перестать функционировать* и *перестать находиться* напрашивается теперь семантика **конца субъектного референта**: в случае значения «исчезнуть» семантика конца ослаблена, поскольку она относится лишь к апперцепционному полю наблюдателя. Ввиду этого стоит включить в разбор круг контролируемых событий (т.е. действий), описываемых каузативами от *умереть*, т.е. *убить* и его синонимы вроде *прихлопнуть*, *уничтожить*, и гипонимы, такие как *застрелить*, *расстрелять*, *зарезать*, *задушить*. Во всех них проявляется значение «конец существования объекта». Таких примеров обнаружилось в НКРЯ в XIX-ом веке всего два. За последние 50 лет их число возросло до 20. На шкале грамматикализации они занимают менее продвинутый отрезок:

- (44) Сам это уловил, продолжил уже без нажима, но серьезнее и страшнее: – А вот *возьму и убью* тебя. [А.И. Слаповский. *Идея // Октябрь*, 2013]
- (45) Мол, тут-то никакой заснеженной дуэли и ренессансности. Просто *взял и зарезал*. И оставил валяться труп. [В.С. Маканин. *Андеграунд, или герой нашего времени* (1996–1997)]

Отметим и сочетание с дистрибутивным способом действия в «И всех их в итоге победили, но только потому, что просто *взяли и поубивали!*».

В отдельных случаях теоретически не исключено буквальное прочтение дополнения в физическом значении *взять*. При такой интерпретации о грамматикализации вообще не может быть речи:

- (46) И навсегда усвоят, что жил-был такой вот добрый и хороший Колчак, который так желал добра России, а его *взяли и убили* злые большевики, перед этим разлучив с горячо любимой женщиной. [Форум: Адмираль (2011)]

Подведем итоги. Оказалось, что семантика конца становится мощным аттрактором миративных конструкций: она в НКРЯ изучаемого периода охватывает 91 вхождение, на которых можно проиллюстрировать 4 разных этапа процесса грамматикализации.

Возникает вопрос, является ли антонимичное поле **начала** таким же мощным стимулом для грамматикализации миративных *взять*-конструкций. Какие глаголы сюда относятся? Их совсем немного: в основном это антонимы глаголов *умереть* и *исчезнуть*, т.е. *родиться* (3) и *появиться* (4), а кроме того *возникнуть* (1) и «гибрид» *воскреснуть*, совмещающий в себе семантику начала и конца (1). На фоне 91 примера семантики конца это, безусловно, скромное число. Небезынтересно отметить, что все глаголы типа «начать существовать» в НКРЯ отмечены впервые, т.е. мы сталкиваемся здесь с инновацией еще более

свежей даты, чем в случае *взять и исчезнуть*. Можно еще добавить пример с отрицанием:

- (47) Не улетели, умерли, конечно. Куда они исчезли? Где их могилы? Они просто *взяли и не родились* в обычное время и в обычном месте. Как не родится однажды и население, род человеческий, вслед за птицами. Они тоже однажды исчезнут, не оставив трупов, то есть попросту не родятся. [В.Н. Скворцов. *Каникулы вне закона* (2001)]
- (48) «... у Владимира сын родился», – вот и записали на 9-е число. А потом, когда мне нужно было получать паспорт, в войну, пришла повестка из загса, и там почему-то значилось 13-е число. Так я до сих пор каждый раз и думаю, в каких документах мне что писать, и родился ли я вообще. А все же – просто *взял и родился* – по воле моих родителей. И прямо сразу – в Церкви. Назвали меня в честь равноапостольного Константина, но потом выяснилось, что 8-го января празднуется еще и память Константина Синадского, малоизвестного святого. Кем быть в Церкви – передо мной и вопроса не стояло: отец мой был священник, дед и прадед – тоже. [Митрополит Питирим (Нечаев). *Русь уходящая* (1993–2003)]
- (49) Раньше не было, а тут вдруг *взяли и появились*, – жалуется одна из женщин, переводя дыхание после того, как последний из 12 пакетов занял свое место. [В.В. Калныш. *Министр в отсидке // Огонек*, 2013]
- (50) А она, эта неуловимая, невозможная идея, *возьми и появись!* Ни с того ни с сего, на пустом месте. Эта идея – «партийное правительство». Не прошло и недели, как съезд «Единой России» вбросил ее в массы, а все серьезные политические партии, от КПРФ до СПС, уже обласкали ее как родную. [А. Костюков. Президенту предъявили консенсус (2003) // *Независимая газета*, 28.4.2003]

Пример (48) замечателен тем, что событие мыслится будто как намеренное, контролируемое.

Таким образом, оказалось, что миративы с семантикой начала не только куда менее частотны, чем миративы с семантикой конца, но и все они возникли позднее. Остается еще проверить сочетания с глаголом-каузативом *родить*. Они в НКРЯ представлены 7 раз. Первый пример с союзом *и* восходит к 1978 году³:

3 С союзом *да и* этот глагол уже выступает на 100 лет раньше, ср. «а супруга ихняя, как на грех, *возьми да и роди*, через десять месяцев после того, сына – черного-пречерного!», а из 1880 года: «а она *взяла да и родила* Домнушку».

- (51) Дразнила меня неоднократно: «Вот *возьму и рожу* тебе дочку...» Или заявит вдруг: «А может, я уже на шестом месяце...» И такие были шуточки. [А.Н. Арбузов. *Жесткие игры* (1978)]

Это такая же шуточная угроза, как и примеры типа «а я возьму и умру». И следующий пример воспринимается в шуточном плане – зачатие опять описано как волевой акт («специально сестренку завели»):

- (52) У тебя хоть понятно почему, – жаловался другу Вася, – а у меня ни животных, ни сестренки. Совершенно непонятно. – Это они специально сестренку завели, – выдавал собственную версию Сашка. – Я папу уже уговорил на собаку, оставалось только маму уговорить. А она *взяла и родила* эту... [М. Трауб. *Домашние животные* (2009)]

В другой выдержке попадает фраза «В конце концов *взяла и родила* от инопланетянина». Впервые в настоящей работе встречается и «чистый» адресатный императив: «*Возьми и роди* второго, если одной мало» [О. Гришаева. *Невеста // Волга*, 2012]. Еще раз роды трактуются как контролируемое событие.

Таблица 2 представляет итоги раздела 4.2.1 в большом ракурсе, абстрагируясь от интерпретации спорных случаев:

Таблица 2. Миративные конструкции со значением конца и начала по данным НКРЯ (1964–2016).

Семантика конца	п	Первый пример	Семантика начала	п	Первый пример
перестать существовать	44	(1846)	начать существовать	5	1969
каузативы	20	(1889)	каузатив	8	(1878)
перестать находиться	22	1968	начать находиться	5	1968
перестать функционировать	5	(1846)			
Итого	91			18	

Таким образом, выходит, что конструкции со значением конца и начала составляют 107 вхождений, в том числе без каузативов – 80. Тем самым они представляют большинство всех конструкций, описывающих неконтролируемые события: из всего массива 129 вхождений они составляют 62%.

Подведем итоги. Оказывается, что для семантического развития миративных конструкций с глаголом *взять* в течение последних 50 лет семантика конца играет решающую роль. В отдельности можно констатировать, что:

1. Процесс усиливается и поглощает новые пласты лексики: наряду с глаголами со значением «*перестать* существовать» (типичный представитель: *умереть*), которые характерны уже для языка XIX-ого века, появляется группа «*перестать* находиться» (типичный представитель: *исчезнуть*). Тем самым становятся возможны субъекты, обозначающие неодушевленные референты.
2. В более скромном объеме возрастает группа сочетаний с каузативами от *умереть* вроде *убить*, *зарезать* или *задушить*, которые обозначают намеренный и насильственный конец жизни человека или животного.
3. Еще позднее возникает группа конструкций с глаголами-антонимами «начать существовать» и «начать находиться» типа *взять и родиться* и *взять и появиться*.
4. Параллельно развивается малочисленная группа каузативов с антонимом *взять и родить*.
5. Незначительно возрастает и группа миративных конструкций со значением *перестать функционировать*, допускающих только неодушевленные референты.
6. В качестве возможных стимулов для возникновения этих инноваций можно рассматривать по крайней мере два фактора:
 - а) отдельные глаголы полисемичны, допуская как интерпретацию намеренных действий, так и неконтролируемых событий. Это частично связано с их широкой сочетаемостью, как в случае *исчезнуть*. Другие – такие, как *разбиться*, нейтральные к признаку \pm одушевленность.
 - б) Шуточное переосмысление неконтролируемого события в намеренное действие дает мощный импульс для сочетаний типа *взять и умереть* или *взять и родить / родиться*. Таким образом усиливается и эффект неожиданности.

В связи со сказанным следует подчеркнуть, что сам признак контролируемости весьма шаткий: существует ряд событий, которые иногда мыслятся как частично контролируемые, такие как *родить*, *проиграть*, *стать* или *исчезнуть*.

Остается весьма умозрительный вопрос, насколько отдельные шаги грамматикализации – такие, как от сочетаний типа *перестать существовать* к *перестать находиться* – обусловлены какими-то общими типологическими закономерностями: какие параллели можно было бы привести в пользу такой гипотезы? Тот же самый вопрос в еще большей степени относится к переходу к антонимам типа *умереть – родиться*. В этой связи было бы интересно рассмотреть хронологию таких грамматических пар, как французское аналитическое будущее типа *aller faire qch.* и его соответствие в претерите типа *venir de faire qch.* Более точную параллель указывает статья В. Броя (Breu 2023: 53), где речь идет о влиянии итальянского языка на видовую сочетаемость фазовых глаголов в славянском микроязыке в Молизе: эта инновация сначала охватывает

глагол со значением «*совершить*», а глагол *начать* только редко участвует в этом процессе. Участниками годового заседания «Констанцкого кружка» (17 сентября 2024 года) были также предложены примеры из топониматики и прежде всего психолингвистические ассоциативные тесты, где ключевое слово *х* часто вызывает антонимическое слово –*х*.

Библиография

- БУЛЫГИНА Т.В., 1982: «К построению типологии предикатов в русском языке», in Селиверстова О.Н. (отв. ред.), *Семантические типы предикатов*. Москва: Наука, 7–85
- КОР ШАХИН И., 2007: «О возможном пути грамматикализации русского *взять*», in *Russian Linguistics*, 2007, vol. 31 (3), 231–248
- МЕЛЬЧУК И., 2023: «Две русские лексемы: возьми [*и У-ни*] и *взять*² [*и У-нуть*]». Неопубл.
- СТОЙНОВА Н., 2007: «Конструкция *взять и сделать* в русском языке», in Дудчук Ф., Ивлиева Н., Подобряев А. (ред.), *Структуры и интерпретации: работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике*. Москва: Издательство Московского университета, 144–171
- УШАКОВ Д., 1935: *Толковый словарь русского языка*, т. 1. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия»
- AIKHENVALD A., 2012: «The essence of mirativity», in *Linguistic Typology*, 2012, vol. 16, № 3, 435–485
- ANDRASON A., AIKHENVALD A. (eds.), 2022: *The Rise and Fall of Serial Verb Constructions*. Special issue of *Selected Papers in Linguistics PLUS*. Stellenbosch
- BREU W., 2023: «Aspektualität im Moliseslavischen und die Rolle des Sprachkontakts: ein vergleichender Überblick», in Breu W., Pila M. (ed.), *L'aspettualità nel contatto linguistico: lingue slave e oltre*. Firenze University Press, pp. 37–87
- FORTUIN E., 2000: *Polysemy or Monosemy: Interpretation of the Imperative and the Dative-Infinitive Construction in Russian*. Amsterdam: Institute for Logic, Language and Computation
- GIUSTIG., DI CARO V.N., ROSS D. (eds.), 2022: *Pseudo-Coordination and Multiple Agreement Constructions*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins
- MEL'ČUK I., 2021: «Morphemic and syntactic phrasemes», in *Yearbook of Phraseology*, 2021, vol. 12 (1). Berlin: De Gruyter Mouton, 33–73
- NAU N., KOZHANOV K., LINDSTRÖM L., LAUGALIENĖ A., RUDZYNSKI P., 2019: «Pseudocoordination with “take” in Baltic and its neighbours», in *Baltic Linguistics*, 2019, № 10, 237–306. doi:10.32798/bl.365
- ROSS D., 2016: «Between coordination and subordination: typological, structural and diachronic perspectives on pseudocoordination», in Pratas F., Pereira S., Pinto C.

- (eds.), *Coordination and Subordination: Form and Meaning – Selected Papers from CSI Lisbon 2014*. Cambridge Scholars Publishing, 209–243
- RUSSIAN CONSTRUCTICON. URL: <https://constructicon.github.io/russian/> (дата обращения: 5.12.2022)
- WEISS D., 2007: «The grammar of surprise: the Russian construction of the type *Koška vzjala da umerla* ‘Suddenly, the cat died’», in Reuther T., Wanner L., Gerdes K. (eds.), *Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning – Text – Theory, Klagenfurt* [Wiener Slawistischer Almanach, Linguistische Reihe, 69]. München – Wien, 427–436
- WEISS D., 2008: «*Voz'mu i ne budu!* Zum Inexspektativ im modernen Russischen», in Kosta P., Weiss D. (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 2006–7*. München, 474–504
- WEISS D., 2022a: «Mirative ‘take and do’ constructions in Russian. The impact of negation», in Iomdin L., Miličević J., Polguère A. (eds.), *Lifetime Linguistic Inspirations: To Igor Mel'čuk from Colleagues and Friends for His 90th Birthday* [Wiener Slawistischer Almanach, 101], 443–453
- WEISS D., 2022b: «Russian constructions with ‘take’ expressing an unexpected event: their historical origin and development in the 19th century», in Andrason, Aikhenvald (eds.), 2022, 37–54
- WEISS D., 2023: «Zur Grammatikalisierung der russischen Mirativ-Konstruktionen mit *vzjat'*: neue IPFV Verben mit *brat'*», in Bartels H., Menzel Th., Zeller J.P. (Hrsg.), *Einheit(en) in der Vielfalt von Slavistik und Osteuropakunde. Festschrift für Gerd Hentschel aus Anlass seines 70. Geburtstags*. Berlin et al.: Peter Lang, 497–512

Slavica Helvetica

Herausgegeben von Anastassia Forquenot de la Fortelle, Thomas Grob, Jens Herlth, Jean-Philippe Jaccard, Sylvia Sasse, Ulrich Schmid, Barbara Sonnenhauser, Ekaterina Velmezova.

- Band 1 LUCZAK-WILD Jeannine: Die Zeitschrift Chimera und die Literatur des polnischen Modernismus. 198 S. Text und 10 S. Abb. 1969.
- Band 2 SPENGLER Ute: D.S. Merežkovskij als Literaturkritiker. Versuch einer religiösen Begründung der Kunst. 180 S. 1972.
- Band 3 RAKUŠA Ilma: Studien zum Motiv der Einsamkeit in der russischen Literatur. 200 S. 1973.
- Band 4 STOFFEL Hans Peter: Studien zur Geschichte der russischen Skisport-terminologie. 226 S. 1975.
- Band 5 ALTHAUS-SCHOENBUCHER Silvia: Konstantin D. Bal'mont. Parallelen zu Afanasij A. Fet. Symbolismus und Impressionismus. 212 S. 1975.
- Band 6 BERNDT Michael: Die Predigt Dimitrij Tuptalos. Studien zur ukrainischen und russischen Barockpredigt. XXXII, 208 S. 1975.
- Band 7 Schweizerische Beiträge zum VII. Internationalen Slavistenkongress in Warschau. August 1973. 188 S. mit Sonderdruck-Beilage. 1973.
- Band 8 GOSLICKI-BAUR Elisabeth: Die Prosa von Bruno Schulz. 160 S. und 13 Abbildungen. 1975.
- Band 9 KELLER, Felix: Die russisch-kirchenslavische Fassung des Weihnachtskontakions und seiner Prosomoia. 244 S. 1977.
- Band 10 WEISS Daniel: Syntax und Semantik polnischer Partizipialkonstruktionen im Rahmen einer generativ-transformationellen Sprachbeschreibung. IV, 408 S. 1977.
- Band 11 KANYAR-BECKER Helena: Karel Konrád und sein Roman Rozchod! Das Kriegserlebnis bei Konrád im Kontext des tschechischen Soldatenromans aus dem Ersten Weltkrieg. 244 S. 1977.
- Band 12 Schweizerische Beiträge zum VIII. Internationalen Slavistenkongress in Zagreb und Ljubljana. September 1978. Contributions des savants suisses au VIII congrès international des slavistes à Zagreb et Ljubljana, septembre 1978. Herausgegeben von/édité par Peter Brang, Georges Nivat, Hildegard Schroeder (†) und Robert Zett. 294 S. 1978.
- Band 13 RIGGENBACH Heinrich: Michail Bulgakovs Roman «Master i Margarita». Stil und Gestalt. 197 S. 1979.
- Band 14 SCHEIDEGGER Gabriele: Studien zu den russischen Briefstellern des 18. Jahrhunderts und zur «Europäisierung» des russischen Briefstils. 244 S. 1980.

- Band 15 STIEGER Cyrill: Majakovskijs «Oblako v štanach». Versuch einer sprachorientierten Interpretation. 228 S. 1980.
- Band 16 Colloquium Slavicum Basiliense. Gedenkschrift für Hildegard Schroeder. Herausgegeben von Heinrich Riggensbach unter Mitwirkung von Felix Keller. XII, 792 S. 1981.
- Band 17 BRANG Peter/ZÜLLIG Monika: Kommentierte Bibliographie zur Slavischen Soziolinguistik. Unter Mitwirkung von Karin Brang. 3 Bände. XIX. 1639 S. 1981.
- Band 18 RITZ German: 150 Jahre russische Heine-Übersetzung. XIII, 478 S. 1981.
- Band 19 MARTI Roland: Studien zur Sprache der russischen Pcela. 209 S. 1981.
- Band 20 BIRÓ Alice: Russische Baufachsprache des 18. Jahrhunderts. XIII, 365 S. 1982.
- Band 21 MAURER Walter: Englische und anglo-deutsche Lehnübersetzungen im Russischen. 192 S. 1982.
- Band 22 Schweizerische Beiträge zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev, September 1983. Contributions des savants suisses au IXe congrès international des slavistes à Kiev, septembre 1983. 245 S. 1983.
- Band 23 MULLER DE MOROGUES Inès: L'œuvre journalistique et littéraire de N.S. Leskov. Bibliographie. 168 S. 1984.
- Band 24 AMBERG Lorenzo: Kirche, Liturgie und Frömmigkeit im Schaffen von N.V. Gogol'. 260 S. 1986.
- Band 25 ROTH Susanna: Laute Einsamkeit und bitteres Glück. Zur poetischen Welt von Bohumil Hrabals Prosa. 276 S. 1987.
- Band 26 Actes du colloque Marina Tsvetaeva, édités par Robin Kemball et Efim Etkind. 516 pages. 1991.
- Band 27 BIRÓ Alice: Die Pflichten des Architekturstamts. Ein russisches Baureglement des 18. Jahrhunderts. 336 S. 1987.
- Band 28 Schweizerische Beiträge zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia, September 1988. Contributions des savants suisses au Xe congrès international des slavistes à Sofia, septembre 1988. Herausgegeben von Peter Brang. 393 S. 1988.
- Band 29 SCHIBLI Roland: Die ältesten russischen Zeitungsübersetzungen (Vesti-Kuranty), 1600–1650. Quellenkunde, Lehnwortschatz und Toponomastik. 376 S. 1988.
- Band 30 GEISSER-SCHNITTMANN Svetlana: Venedikt Erofeev – «Moskva-Petuški». 310 S. 1989.
- Band 31 AUER Suzanne L.: Vom sozialistischen Realismus zu Kritizismus und Satire. Ladislav Mnackos Romanwerk. 413 S. 1989.
- Band 32 MÜLLER-BÜRKI Eva-Maria: Das Lächeln der schönen Helena. Nonverbales Verhalten in Tolstoj's Roman «Krieg und Frieden». 235 S. 1989.

- Band 33 Primi sobran'e pestrych glav. Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von Carsten Goehrke, Robin Kemball und Daniel Weiss. 748 S. 1989
- Band 34 van SAMBEEK-WEIDELI Beatrice E.: Wege eines Meisterwerks. Die russische Rezeption von Puškins «Evgenij Onegin». 520 S. 1990.
- Band 35 van SAMBEEK-WEIDELI Beatrice E.: «Evgenij Onegin» A.S. Puškina. Bibliografija. 396 S. 1990.
- Band 36 RITZ, German: Die Polnische Prosa 1956–1976. Modellierung einer Entwicklung. 511 S. 1990.
- Band 37 HEIER Edmund: Studies on Johann Caspar Lavater (1741–1801) in Russia. 184 S. 1991.
- Band 38 MULLER DE MOROGUES Inès: « Le problème féminin » et les portraits de femmes dans l'œuvre de Nikolaj Leskov. 668 S. 1991.
- Band 39 JACCARD Jean-Philippe: Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. 600 S. 1991.
- Band 40 MARTI Roland: Beschreibung der slavischen Handschriften in der Schweiz. 188 S. 1991.
- Band 41 Amour et érotisme dans la littérature russe du XXe siècle. Actes du Colloque du juin 1989. Edité par Leonid Heller. 184 S. 1992.
- Band 42 Schweizerische Beiträge zum XI. Internationalen Slavistenkongress in Bratislava, September 1993. Contributions suisses au XIe congrès international des slavistes à Bratislava, septembre 1993. Herausgegeben von/édité par Jan Peter Locher. 417 S. 1993.
- Band 43 SCHAFFNER BAUMGARTNER Sabine: Die Autobiographie einer sowjetischen Dichterin: Mythisierungen in Ol'ga Berggol'c' Dnevnye zvezdy. 397 S. 1993.
- Band 44 HODEL Robert: Betrachtungen zum skaz bei N.S. Leskov und Dragoslav Mihailovic'. 315 S. 1994.
- Band 45 GROB Thomas: Daniil Charms' unkindliche Kindlichkeit: Ein literarisches Paradigma der Spätavantgarde im Kontext der russischen Moderne. 421 S. 1994.
- Band 46 STOLZ-HLADKY Zuzana: Studien zur Poetik Vladimir S. Makanin's «Odin i odna», «Ostavšij», «Utrata»: Russische Prosa im Übergang zur Postmoderne. 206 S. 1994.
- Band 47 RITZ German: Jaroslaw Iwaszkiewicz. Ein Grenzgänger der Moderne. 290 S. 1996.
- Band 48 TASSIS Gervaise: L'œuvre romanesque de Mark Aldanov: Révolution, histoire, hasard. 502 S. 1995.
- Band 49 SCHMID Ulrich: Fedor Sologub. Werk und Kontext. 371 S. 1995.
- Band 50 PETERS Jochen-Ulrich und RITZ German: Enttabuisierung. Essays zur russischen und polnischen Gegenwartsliteratur. 218 S. 1996.

- Band 51 DOLNY Christoph: Literarische Funktionen der Personeneigennamen in den Novellen und Erzählungen von I.S. Turgenev. 658 S. 1996.
- Band 52 HIRZEL Stephan: Ökologie und Öffentlichkeit. Untersuchungen zur Rolle der sowjetrussischen Schriftsteller in der ökologischen Bewusstseinsbildung der fünfziger bis achtziger Jahre. 351 S. 1996
- Band 53 YUROVSKY Victor: Bessojuznye složnye predloženiya v direktivnych recevnych aktach. 195 S. 1996.
- Band 54 ERMEN Ilse: Fluch – Abwehr – Beschimpfung. Pragmatik der formelhaften verbalen Aggression im Serbokroatischen. 209 S. 1996.
- Band 55 ARLT Judith: Tadeusz Konwickis Prosawerk von Rojsty bis Bohin'. Zur Entwicklung von Motivbestand und Erzählstruktur. 622 S. 1997.
- Band 56 HUX-MOLOTOV Ivo: Schreiben im Exil. Boris K. Zajcev als Schriftsteller und Publizist. 387 S. 1997.
- Band 57 AEGERTER Roland: Die schweizerische Wissenschaft und der Osten Europas. Zur Geschichte der Slavistik und Osteuropakunde. 248 S. 1998.
- Band 58 Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov (Beiträge zum Platonov-Kolloquium in Bern, September 1996). Herausgegeben von Robert Hodel und Jan Peter Locher. 373 S. 1998.
- Band 59 DOUBROVKINE Roman: Stéphane Mallarmé in Russia. 565 S. 1998.
- Band 60 LOCHER Jan Peter: Schweizerische Beiträge zum XII. Internationalen Slavistenkongress in Krakau, August 1998 / Contributions suisses au XIIIe congrès mondial des slavistes à Cracovie, août 2003. 504 S. 1998.
- Band 61 MATHIS Sylvia: Textinterferenz in russisch-deutschen Übersetzungen. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung der deutschen Übersetzungen von Andrej Platonovs Erzählung Džan. 247 S. 2000.
- Band 62 BONTADINA Nadja: Alexander Herzen und die Schweiz. Das Verhältnis des russischen Publizisten und Aristokraten zur einzigen Republik im Europa seiner Zeit. 450 S. 1999.
- Band 63 SCHEIDEGGER Gabriele: Endzeit. Russland am Ende des 17. Jahrhunderts. 409 S. 1999.
- Band 64 KURT Sibylle: Erlebte Rede aus linguistischer Sicht: der Ausdruck von Temporalität im Französischen und Russischen. Ein Übersetzungsvergleich. 661 S. 1999.
- Band 65 STAIKOV Zvetelina: Schweizer Impressionen um die Jahrhundertwende. Die Schweiz in Leben und Werk russischer Symbolisten. 270 S. 2000.
- Band 66 PETERS Jochen-Ulrich: Tendenz und Verfremdung. Studien zum Funktionswandel des russischen satirischen Romans im 19. und 20. Jahrhundert. 329 S. 2000.
- Band 67 GALL Alfred: Hermetische Romantik. Die religiöse Lyrik und Versepike F. N. Glinkas aus systemtheoretischer Sicht. 394 S. 2001.

- Band 68 BINSWANGER Christa: Seraph, Carevic, Narr. Männliche Maskerade und weibliches Ideal bei Poliksena Solov'eva (Allegro). 442 Seiten. 2002.
- Band 69 GIGER Markus: Resultativa im modernen Tschechischen. Unter Berücksichtigung der Sprachgeschichte und der übrigen slavischen Sprachen. 523 S. 2003.
- Band 70 SÉRIOT Patrick (éd./Hrsg.): Contributions suisses au XIIIe congrès mondial des slavistes à Ljubljana, août 2003 / Schweizerische Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana, August 2003. 392 S. 2003.
- Band 71 HODEL Robert: Zentrum und Peripherie in den slavischen und baltischen Sprachen und Literaturen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Jan Peter Locher. 349 S. 2004.
- Band 72 AMACHER Korine: L'Œuvre de Friedrich Gorenstein. Violence du regard, regards sur la violence. 586 S. 2004.
- Band 73 SIMONATO Elena: Une linguistique énergétique en Russie au seuil du XXe siècle. Essai d'analyse épistémologique. X, 211 S. 2005.
- Band 74 GERBER Malgorzata: Zygmunt Krasiński und die Schweiz. Die helvetischen Eindrücke im Leben und Schaffen des Dichters. XIV, 447 S. 2007.
- Band 75 PETERS Jochen-Ulrich, SCHMID Ulrich: Das «Ende der Kunstperiode». Kulturelle Veränderungen des «literarischen Feldes» in Russland zwischen 1825 und 1842. 437 S. 2007.
- Band 76 KUMMER Renate: Nicht mit Gewehren, sondern mit Plakaten wurde der Feind geschlagen! Eine semiotisch-linguistische Analyse der Agitationsplakate der russischen Telegrafagentur ROSTA. 365 S. 2006.
- Band 77 VELMEZOVA Ekaterina: Les lois du sens: la sémantique marriste. 392 S. 2007.
- Band 78 SÉRIOT Patrick (éd./Hrsg.): Contributions suisses au XIVe congrès mondial des slavistes à Ohrid, septembre 2008 / Schweizerische Beiträge zum XIV. Internationalen Slavistenkongress in Ohrid, September 2008. 396 S. 2008.
- Band 79 ДОБРИЦЫН Андрей: Вечный жанр. Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. 561 S. 2008.
- Band 80 ВЕЛЬМЕЗОВА Екатерина & ДОБРИЦЫН Андрей (сост. и ред.) / DOBRITSYN Andrei & VELMEZOVA Ekaterina (éds) Порядок хаоса – хаос порядка / L'ordre du chaos – le chaos de l'ordre. Сборник статей в честь Леонида Геллера / Hommages à Leonid Heller. 573 S. 2010.
- Band 81 OGARKOVA Tetyana: Une autre avant-garde. La métaphysique, le retour à la tradition et la recherche religieuse dans l'œuvre de René Daumal et de Daniil Harms. 564 S. 2010.
- Band 82 ČERNÁ-WILLI Rahel: Polnisches Deutsch – Deutsches Polnisch. Edition und Analyse einer Sammlung von Paralleltexten des 18. Jahrhunderts aus Teschen/Oberschlesien. 472 S. + CD-ROM. 2012.

- Band 83 VELMEZOVA Ekaterina (éd./Hrsg.): Contributions suisses au XVe congrès mondial des slavistes à Minsk, août 2013 / Schweizerische Beiträge zum XV. Internationalen Slavistenkongress in Minsk, August 2013. 341 S. 2013.
- Band 84 INKOVA Olga: La corrélation en russe: structures et interprétations. 426 S. 2014.
- Band 85 BISCHOF HAYOZ Judith: Juliusz Słowackis Verserzählungen zwischen Band I Poezye (1832) und den Florentiner Poemen (1838/39). Komposition und Zyklisierungstendenzen. 493 S. 2016.
- Band 86 VELMEZOVA Ekaterina (éd./Hrsg.): Contributions suisses au XVIe congrès mondial des slavistes à Belgrade, août 2018 / Schweizerische Beiträge zum XVI. Internationalen Slavistenkongress in Belgrad, August 2018. 372 S. 2018.
- Band 87 ИНЬКОВА Ольга (под ред.) / INKOVA Olga (éd.): Семантика коннекторов / La sémantique des connecteurs. Количественные методы описания / Méthodes quantitatives d'analyse. 278 S. 2021.
- Band 88 VELMEZOVA Ekaterina (éd./Hrsg.): Contributions suisses au XVIIe congrès mondial des slavistes à Paris, août 2025 / Schweizerische Beiträge zum XVII. Internationalen Slavistenkongress in Paris, August 2025. 172 S. 2025.